8Р1кр
М17

П. Максяшев

В. Г. БЕЛИНСКИЙ

в Чембаре и Пензе

910511

8Р1кр
М17

П. Максяшев

В. Г. БЕЛИНСКИЙ

в Чембаре и Пензе

Саратов
Приволжское книжное издательство
Пензенское отделение, 1980

83Р1
М17

910511
Пензенская Обл. Библиотека
им. В. Г. Белинского
2019

Максяшев П.
М17 В. Г. Белинский в Чембаре и Пензе.— Саратов: Приволж. кн. изд-во (Пензен. отд-ние), 1980.— 190 с.

На основе вновь выявленных архивных документов, писем В. Г. Белинского и его родных, воспоминаний современников автор рассказывает о годах детства и юности Виссариона Григорьевича, истоках формирования его литературных и революционно-демократических взглядов, вносит некоторые уточнения в биографию великого критика.
Книга рассчитана на массового читателя.

70202
49-80

83Р1+63.3(2)47

© Приволжское книжное издательство, 1980 г.

РОДОМ ИЗ БЕЛЫНИ

В конце восемнадцатого — начале девятнадцатого веков в столичных и ряде губернских городов России проживало несколько семей, носивших фамилию Белинских. Среди них числились столбовые дворяне, средние и мелкие чиновники, а также другие служилые люди. Все они в основном были выходцами из заднепровских земель. Поэтому не случайно известный писатель-романист И. И. Лажечников в своих мемуарах указывал, что отец В. Г. Белинского является уроженцем Польши или западных губерний [1].

Однако родословная великого критика-демократа, как и происхождение его фамилии, связана с пензенским краем. Здесь в Нижнеломовской округе, селе Белыни служил священником Никифор Трифонов. У него было три сына и две дочери — Мария и Ксения. В. С. Нечаева — автор четырехтомного исследования о жизни и творчестве В. Г. Белинского — указывает, что старший сын Андрей родился в 1771 году. В двадцатилетнем возрасте его определили на службу дьячком в село Студенку Чембарской округи, а в 1798 году он занял место отца в Белыни. Хотя Андрей Никифорович не обучался ни в каком учебном заведении, но всюду хорошо аттестовался как в отношении грамоты, так и в поведении.

Средний сын Кузьма родился в 1780 году. В. С. Нечаева свидетельствует, что он с 1794 года обучался в семинарии и в 1797 году был взят «по разбору» на военную службу [2]. Насколько достоверны эти факты, судить трудно. Вновь выявленные архивные документы говорят

---

[1] В. Г. Белинский в воспоминаниях современников. М., 1977, с. 36.

[2] Нечаева В. С. В. Г. Белинский. Начало жизненного пути и литературной деятельности. М., АН СССР, 1949, с. 32.

о другом. В одном из них указывается: «В Тамбовскую семинарию дел экспедиции здешнего семинарии сторожа Кузьмы Белынского.

Всепокорнейшее прошение.

Находясь я, в здешней семинарии при исполнении сторожевской должности самоопределения, без всякого порока, имею нужду отлучиться к своему отцу, просить заручного прошения в селе Аргамакове. Того ради семинарскую комиссию экспедиции покорнейше прошу уволить меня... с билетом для забрания заручного прошения... впредь на три месяца и о чем учинить милостивое решение. Января 1797 года. К сему прошению сторож Кузьма Белынский руку приложил»[1].

Из этого документа впервые стала известна фамилия Кузьмы Никифоровича, от которого потом пошла другая линия Белинских. К ней, по всей вероятности, принадлежит мать Г. В. Плеханова — Мария Федоровна, урожденная Белинская. Кроме того, в прошении ясно сказано, что юноша нес службу «без всякого порока», то есть исправно, и не являлся учеником семинарии. Причем из сторожей в то время «по разбору» на военную службу, как правило, не брали. Видимо, при заполнении ревизских сказок о причте села Белыни за 1795 и 1811 годы, вошедших в сборник «В. Г. Белинский», изданный Пензенским областным издательством в 1948 году, вкралась какая-то ошибка.

Но наибольший интерес представляет судьба младшего сына Никифора Трифонова — Григория, родившегося в 1785 году. До сего времени биографы великого критика и революционного демократа не использовали многие первоисточники, характеризующие ту среду и те условия, в которых развивался и воспитывался его отец. Может быть, в силу таких обстоятельств в литературе об этом незаурядном и образованнейшем для своего времени человеке, оказавшем огромное влияние на становление и развитие взглядов юного Виссариона, сложилось негативное мнение. Например, Н. О. Лернер еще в начале двадцатых годов настоящего столетия в монографии о В. Г. Белинском писал: «Семейная обстановка, в которой рос будущий критик, была ужасающая; мало теп-

---

[1] Государственный архив Тамбовской области (в дальнейшем — ГАТО), ф. 186, оп. 4, д. 9, л. 5.

лоты и привета находил он в грубой, неинтеллигентной домашней среде, а его отец был невысоких душевных качеств, пустой и мелкий».

Еще более категорично характеризуют Григория Никифоровича другие авторы. В сочинении В. Садовского «Суровое начало», увидевшем свет в литературно-художественном альманахе «Земля родная» за 1961 год, вопреки историческим фактам напечатано: Григорий Никифорович «ушел из семинарии, поступил в медицинскую академию, кончил ее и стал штаб-лекарем. Служил в Свеаборге после женитьбы. Здесь... начались жаркие семейные баталии... из-за пагубного пристрастия штаб-лекаря проводить свободные часы в компании флотских офицеров, истинных друзей русского горя-злосчастья — водки. Сколько было выпито ее в Свеаборге, даже подумать страшно!..» Л. Славин в повести «Неистовый», изданной в 1973 году, прямо утверждает, что Виссарион «рос в безотцовщине» и «вырос на почве мятежа против своего отца».

Подобные примеры неединичны, хотя практически не имеют под собой никакой почвы. Многочисленные документы свидетельствуют о нелегком пути человека, стремившегося вырваться из удушающей среды духовенства, выйти на светлую дорогу жизни. И надо было обладать недюжинной волей, чтобы преодолеть все трудности на этой стезе, добиться своего идеала, первым получить в огромной округе, насчитывающей почти стотысячное население, академический диплом, избавлять людей от их недугов, помогать им более стойко переносить лишения, выступать в меру возможностей на их защиту от изуверства крепостников-помещиков и чиновничье-полицейского произвола.

Уже в раннем возрасте Григорий Никифорович видел все бесправие окружавших его крестьян. Не в лучшем положении находились и многочисленные родственники из числа духовенства. Их могли, как и крепостных, наказывать плетьми, подвергать другим унижениям. Не радовала и материальная сторона. На основе правительственного указа в 1765 году белынскому причту во время общего межевания было нарезано из общинных земель тридцать три десятины пахотных и сенокосных угодий. На первых порах этого надела вполне хватало, чтобы за счет земледелия в достатке обеспечивать себя хлебом. Но к концу восемнадцатого века положение резко изме-

нилось. Семьи церковнослужителей увеличились втрое, и в них насчитывалось свыше сорока человек. Если средний надел на душу у белынских крестьян составлял почти полторы десятины, то священнослужители имели в два раза меньше.

Оценивая свое положение, Никифор Трифонов стремился вывести своих детей в люди. Будучи грамотным и начитанным, что в то время было редкостью не только среди духовенства, но и мелкопоместного дворянства, он передавал свои знания сыновьям, надеялся, что это поможет им в жизни. В ходатайстве на имя епископа тамбовского и шатского Феофила Никифор Трифонов 1 июня 1797 года писал: «Имею я у себя одного сына Григория, который находится в числе малолетних церковников. От роду ему нижайшему 11 лет, а так как он российской грамоте обучен, то я, по его желанию... прошу принять моего сына в семинарию, о чем и учинить милостивейшую резолюцию...» [1]

На ходатайстве епископ Феофил 9 июня 1797 года наложил резолюцию: «Принять означенного отрока в семинарию». В этом учебном заведении существовал порядок присваивать ученикам клички-фамилии по названию сел, откуда прибывал тот или иной семинарист. Так Григорий Никифоров, как и его брат Кузьма, стал именоваться Белынским [2]. Вместе с ним учились другие дети священнослужителей, которые также носили фамилии по названию своих селений. Например, в списках семинаристов значились Егор Чернышевский, прибывший из села Чернышево, Петр Аргамаков — из Аргамакова, Петр Липовский — из Липовки, Гавриил Куликовский — из Куликовки, Феофан Шелалеевский — из Шелалейки и ряд других. Причем все эти села находились от семи до двадцати пяти верст от Чембара.

И. И. Дубасов в статье «Народное просвещение в Тамбовской губернии», опубликованной в декабрьском номере журнала «Древняя и Новая Россия» за 1878 год, подчеркивал: «Семинария в Тамбове явилась не прежде 1790 года». В. С. Нечаева в своем исследовании о начале жизненного пути и творческой деятельности В. Г. Белинского пишет, что это учебное заведение было основано

---

[1] ГАТО, ф. 186, оп. 3, д. 2, л. 15.

[2] Впоследствии, при поступлении в Московский университет, Виссарион Григорьевич изменил фамилию на Белинского.

в 1780 году и ранее [illegible] Нижнего Ломова в Казанском монастыре.

Подобные сведения не вполне основат[illegible]. Б[illegible] русский поэт Г. Р. Державин в декабре 1785 года был назначен губернатором в Тамбов. В этот город он прибыл ранней весной 1786 года. В своей переписке с местным епископом Феодосием Гаврилл Романович уже говорит о местной семинарии, проявляет заботу о ее благоустройстве[1]

Ко времени поступления Г. Н. Б[illegible]ского в Тамбовскую семинарию здесь уже сложились сравни[illegible] благоприятные условия для обучения и ра[illegible]тия способностей. Официально его зачислили учеником семинарии 30 июня 1797 года[2] (а не осенью 1798, как указывает В. С. Нечаева). Учебная программа была рассчитана на двенадцать лет, то есть в каждом классе воспитанники находились по два года[3]. В заправном, или подготовительном, низшем, высшем и риторическом классах [illegible] именовались учениками; философском и богословском — студентами.

Большинство из них находились на собственном коште, влачили нищенское существование. В таком же положении находился и Г. Н. Белынский. Жил он на скудной пище, ходил в домотканой одежде, стойко переносил все невзгоды.

В первых четырех классах изучались грамматика, пиитика и риторика. Эти дисциплины развивали у учащихся ораторское мастерство, особенно и произнесение проповедей, содействовали владению устной и письменной речи, пробуждали интерес к литературе, обогащали эстетический вкус. Преподаватели использовали в своих лекциях «Риторику» М. В. Ломоносова, составленную на основе сочинений классических авторов и западноевропейских руководств. Учащиеся знакомились теорию о трех «штилях» — высоком, среднем и низком. Они на практике должны были демонстрировать свои знания, раскрывать положения о построении речи, подчинять ее ясность глубине и серьезности мысли, уметь при помощи насмешки развенчивать обстоятельные доводы и, наоборот, на насмешку отвечать достоинством.

---

[1] Сочинения Державина. СПб, 1880, т. VIII, с. 447
[2] ГАТО, ф. 186, оп. 9, д. 10, л. 2
[3] См.: Русская старина, т. IV, 1899, с. 376

Много времени отводилось на штудирование «Наставлений проповеднику», «Речей» и «Риторики» Феофана Прокоповича, «Риторики» Аристотеля, сочинений Фомы Кемпийского и других книг, изданных на латинском языке. Поэтому в семинарии уделялось пристальное внимание его изучению.

Немаловажную роль в данном направлении сыграло также введение с 1798 года обязательного знакомства семинаристов с основами медицинских знаний. В правительственном указе говорилось, чтобы они, «приглядываясь к образу лечения, замечали бы при том, что и для какой болезни более употребляются лекарства, иначе замечали бы такие, которые можно было бы простому народу получать в своих селениях из тамошних произрастаний, ибо таким образом кроме общей пользы могут они в будущее время служить своим прихожанам советами или наставлениями и через что снискивать у них особенную доверенность и уважение».

30 мая 1800 года в журнале тамбовского семинарского правления появилось распоряжение «его преосвященства епископа и кавалера Феофила» об открытии двух экстраординарных (то есть сверхштатных) классов: «...один географии с историею, а другой арифметики с геометрией. Учителям же, назначенным для обучения, производить годовое жалование с их вступления в оные классы, из [illegible] жалованью Кириллу Макаровскому [illegible] по положению профессорского жалования двадцать пять рублей, а другого класса здешней [illegible] Чернозетинскому двадцать рублей...» Далее в документе говорилось о том, чтобы зачислять в указанные классы только успевающих семинаристов и имеющих к этому прилежание.

Вскоре К. Макаровский представил в семинарское правление список учеников, изъявивших желание заниматься математическими науками. Среди них числилась фамилия Г. Н. Белынского. А в 1802 году он стал посещать класс географии и истории[1]. Учителя и наставники предъявляли к семинаристам высокие требования, поддерживали жесткую дисциплину. Все они давали подписку в том, чтобы «иметь от предосудительных поступков и подозрений всевозможную осторожность под опасением поступления с ними по строгости законов».

---

[1] ГАТО, ф. 186, оп. 6, д. 5а, л. 3, 7, 8.

Еще более суровый документ в делах семинарского правления хранится от 12 мая 1800 года. В нем говорится: «Мы, нижеподписавшиеся, обязаны сею подпиской в том, чтобы никому из нас в силу его преосвященства определения не стричь на голове лавержен под опасением жестокого наказания и исключения из семинарии без ослушания». Под этим обязательством стоит свыше трехсот фамилий, в том числе и Г. Н. Белынского[1].

Много пришлось пережить и перечувствовать юноше в начале 1803 года. 11 февраля он подал на имя Феофила «всепокорнейшее прошение». В нем указывалось: «В прошлом 1802 году уволен был я именованным учителем в дом родителя моего на праздник рождества христова в село Белынь. Но во время из дома моего путешествия случилось со мною несчастие, а именно в селе Гавриловке покража моих денег, и я в таковом случае простоял целые сутки в оном селе для изыскания моих денег. Поэтому и не мог я явиться к показанному числу. Но в том на меня от семинарского правления представили рапортом к вашему преосвященству, за что и последовала от вашего преосвященства резолюция платить штраф два рубля. Но я не в состоянии оных платить, ибо родитель мой шестой год за старостью отставлен от должности, и я более помощи ни от кого не ожидаю, а он без приходу едва меня может содержать.

Того ради вашего преосвященства милостивейшего архипастыря всепокорнейше прошу учинить милостивую резолюцию меня от штрафа освободить...»[2].

Нашим современникам сейчас трудно понять те перипетии, в которых оказался семинарист Белынский. Во-первых, опоздание на один сутки могло грозить не только штрафом или розгами, но и записью в журнал, что потом отражалось во всех характеристиках и влияло на продвижение по службе. Об этом ярко свидетельствуют многочисленные факты. Так, в аттестации семинариста Алексея Знаменского указывалось, что он 1 июня 1802 года «наказан лозами с записанием в журнал за своевольную отлучку без ведома начальства в село Шереметьево»[3]. По этой причине ему отказали в приеме при поступлении в Медико-хирургическую академию. Некоторых семина-

---

[1] ГАТО, ф. 186, оп. 9, д. 12, л. 1—7.
[2] ГАТО, ф. 186, оп. 9, д. 136, л. 17.
[3] ГАТО, ф. 186, оп. 9, д. 10, л. 7.

ристов за повторные нарушения дисциплины отдавали в солдаты, заставляли месяцами поститься, сидеть на хлебе и воде, ежедневно по нескольку часов молиться и класть поклоны в домашней церкви.

Во-вторых, немаловажное значение для бедного юноши имели и денежные средства. На наш взгляд, невелики два рубля. Но в то время на них семинарист мог столо[illegible] и свыше месяца. Вот почему он так слезно просил [illegible]пастыря проявить к нему милосердие. Учитывая [illegible]брое прилежание и беспорочное поведение», Феофил [illegible]кил на прошении Белынского резолюцию: «Семи[illegible]ному правлению: освободить просителя от денежного [illegible] и наказать по рассмотрению своему, дабы впредь являлся в срок

И все же, несмотря на консерватизм и полубурсацкие порядки, изучение литературы, основ медицины, математики, истории и географии помогало некоторой части учащихся понимать материальность мира, сущность человеческих взаимоотношений. К такой категории относился Григорий Никифорович. Он все чаще задумывался над реальностью «божественного бытия», положением [illegible]нослужителя в обществе, который подобно нищему выпрашивает у прихожан для своего существования [illegible]елние гроши, омытые их потом и кровью

Вполне вероятно, что к этому времени Г. Н. Белынский мог познакомиться с вольнолюбивыми и антиклерикальными произведениями русских и западноевропейских писателей. Распространению такой литературы в Тамбове во многом способствовал И. Г. Рахманинов, один из интереснейших людей последней четверти восемнадцатого столетия. Иван Герасимович издавал в 1788—1789 годах журнал «Утренние часы», в котором публиковали свои басни, стихи, сатиры, эпиграммы Г. Р. Державин, И. А. Крылов, И. И. Дмитриев, П. А. Озеров. Допускается также возможность участия в этом еженедельнике А. Н. Радищева. Но особенно большое место И. Г. Рахманинов отводил переводам произведений Вольтера, проникнутых духом вольнодумия.

Безусловно, такая направленность журнала вызвала недовольство властей. Передав типографию «А. И. Крылову со товарищи», Иван Герасимович переехал в свое [illegible], расположенное в Тамбовской губернии. Здесь он основал новую типографию и возобновил печатание переводов своего кумира как раз в разгар французской

буржуазной революции. Без разрешения цензуры И. Г. Рахманинов выпустил в свет «Аллегорическия, философския и критическия сочинения г. Вольтера», «Н[illegible] побежденная любовию», «Политическое завещание [illegible]одина Вольтера» и другие книги, которые [illegible] сиянием передовых кругов Тамбова.

Однако в 1793 году об[illegible] издательской деятельности Ивана Герасимовича стало известно Екатерине II. [illegible] В документе говорилось: «Чтобы вы как наискорее и б[illegible] маленшего разглашения приказали помянутую типографию у Рахманинова запечатать и печатание запретить, а книги все конфисковать и ко мне всем оным [illegible] реестр»[1].

Шумное рахманиновское «дело» было закрыто лишь в 1797 году, то есть в тот период, когда Григорий Никифорович поступил в семинарию. Но толки о преследованиях Ивана Герасимовича не прекращались и в последующее время. И [illegible] книги [illegible] читали и перечитывали, передавали из рук в руки по знакомству. И не исключена возможность, что уже в Тамбове Г. Н. Бельнский впервые познакомился с сочинениями Вольтера, который стал его любимым писателем на всю жизнь.

Под влиянием окружающей действительности, новых идей у Григория Никифоровича зрело [illegible] семинарии. Многие не выдерживали материальных трудностей, суровый, жестокий порядок. В течение [illegible]го курса отсев достигал почти семидесяти процентов. Например, в 1791 году было принято в заправный класс девяносто два человека, а окончили из них семинарию лишь восемнадцать. Юноше хотелось учиться, получить соответствующее образование, особенно медицинское. Ему известен был императорский указ, на основе которого в Медико-хирургическую академию направлялись семинаристы, окончившие философский класс. Чтобы выдержать экзамен, следовало хорошо знать словесность и латинский язык. К этим предметам Г. Н. Бельнский относился с особой любовью и старательно.

Будучи в риторическом классе, он решил испытать счастье и подал прошение о направлении в Медико-хи-

---

[1] См.: Смирнов-Сокольский Н. Рассказ о книгах. М., 1960, с. 206.

рургическую академию. В. С. Нечаева в своем исследо[illegible] пишет: «В 1803 году были отправлены «согласно же[illegible] студенты философии Василий Порошинский и Тимофей Черноцетинский. Вероятно, в этом же году поехал в акад[illegible]ию и Григорий Никифорович. Он не входил в число отобранных, так как он не прошел еще филос[illegible]ского класса, и поехал в Петерб[illegible] самостоятельно[illegible]

Такое предположение не имеет под собой никакой ос[illegible] [illegible]мостоятельную поездку семинариста могли строго наказать. В сохранившемся документе говорится: «По указу его императорского величества святейший [illegible]вительствующий Синод слушал донесение медицин[illegible]кой коллегии, в коем имеется рапорт Тамбовской вра[illegible] управы о том, что тамошней семинарии филосо[illegible]кого класса студенты Иван Князевский, Василий [illegible]ериявский и риторического класса ученики Алексей [illegible]менский, Василий Кинецкий и Григорий Белынский, желая поступить в Медико-хирургическую академию, просили управу (разрядка моя. — *П. М.*) отпустить [illegible] с двумя студентами, выбранными по назначению святейшего Синода, из Тамбовской семинарии в Санкт-Петербург. По сему медицинская коллегия просит... донесть, какого они качества по нравственности, когда поступили в семинарию, чему учились, с какими успехами и каких каждый лет от роду»[2].

Это отношение пришло на имя Феофила 20 октября 1803 года. Через четыре дня он получил из семинарского правления рапорт, в котором давались ответы на все интересующие медицинскую коллегию вопросы. В част[illegible] [illegible], Григорий Никифорович [illegible] [illegible]ным поведением, успехами в учении нехудыми (то есть [illegible]орошими), в семинарию поступил 30 июня 1797 года, от роду ему шестнадцать лет

31 октября Г. Н. Белынскому, как и его товарищам, выдали свидетельство на право проезда до Санкт-Петербурга «для поступления по его желанию в Медико-хирургическую академию». Ведомости о сдаче экзаменов в архивах не обнаружено. Но Алексея Знаменского по указанной выше причине в академию не приняли.

После возвращения из северной столицы Григорий Никифорович навестил родных в Белыни и Чембаре. А

Нечаева В. С. Указ. соч., с. 42
ГАТО, ф. 186, оп. 9, д. 10, л. 1

9 декабря 1803 года Тамбовская в[illegible]
на ему паспорт, в котором указывалось: «Объявитель сего Тамбовской семинарии ученик Григорий Никифор[illegible]
[illegible]
[illegible]

[illegible]ялись И. П. Франк, братья Иван Андреевич и Тимофей Андреевич Смеловские, П. А. Загорский, В. В. Петров, И. Ф. Буш, А. И. Шерер, С. Ф. Гаевский, С. А. Громов и другие. Почти все они в самом начале девятнадцатого [illegible] издали учебные пособия, научные труды, на которых [illegible]лось не одно поколение врачей.

[illegible] П. А. Загорский в 1802 году выпустил в [illegible]ый учебник «Сокращенная анатомия», вы[illegible]авший пять изданий. Видимо, его труды [illegible]шней библиотеке Григория Никифоровича. Позже в [illegible] из рецензий В. Г. Белинский назовет Петра Андреевича ученым, совершившим подвиг во славу отечест[illegible]

[illegible]академии продолжалось четыре года. Из [illegible] Медико-хирургической) академии за 100 лет. 1798—1898. Под редакцией Ивановского» видно, что в первых двух [illegible]ассах слушатели именовались учениками, на последних двух — студентами. Занятия проводились круглый [illegible]. Начиная [illegible]ьего учащиеся ежедневно посещали госпитали, исполн[illegible]ности фельдшеров. Студенты третьего класса [illegible]тавали лекарства и делали мелкие операции. Студенты четвертого класса вели истории болезней, выписывали [illegible] наблюдениями преподавателей решения и обязаны были в течение года сделать четыре сложные операции.

[illegible] конце года проводился строгий экзамен, а в [illegible]сте — генеральный экзамен. По окончании курса студенты держали испытания по всем преподававшимся за четыре года предметам. Экзаменовавшихся ежегодно делили на пять отделений. Причем к первому отделению относили лучших учащихся, к пятому — безнадежных, которые немедленно исключались. Может быть, такая участь постигла Ивана Князевского, Василия Черняв[illegible]ского и Василия Кинецкого, поступавших в академию вместе с Белынским, но не значащихся в списке ее выпускников за 1809 год. Не оказалось ни в одном из списков Василия Порошинского и Тимофея Чернопетинского, о которых пишет В. С. Нечаева

Успехи Григория Никифоровича сначала оценивались в основном средним баллом. На четвертом курсе он вышел в число лучших студентов. Об этом свидетельствует такой факт. В 1809 году президент Медико-хирургической академии Я. В. Виллие издал свод обязательных

[illegible] Федорович [illegible] Александр Петрович Фишер [illegible] руководение всей медицинской частью России. Он [illegible] врачом императорской семьи. [illegible] подарило академии [illegible] капитала своего труда для «награждения достойных». Среди них оказались восемь надворных советников, шесть ординарных и экстраординарных профессоров, тринадцать адъюнкт-профессоров и семь студентов третьего отделения четвертого класса. Такой чести были удостоены Григорий Белинский, Степан Иванов, Егор Козловский, Петр Лесгин, Степан Пожарский, Яков Зубанович и Михайло Зубринский[1].

В «Истории Императорской военно-медицинской академии» отмечается, что казенное содержание было [illegible] скудным. Студенты жили впроголодь. Тяжелые материальные условия приводили к заболеваниям и отсеву учащихся. Среди студентов наблюдались случаи пьянства, [illegible]. За это их подвергали суровым наказаниям (сажали в карцер, назначали на дежурство вне очереди, отдавали в солдаты или направляли фельдшерами в ар[illegible]).

[illegible] дисциплина, скудные условия жизни, почти [illegible] занятия вырабатывали у студентов выносливость и способность к борьбе с невзгодами жизни. Среди учащихся царил дух солидарной поддержки. Постоянное творческое общение, совместные чтения литературы, дискуссии развивали высокие нравственные чувства, [illegible] жение ко всему честному и благородному.

Таким образом, годы, проведенные Г. Н. Бельским [illegible] семинарии и особенно в академии, наложили определенный отпечаток на его мировоззрение, характер. Он стал обладать не только хорошими знаниями, но и трезво смотреть на окружающую действительность. Его родственница помещица Н. Н. Щетинина, урожденная Владыкина, которая хорошо знала Григория Никифоровича и не весьма лестно отзывалась о нем, указывала в своих мемуарах: «Это был человек с насмешливым умом, безпаботным, честным и прямым характером, часто жертвовавший общественными и семейными выгодами своему

[1] ЦГАВМФ, ф. 749, оп. 44, д. 7, л. 67.

юмористическому направлению, отчасти либеральному, отчасти семинарскому. Он вынес из школы идеи, заброшенные первою французскою революцией, и здоровый взгляд на литературу. Отдавая должную дань почтения европейским талантам, начиная с Шиллера и прочее, он довольно метко и цинически-добродушно смеялся над гордившимся своими зачерствелыми предрассудками провинциальным обществом г. Чембара». И далее м[illegible] подчеркивала: «Идеи отца имели большое влия[illegible] на религиозное и нравственное развитие Виссариона»[1].

5 июня 1809 года состоялся очередной выпуск в Медико-хирургической академии. Министр морских военных сил адмирал П. В. Чичагов в ходатайстве на имя мини[illegible] внутренних дел А. Б. Куракина [illegible], что на флоте недостает медицинских служащих, и в связи с этим просил направить в его распоряжение двадцать выпускников. В ответном письме А. Б. Куракин сообщал: «Из числа пятидесяти выпускников, удостоенных ныне [illegible] Медико-хирургической академии [illegible] вания, Его Императорское Величество высочайше повелеть соизволил десять назначить во флот для распределения к местам на лекарские вакансии и трех кандидатов медицины для военной морской госпитали...»

В числе этих трех кандидатов находился Григорий Никифорович. Главный командир Кронштадтского порта вице-адмирал И. М. Колокольцев в рапорте на имя П. В. Чичагова сообщал: «Лекарь 3-го отделения Владимир Кузнецов и кандидаты хирурги Бельский, Иванов и Пожарский сего июня месяца 17 числа явились. По приведении на верность службы к присяге, первый помещен на фрегат «Кастор», а последние к должности допущены в Кронштадтской морской госпитали».

Жалованье у Григория Никифоровича было невелико — двести рублей в год. Причем из этих денег высчитывали за порчу и утрату инструментов, лекарств, медицинских пособий и т. д. Так, 29 ноября 1809 года с него взыскали один рубль за утерю экземпляра «Судной медицины».

Вскоре по прибытии на место службы Г. Н. Бельский познакомился с дочерью шкипера Н. Н. Иванова, восемнадцатилетней Марией, выросшей среди «служивого лю-

---

[1] Русский, 18 июня 1868, № 1[illegible].
ЦГАВМФ, ф. 130, оп. 1, л. [illegible]

да» Крон[illegible]гадтской крепости, и 3 ноября женился на ней. На первых порах молодые супруги проживали, по всей вероятности, на квартире родителей.

Григорию Никифоровичу приходил[illegible] Медиков не хватало, а [illegible] в госп[illegible] насчитывалось около двух тысяч. Большинство из н[illegible] страдали тяжелыми недугами. Об этом сообщал мин[illegible]стру военных морских сил генерал штаб-доктор флота Я. Лейтон. В рапорте он указывал: «Больные, ос[illegible] долгое время в командах, получают столь сил[illegible] болезни, что по привозе в госпиталь на второй или тр[illegible]гий день некоторые умирают. Те же служители, кои во[illegible] вращаются из госпиталя в команды, употребляются бе[illegible] всякого уважения в тяжелые адмиралтейские работы, от чего совершенно изнуряются в силах, так что никакое ум[illegible] искусство не в[illegible] состоянии возврат[illegible] им надлежащ[illegible] здоровья» [1].

Надо было с первых же дней проявлять забо[illegible] простых матросах, канонирах и других младших чинах. Подписывая кондуитский список «госпитального штата» контр-адмирал Моллер 22 июня 1810 года под фамилией Г. Н. Белынского заполнил следующие графы: «каково ведет себя по службе — хорошо; какие имеет способности ума — хорошие; непредан ли пьянству или игре — [illegible]дан; какие знает иностранные языки — латинский; [illegible]ет ли знания в каких науках — науки по своей дол[illegible] знает» [2]. После этой характеристики 20 августа его произвели в лекари с повышением жалования до четыр[illegible]сот рублей в год.

Но чувствовалось приближение войны с Францией. В связи с этим усиливался Балтийский флот. Осенью 1810 года Григория Никифоровича направили в седьмой гребной экипаж, который базировался в крепости Свеборг. Сюда он прибыл вместе с женой Марией Ивано[illegible]

В каких условиях оказались лекарь и его жена, м[illegible]ко видеть из сохранившегося рапорта инспектора медицины Свеаборгского порта Гиртиса. «Оное укр[illegible] сообщал он,— построено на малом [illegible] утверждено кругом толстыми стенами и пушками. В[illegible] крепости учреждена госпиталь. Почти все палат[illegible]

[1] ЦГАВМФ, ф. 130, оп. 1, д. 990, л [illegible]
[2] ЦГАВМФ, ф. 130, оп. 1, д. 1017 [illegible]

больные находятся, низки и столь тесны, что с великою нуждою в каждом помещается от шести до семи кроватей. В таких малых палатах воздух в очень скором времени портится и не успевает выветриваться. В рассуждении сего и примечается, что не только внутренние болезни, но даже и самые малейшие раны делаются злокачественными...

Осенью и весной, при распутице, и летом нередко [illegible]етры весьма отягощают госпитальные обстоя[illegible] поставке воды и съестных припасов, которые [illegible] великим трудом и опасностью имеют быть доставляе[illegible]

[illegible] Сиськорге даже и мы живем в тесноте и чрезвычай[illegible] дороговизну чувствуем. Главный колодец, откуда [illegible] жителями употребляет[illegible], называется бассейном и в последних месяцах зимы совсем вымерзает. К тому же резкие перемены погоды, частые туманы, жестокие и пронзительные ветры пагубно действуют на выздоровление больных...[1]

О трудных обстоятельствах, положении в Сиськоргской крепости, [illegible] Александр I. В итоге последовало его распоряжение о том, чтобы морским чиновникам, которые находятся на судах, а также [illegible] офицерам, остающимся на берегу, увеличить [illegible] жалований соразмерно трудам их». Этот царский рескрипт, как видим, не распространялся на рядовых служащих, которые продолжали оставаться на «скудном содержании»[2].

Григорий Никифорович стойко переносил тяготы [illegible] службы. Отцовство и появление на свет первого ребенка. И вот 30 мая 1811 года родился сын, которого назвали Виссарионом.

В «Летописи жизни и творчества В. Г. Белинского» [illegible], что ему в то время было двадцать семь лет, а матери — двадцать три года. Эти данные не совпадают [illegible] документами и источниками. В рапортной ведомости за 1795 год Григорию Никифоровичу указано десять лет, в прошении о зачислении его в семинарию в 1797 году — одиннадцать лет, в формулярном списке за 1816 год, хранящемся в ЦГАВМФ, — тридцать

[1] ЦГАВМФ, ф. 130, оп. 1, д. 1007, л. 4—5.

[2] Описание дел архива морского министерства. СПб, 1906, т. X, с. 493.

один год и в формулярном списке [illegible]
цевять лет. Если учитывать, что во [illegible]
зывались только полные года, то [illegible] 17[illegible]
году и к моменту появления первого [illegible]
ть двадцать шесть лет. Извлечения [illegible]
списка шкипера И. И. Иванова, опубли[illegible]
ковым в майском номере журнала «Исторический в[illegible]
ник» за 1911 год, свидетельствуют о том, что его дочер[illegible]
Марии Ивановне в 1809 году было восемнадцать [illegible]
исповедальных книгах за 1818 год ей показано два[illegible]
шесть лет, за 1819 год — двадцать семь, за 1827 год [illegible]
ридцать семь лет. В метрической книге (часть третья о умерших) за 1834 год сказано, что она «скончалась [illegible]
рока одного года». Следовательно, Мария Ивановна р[illegible]
лась в 1791 или 1792 году, и было ей, когда родился Виссарион, около двадцати [illegible].

Видимо, материальные лишения, к[illegible] суровость климата сказались на здоровье мальч[illegible]. Вспоминая рассказы матери о своем младенчестве, В. Г. Белинский в одном из писем указывал: «Родился я больным при смерти, груди не брал и не знал ее... со[illegible] рожок, и то, если молоко было прок[illegible]е и гн[illegible] жего не мог брать» [XI, 512][1]. Не все в этом письме, может быть, достоверно. Что-то за памятью лет сместилось, что-то сказано ради экспрессии (действительно, откуда же взять свежее молоко, если воду и ту завозили). Но о том, что дети в Свеаборгской крепости рождались слабыми и некоторые умирали в раннем возрасте, свидетельствуют формулярные списки [illegible] Григорьевича Нагафоровича.

Спустя две с половиной недели после рождения Виссариона лекарь получил приказ отправиться вместе с гребной флотилией в плавание. Медицинская практика расширялась — ему приходилось лечить пациентов в походных и полевых условиях, проявлять смелость и новаторство в оперировании больных матросов и канониров.

Однако медицинский инспектор Свеаборгского порта Л. П. Дебу не одобрил его действия, оскорбил Г. И. Белинского и просил медицинскую экспедицию министер-

[1] Здесь и далее все ссылки на произведения В. Г. Белинского даются в тексте по Полному собранию сочинений в 13-ти томах. М., 1953—1959, с указанием в скобках тома и страницы

[illegible] оных морских сил наказать этого «строптивого [illegible] ент[illegible]

[illegible] написал [illegible]нение, в котором указывал: «Получен мною [illegible] высокородия августа 10 дня 1811 года ордер [illegible] 209, в котором предписано мне, по сделании [illegible]лерийской бригады Иван[illegible]неву Punctura abdomine (пункции брюшной поло-[illegible], что в избрании места для производства оной я не [illegible]натомического, ни хирургического сведения, по-[illegible] и не смею выбирать места для прободения между [illegible] и соединением лобковых костей на белой линии [illegible] мочевого пузыря, а должен я знать двоякое для [illegible]ии время: необходимость и отсрочку. Поэтому-д[illegible]лать операции необходимости моей [illegible]кожусь в походе и коренного [illegible]чения [illegible] чтобы не отослать больного в ближай-[illegible] госпиталь...

Операция делана была мною тогда, когда я имел не-[illegible]выбрал для оной место там, где и вы в та-[illegible]учае за лучшее выбрать оное почли; а что ка-[illegible]ется до сведения анатомического и хирургического, то [illegible] Императорской медико-хирургической академии я [illegible]только же в том успел, как и другие выпускаемые из [illegible] студенты; и в оной академии не только по одной медицинской части преподаются науки, но и по хирургической части. Почему смело могу сказать, что вы ордер [illegible]и мне неправильный и хотите представить ме-[illegible]инской экспедиции. Медицинская экспедиция предус-[illegible]трительнее в таких случаях, она знает время и обстоя-[illegible]ва, где, кому что делать должно, и какие права в [illegible]таемых должностях от местного медицинского на-[illegible]а должны иметь. Больной имел воспалительный [illegible]сс, и я знал, когда ему сделать операцию, и за место [illegible]ранное мною я могу сослаться на опытнейших вам [illegible]; и также что касается до права делать операции [illegible]ем отряде, я имею такое же право, как и вы, а слу-[illegible]ще более вас. О чем вашему высокородию имею [illegible] донести. Лекарь Бельский [illegible]

Приведенный документ говорит о многом. Лекарь ве-[illegible] в свои знания и способности, помнил и ценил «опыт-[illegible]ных мужей», которые учили его в академии. Невзирая

[illegible] ЦГАВМФ, ф. 130, оп. 1, д. 1112, л. 4—5

высокий чин дефо, прямо говорил о его отсталости и [illegible] [illegible] [illegible], [illegible]имо, изучил практические возможности этого чиновника, прослужившего на флоте почти тридцать лет и [illegible]шего медицинские науки «во времена оно»[1].

Но инспектора Свеаборгского порта поддерживало высокое начальство. Оно дорожило честью мундира. Медицинская экспедиция «нашла ответ Г. Н. Белынского истинно оскорбительным» и покорнейше просила его высокопревосходительство управляющего министерства [illegible] [illegible] маркиза [illegible] [illegible]казать сего лекаря за такую дерзость недельным арестом в пример другим медицинским чиновникам». На этом ходатайстве Траверсе наложил резолюцию: «Согласен»[2].

За непочтительное отношение к начальству Григория Никифоровича обошли и в представлении к высоким наградам. Он «исправно отправлял должность [illegible] в походах против неприятельских войск, защищал [illegible]полеоновских отрядов Митаву и Ригу, а в аттестациях [illegible] старался принизить его заслуги. Завершал [illegible]ной кондуитский список, он 21 декабря 1812 года отмечал, что лекарь Григорий Белынский ведет себя по службе хорошо, пьянству и игре в карты непредан, знает иностранные языки латинский и часть французского, по способности ума имеет посредственные.

В 1813 году Григория Никифоровича снова перевели в Кронштадт. Здесь его непосредственным начальником стал старший инспектор медицинской части А. Фран, который на протяжении трех лет характеризовал лекаря как способного и к повышению чинов достойного.

Причем аттестация производилась в зависимости от исполнительности положенных обязанностей, отношений в семье и с сослуживцами, прилежания к пополнению знаний и приобретению опыта. Например, главный лекарь Кронштадтского госпиталя Федот Теренберх не аттестовывался в знании латинского языка, а у его помощника Ивана Кильфельда в графе о владении иностранными языками указывалось: «мало латинский».

Те лекари, которые допускали нарушения дисциплины, увлекались карточной игрой или выпивкой, сурово

---

[1] ЦГАВМФ, ф. 130, оп. 1, д. 1112, л. 6.
[2] ЦГАВМФ, ф. 130 оп. 1, д. 1313а, л. 101.

наказывались. Об этом свидетельствуют десятки архивных документов.

Например, в одном из них де Траверсе на имя генерал-штаб-доктора флота Я. Лейтона писал: «На основе представления касательно штаб-лекаря Соболева, лекарей Жиницова, Вознесенского и Боровикова от местного начальства, худо аттестованных, прошу приказать употребить строгий надзор за их поведением, а также исполнением должности и по прошествии некоторого времени уведомить меня, как они вели себя по службе».

В итоге установленного надзора лекаря Вознесенского «за худое поведение» уволили в штатское ведомство. Подобная же участь постигла лекарей Ивана Сычева, Матвея Иванова, регистратора Б[illegible] Жестко. Были наказаны многие другие чиновники. Причем эти наказания выражались в различных формах и накладывались в зависимости от степени совершенных нарушений, их систематичности. В частности, за грубое отношение к семье и товарищам двухнедельному аресту подвергли лекаря Успенского. За отступления от положенного регламента лишили [illegible]ского звания Владимира Андреева. За допущенные проступки были отстранены от должности штаб-лекарь Панкратий Бенедиктов и провизор Козловский[1].

Таким образом, весь персонал Балтийского флота, подчиненный медицинской экспедиции, постоянно находился в поле зрения инспекторов и другого начальства. Поэтому каждый проступок того или иного чиновника, подчиненного указанному ведомству, регистрировался в кондуитских списках, рапортах, характеристиках, донесениях и т. д. Однако из обнаруженных в архиве документов видно, что возникшая в середине прошлого века и вот уже свыше ста лет муссируемая на все лады легенда об увлеченности Григория Никифоровича в период службы на флоте спиртными напитками не подтверждается ни одним фактом. Нельзя, на наш взгляд, доверять и тем мемуаристам, которые обвиняют его в семейном разладе на этой почве, начавшемся якобы «с первых дней совместной жизни с женой Марией Ивановной». Во-первых, подобные воспоминания писались людьми, никогда не служившими вместе с ним. Во-вторых, такие

[1] См.: ЦГАВМФ, ф. 30, оп. 1, д. 1097, л. 18, 19, 105, 169; д. 1764, л. 42, 46; д. 1872, л. 2—4; д. 1881, л. 6; д. 2030, л. 5

[illegible]лись на свет спустя тридцать-сорок лет после кончины лекаря.

В то же время первоисточники, заполнявшиеся, как говорят, по свежим следам и до сих пор не приводившиеся [illegible] и в одном исследовании о Г. Н. Белинском, свидетельствуют совершенно о другом. Даже Дебу, который питал к Григорию Никифоровичу явную [illegible] Ведь мог [illegible] единый повод, написать в графе «предан пьянству [illegible] игре» утвердительный ответ. Но такого повода не б[illegible] То же самое касается графы «каков в семье», где медицинский инспектор проставил: «хорош». И только при заполнении графы «какие имеет способности ума» он вопреки совести и [illegible]

После окончания войны Г. Н. Белинский решил уйти в отставку. 18 сентября 1816 года он подал прошение на имя царя Александра I. В приложенном послужном списке лекарь указывал, что ему от роду тридцать один [illegible] г. духовного звания, российской нации и закона; в [illegible]ко-хирургическую академию вступил из студентов Гамбовской семинарии 1804 года января 9 д[illegible] из оной кандидатом медицины и хирургии и опр[illegible] для отправления должности в Кронштадтскую морс[illegible] госпиталь 1809 года июня 18 дня; лекарем про[illegible] 1810 года августа 20 дня. Далее он свидетельствовал: «В 1811 году командирован был для отправления должности в кампанию на гребную флотилию с 18 июня по 28 октября. В 1812 году командирован на оную же флотилию в Ригу с 27 июня по 30 ноября, где отправлял должность в сухопутной госпитали и в оной находился в резервном лазарете при пользовании больных раненых, за что получил на голубой ленте серебряную медаль». Здесь же в графе «бывал или нет в походах против неприятеля и в самих сражениях» лекарь написал «реис имел от Свеаборга до Риги и от Риги до Митавы»[1]. Затем он писал, что в 1813 году был направлен в 1-ю морскую артил-

---

[1] В другом формул[illegible] [1834 г.] Г. Н. Белинский пи[illegible] В 1812 году... рейс имел [illegible]борга до Риги, а от оной до Митавы, где находился в сражении против неприятельских батарей, [illegible] что и получил на голубой ленте медаль». См.: В. Г. Белинский 1848—1949. Сборник статей и документов к биографии великого критика под редакцией Н. Л. Бродского. Пензенское обл. изд-во, 1948, с. 139 (в дальнейшем — В. Г. Белинский. Сборник документов, с указанием страницы)

ерийскую бригаду на пятисотый оклад. Звание штаб-[illegible]каря ему присвоили 2 сентября 1816 года

В. С. Нечаева в своем исследовании указывает, что в одном из формулярных списков (1833 г.), частично заполненном собственноручно Григорием Никифоровичем, есть «сведения о каких-то болезненных припадках, [illegible]рыми он страдал» и по этой причине перемещен из мор-[illegible] ведомства в гражданское

Ответ на возникший вопрос дает рапорт генерал-штаб-[illegible]октора флота Я. Лейтона на имя морского министра Траверсе. 22 сентября он докладывал: «Штаб-лекарь 11-го флотского экипажа Григорий Белынский в прошении, поданном на Высочайшее имя, объясняет, что он во время нахождения в морских кампаниях, особенно в 1812 году в бытность его на канонерских лодках в Риге, расстроил свое здоровье, имеет ныне удушье, а сверх того страждет геморроидальными припадками, почему и просит увольнения от службы.

Из собранных сведений видно, что Белынский... в отправлении должности и в поведении аттестовался хорошо... шестилетний срок для получения свободы из военных ведомств выслужил.

Медицинская экспедиция на увольнение штаб-лекаря Белынского от службы по болезненным припадкам испрашивает разрешения Вашего высокопревосходительст-[illegible]

На второй день Траверсе наложил резолюцию: «Согласен». Наряду с этим он распорядился «удовлетворить [illegible]янутого лекаря заслуженным жалованием и прочими довольствиями, вручить ему прилагаемый при сем пас-[illegible]

В «Летописи жизни и творчества В. Г. Белинского» Ю. Г. Оксман пишет: «Г. Н. Белынский, получив 21 ок-[illegible]бря 1816 г. по болезни увольнение от военной службы, [illegible]езжает... в г. Чембар, Пензенской губернии, где по-[illegible]чает назначение на должность уездного врача». Здесь вкрались сразу [illegible] ошибки. Григорий Никифорович окончательно получил все документы и положенное довольствие 26 сентября и сразу же собрался в дорогу. Вместе с ним в дальний путь отправились Мария Н[illegible]повна, ее мать Дарья Евсеевна, Виссарион, второй сын

ЦГАВМФ, ф. 130, оп. 1, д. 1870, л. 5

Там же, л. 6–7

Константин, родившийся 19 сентября 1812 г. в К[illegible]ге, и полуторагодовалая дочь Александра.

Предстояло проехать на лошадях свыш[illegible] верст. Но дорога для Григория Никифорови[illegible]кома. По ней еще юношей следовал он из Тамбова в Петербург. Запомнились некоторые почтовые [illegible] большие уездные городишки, через которы[illegible]вин путь в родные пензенские края.

[illegible]тьем возрасте покидал Виссарион [illegible] Неизвестно, какой след оставили в в[illegible]ой душе ребенка эти первые годы его жизни. Н[illegible] одно: события, связанные с нелегкими [illegible]ниями за судьбу близких людей. Позже, в[illegible] раннее детство, В. Г. Белинский писал: «Мы, юнош[illegible]нешнего века, мы, бывши младенцами, слышали от [illegible]рей наших не об Измаиле, не о Кагуле, не о Рымнике [illegible] об двенадцатом годе, о Бородинской битве, о сожжении Москвы, о взятии Парижа» [II, 9—10]

Рассказы о былых походах отца и его с[illegible] о [illegible]тве, отваге и героизме русских воинов он оуде[illegible] раз слышать из уст родителей и тех защитников [illegible], которые испытали «лихую долю» вместе с [illegible]ренскими ополченцами. Но это будет уже в Чембаре, [illegible] большом уездном городке, затерявшемся среди полей и перелесков где-то там, в центре России. И трудно сказать, как бы сложилась дальнейшая жизнь Виссариона Григорьевича, если бы он не оказался на пензенской земле, которая стала колыбелью формирования его взглядов. Здесь будущий революционный демократ познал всю глубину жестокости крепостной действительности, лицом к лицу столкнулся со всеми вопиющими фактами бесправия народных масс и получил первые впечатления о силе и могуществе русского человека, его высоких стремлениях к свободе, независимости и равноправию. Поэтому изучение детских и юношеских лет жизни В. Г. Белинского, той среды, в которой он рос, представляет существенный интерес для познания дальнейшего творческого пути непревзойденного литературного критика-публициста и выдающегося «предшественника, — по определению В. И. Ленина, — русской социал-демократии»[1]

[1] Ленин В. И. Полн. собр. соч. т. 6. с. 25

В ПРОВИНЦИАЛЬНОМ ГОРОДКЕ

Путь от Петербурга до Чембара занял, видимо, около трех недель. Уже 21 октября Г. П. Белинский по распоряжению гражданского генерал-штаб-доктора был определен на вакантное место уездным врачом. Почти тринадцать лет прошло с тех пор, когда он в последний раз был в этом городке, похожем тогда на большое село. Запомнились ветхие домишки казенных, или, как их называли, «ясашных», крестьян, соляные амбары, деревянные здания присутственных мест, обширная базарная площадь, на которой по четвергам торговали разными товарами, привозимыми даже из других губерний.

За прошедшее время уездный центр неузнаваемо изменился. Вместо курных изб возникли дома с тесовыми крышами, топившиеся по-белому. Население увеличилось почти в два раза и составляло около двух с половиной тысяч человек. Особенно возросло число дворян, купцов, мещан и разночинцев — мелкого служилого люда. Среди построек выделялись особняки местной знати. Никольскую площадь украшала белокаменная церковь. Напротив возвышалось двухэтажное здание, где размещались полиция, суд, казначейство и другие чиновничьи службы.

Город застраивался на новом плане, утвержденном еще в 1785 году Екатериной II. Были вновь проложены четыре улицы, пересекаемые шестью поперечными. Они привлекали внимание каждого, кто приезжал в Чембар, своим простором. Позже, когда В. Г. Белинский впервые попал в столицу, он писал: «Иногда идешь большою известною улицею и забываешь, что она московская, а думаешь, что находишься в каком-нибудь уездном городе. Часто в этих улицах встречаешь превосходные по красоте и огромности строения, а между ними такие, какие и в самом Чембаре почитались бы плохими...

Вообще, во всей Москве улицы узки. Самая широкая едва ли может равняться с чембарскою» [XI, 30].

На первых порах Григорий Ниифорович остановился со всей семьей у родственников Ивановых. Петр Петрович — хозяин дома — занимал должность секретаря уездного суда. Через его руки проходили многочисленные дела, касавшиеся наказания крестьян за непослушание, неуплату податей и уклонение от рекрутской повинности; поджогов помещичьих имений; незаконного захвата земли, сенокосных и лесных угодий; купли и продажи крепостных, движимого и недвижимого имущества. Ему приходилось участвовать в разборе различных споров, часто возникавших между дворянами при разделе наследства, межевании вотчинных наделов. Он хорошо знал российские законы и различные положения, стремился руководствоваться ими при ведении следствия и вынесении приговоров. Именно эту сторону в «исполнении должности» П. П. Иванова высоко ценил видный государственный и политический деятель М. М. Сперанский, который с 1816 по 1819 год являлся пензенским губернатором. Будучи в Чембаре, он интересовался работой уездного суда, отмечал честность его секретаря.

Выделялся Петр Петрович среди своих сослуживцев и более высокой культурой, начитанностью. Он, по мере возможности, следил за литературными спорами на страницах журналов, имел в доме небольшую библиотеку. Позже в одном из писем Виссариону Григорьевичу П. П. Иванов указывал: «...у меня есть некоторые книжки, читаешь сочинения иных, кажется — чего тут найти, а прочтешь твои возражения, увидишь правду»[1].

Его жена, Федосья Степановна, доводилась Григорию Ниифоровичу родной племянницей. Она унаследовала от своей матери Марии Ниифоровны мягкосердечность, остроту ума. Ее уважали за снисходительный характер, добропорядочность. Эта женщина в отличие от большинства чембарских обывательниц была грамотной, проявляла интерес к книгам, о чем можно судить по сохранившейся переписке В. Г. Белинского с Ивановыми. Так, будучи в Москве, Петр Петрович сообщал Виссариону Григорьевичу: «Книги... я исправно получил и отправил с оказиею к старухе (то есть Федосье Степановне. —

[1] [illegible]

Более высокий интеллектуальный уровень [illegible] Ивановых накладывал определенный отпечаток на их семейные взаимоотношения, чуждые домостроевщины, мещанской спеси, мелочных обид. Ко времени приезда Григория Никифоровича у них имелось уже пятеро детей: Екатерина и Алексей были старше Виссариона, Николай — его ровесником, а младшие, Дмитрий и Вера, являлись сверстниками Константина и Александры. К моменту [illegible] того, у Ивановых воспитывались родственники — семилетняя Авдотья и четырехлетний Александр.

[illegible] первых же дней всей душой привязался к новым знакомым. Он сразу сроднился с этой дружной и демократичной семьей. Всем ее членам было присуще, по выражению В. Г. Белинского, «запанибратское отношение к черныо», то есть простыми людьми [XI, 182]. [illegible] Степановна называла своего двоюродного брата [illegible] родным», глубоко уважала [illegible]. Так же близко были привязаны к нему ее муж и все дети.

Григорий Никифорович квартировал у Ивановых сравнительно недолго. Вскоре он построил собственный дом, выходивший окнами на базарную площадь. Весной 1818 года в Чембаре проводилась оценка всех зданий и сооружений, принадлежавших жителям города. Было учтено четыреста четыре дома, свыше двух десятков лавок, лабазов, кузниц и мельниц на общую сумму девяносто четыре тысячи девятьсот восемьдесят пять рублей. В составленной ведомости указывалось, что штаб-лекаря Г. Н. Белинского дом «со всем строением и усадебным местом» оценен в пятьсот рублей. Это свидетельствовало о достаточных материальных возможностях Григория Никифоровича. Подобных строений в уездном центре насчитывалось лишь около трех десятков. Вместе с тем, лучшие дома стоили в несколько раз дороже. Обычные же крестьянские избы оценивались в пределах тридцати — семидесяти рублей, а некоторые — гораздо ниже. Так, под № 270 значился дом Ивана Харитонова стоимостью двадцать рублей, под № 315 — дом Данилы Тимофеева — пятнадцать рублей[2]. Подобные примеры не

[1] Литературное наследство, т. 57, с. 226.

[2] Государственный архив Пензенской области (в дальнейшем — ГАПО), ф. 5, оп. 1, д. 632, л. 342—363.

[illegible] ет, что низшая цена избы «ясашных» крестьян [illegible] ись тридцати рубля[illegible]

Она же в своем исследовании [illegible] граничил с одной стороны с домом купца Лямшина, с другой — мещанина Силина»[2]. При проведении [illegible] рании Государственного музея В. Г. Белинского [illegible] было уточнить границы расположения усадьбы [illegible] лежавшей его отцу. Но в просмотренных за 1820 [illegible] годы первоисточниках, относящихся к городу Чембару, фамилии Лямшина обнаружить не удалось.

Однако более подробные сведения о [illegible] ния дома штаб-лекаря в архивных материалах [illegible] В одном из них, составленном в мае 1837 года, указан [illegible] том деревянный, на каменном фундаменте, о семи комнатах с кухнею, крытый тесом. По кварталу усадьба занимает двадцать, а в глубину — сорок сажен. Расположена она «по среди домов купеческой снохи Прасковьи Антюшиной и мокшанского купца 1-й гильдии Василия Хлюшина».

Планировка дома всем современникам, воспоминания которых сохранились до наших дней, казалась очень удобной. Самой большой комнатой являлась гостиная. Из нее можно было попасть в детскую комнату и столовую, сообщавшуюся с буфетной, а также имевшую летний выход через террасу в прилегающий к дому садик. Отдельная комната служила спальней для родителей.

В столовой, как обычно, по вечерам собиралась вся семья. Шли разговоры о чембарских новостях, о всяких житейских делах. Знакомил отец старших детей и Марию Ивановну со своей родиной, окрестными селами, через которые ему в годы учения в семинарии много раз приходилось следовать в Тамбов и обратно в Белынь. По пути он останавливался в Чембаре или Невежкине, где проживали родственники. По всей вероятности, Григорий Никифорович вспоминал слышанные в детстве рассказы о крестьянской войне под водительством Е. И. Пугачева, об отрядах Степана Разина, действовавших в Нижнеломовском округе, делился мыслями о жизни крестьян-

---

Нечаева В. С. [illegible]

О. ф. 31, оп. 1, д. 131, л. 7 об.-8

Эти вечера, видимо, надолго запомнились Виссариону Григорьевичу. В статье, посвященной грибоедовской комедии «Горе от ума», воскрешая в памяти годы детства и юности, как бы возвращаясь к прошлому, он писал: «Вы вспомните те минуты, когда вас поражал вид восходящего солнца, вечерняя заря, буря и ведро и все явления роскошно великолепной природы... Конечно, вы, может быть, вспомните и платье, которое особенно восхищало вашу младенческую душу, и самовар, который собирал вокруг себя вашего отца, мать, сестер и братьев, и сад, в котором вы играли, и калитку, из которой во дни юности выходили украдкою на сладкое свидание...» [III, 138].

Около дома, свидетельствовал в своих мемуарах Д. П. Иванов, находился довольно обширный двор с хозяйственным строением, амбарами, погребом, каретным сараем, конюшней и особой кухней, примыкавшей к задней входу в дом и отделенной от него большими сенями. Позади двора тянулся огород, засеянный овощами. На огороде была выстроена баня, с двумя предбанниками, «настолько поместительная и чистая, что могла служить и временным лазаретом для привозимых из деревень больных».

Деятельность лекаря определялась специальной инструкцией. В ней указывалось, что он обязан был каждый месяц представлять губернской врачебной управе ведомости о больных нижних воинских чинов инвалидной команды, «испрашивать своевременно лекарства на их лечение»; ежегодно, к 15 ноября, присылать медико-физические ведомости; в случае требований земской полиции немедленно отправляться на место для освидетельствования скоропостижно умерших, точно «по анатомической части оформлять документы», строго руководствоваться «книгой полицейской и судной химии»; рапортовать ежемесячно о младенцах, «коим привита предохранительная оспа»[1].

В указанном выше документе ничего не говорилось о лечении простого люда. А на огромной территории проживало около пятнадцати тысяч казенных («ясашных») и почти тридцать тысяч помещичьих крепостных крестьян. К тому же в городе Чембаре и уезде насчитывалось свыше трех тысяч мещан, разночинцев, однодворцев, от-

[1] ГАНО. ф. 291. оп. 1. д. 5. л. 50. 51

ставных солдат. Все они надеялись на помощь единственного врача, обращались к нему со своими недугами

Через парадное крыльцо застекленная веранда вела в прихожую. Здесь имелась вешалка, стояло [illegible] несколько стульев. Отсюда посетители попадали в [illegible]чий кабинет лекаря. В то время больницы в Чем[illegible] было, и врачебную практику он проводил на дому. [illegible]ко прием больных в жилой комнате, где часто бы[illegible] знакомые и свои домашние, не соответствовал сани[illegible]ным требованиям. Поэтому Григорий Ник[illegible] [illegible]строил для этой цели специальную комнату, котор[illegible]ла два входа — один из прихожей, а второй с веранд[illegible]

Пациенты шли к лекарю почти во все дни недели. Но особенно много людей бывало в базарные дни, о чем [illegible]хранилось свидетельство Марии Ивановны. В короткой записке к старшему сыну, когда он уже учился в Москве, она сообщала: «Милый мой Виссарион Григорьевич Желаю, мой дорогой, тебе настоящего здоров[illegible], бол[illegible] недосуг писать, четверг, народу пропасть» [1].

Пожалуй, впервые юный Виссарион так близко соприкасался с многоликой толпой, в которой слышалась и русская, и мордовская, и татарская речь. В базарные дни больные заполняли крыльцо, веранду и [illegible] [illegible]ку перед домом. Мальчонка прислушивался к разговорам бедных, забитых нуждой деревенских мужиков и [illegible], их жалобам на свою подневольную [illegible]. И [illegible]нии все более четко прояснялась та огромная разница в положении людей, которую он [illegible] вокруг себя.

С детских лет будущий революционный демократ понимал «горесть народную», видел, с какой любовью и сочувствием относился отец «к черни». В Чембаре на протяжении почти столетия сохранялись в памяти народной самые теплые воспоминания об этом человеке. Из уст в уста, из поколения в поколение передавались рассказы о том, как Григорий Никифорович спасал жизнь чембарскому [illegible] Мокею, [illegible] ходил пешком [illegible]живать заболевшего ребенка в мордовское село Карсаевку.

Десятки и сотни крестьян ежемесячно приезжали [illegible] близлежащих и дальних деревень на прием к Г. Н. Белинскому, о котором в уезде стали говорить как об уме-

[1] Литературное наследство, т. 57, с. 102

лом, честном и принципиальном врачевателе. «Григорий Никифорович, — сообщал в воспоминаниях Д. Н. Ива- [illegible] дело обличал притворство, неохотно принимался [illegible] лечение и даже прямо отказывался от исполнения сво- [illegible] обязанностей там, где болезнь не угрожала видимою [illegible] ностию и где могли обойтись домашними сред- [illegible] и без его попечений. Но такое равнодушие к бога- [illegible] натным пациентам не распространялось на бедных и [illegible] но страждущих: Григорий Никифорович ока- [illegible] личные услуги своим опытом и [illegible] ниями, но очень часто снабжал безвозмездно лекарст- [illegible]

[illegible] некоторые авторы пытаются предста- [illegible] а В. Г. Белинского малоквалифицированным и несведущим в медицине человеком. Еще в 1881 году на страницах десятого номера журнала «Исторический вестник» появились «Материалы к биографии Белинского и Лермонтова», подготовленные Н. Рыбкиным. В своих [illegible] ках, характеризуя Григория Никифоровича, он пи- [illegible] Ему ставят в упрек то, что он всех и каждого нака- [illegible] ал одним александринским листом и причину всяких [illegible]езней чаще относил к обжорству чембарцев. Они [illegible] едят и овощи, и ягоды, и в особенности капустные кочерыжки без меры; у них-де даже устраиваются особые праздники при сборе огурцов, рубке капусты и пр., где [illegible] о сырье вместе с свининою и тогдашним пивником или полугаром потреблялось без всякой осторожности и производило в народе повальный паралич желудка. Отсюда и александринскому листу представлялась первенствующая роль [illegible]

Если Н. Рыбкин в давно покоящемся на полках журнале, который издавался четырехтысячным тиражом, ограничился упоминанием лишь этого средства, применявшегося, по его мнению, лекарем в медицинской практике, то Ю. Гаевский пошел дальше и решил поправить указанного автора. В повести «К далекому утру», вышедшей стопятидесятитысячным тиражом в 1961 году, он пишет о том, что Григорий Никифорович в лечении чембарцев кроме александринского листа применял еще клизмы [illegible]

Конечно, за далью лет трудно восстановить истинность положения. Однако даже те документальные источ- [illegible] ники, котор [illegible] дошли до нашего времени, говорят о мно-

том. Лекарю приходилось одному бороться с опустошающими эпидемиями. Здесь нужны были не только знания, но и мужество, сила воли, а главное — сострадание к народу.

Когда в ряде городов и селений России разразилась холера, Г. И. Белинский просил Власова, учившегося в университете, описать «обстоятельнее и вернее о несовершенно сделанной холере в Москве». Его интересовали меры, принимаемые против этой болезни. Он не пропускал ни одного сообщения, которые появлялись на страницах «Московских ведомостей», изучал принимаемые по линии губернской врачебной управы соответствующие циркуляры и стремился найти свои методы защиты от холеры. И вот она нагрянула в село Блинниково, где проживали родственники Ивановых и Белинских. Лекарь сразу же выехал туда. Константин Григорьевич сообщал по этому случаю в письме к брату: «Отец Михайлович в августе месяце помер холерою... когда оная гуляла по оному селу и которую папенька силою медицины скоро проводил восвояси»[1].

Нам неизвестны средства, какие применял Григорий Никифорович в борьбе с эпидемией. Возможно, что он разработал собственную систему лечения больных, так как в тридцатых годах прошлого столетия еще не было практически никаких приемлемых рекомендаций в этом деле.

В ежегодных отчетах на латинском языке штаб-лекарь перечислял болезни, с которыми к нему обращались «младшие чины инвалидной команды» и служащие государственного аппарата уезда, докладывал о расходовании медикаментов и их остатке, указывал число вылеченных и умерших. Из приводимых им данных можно судить, что в его распоряжении имелось свыше пятидесяти наименований различных химических и фармацевтических препаратов, которые употреблялись при пользовании пациентов.

Чаще всего Григорию Никифоровичу приходилось бороться с различными воспалительными процессами, дизентерией, чесоткой, недостаточностью дыхательных путей, лихорадочными явлениями, применять хирургические меры. Но в некоторых рапортах он докладывал и о единичных случаях появления холеры. Причем число выздо-

---

[1] Литературное наследство, т. 57, с. 62, 155.

рагливающих от общего количества лечившихся составляло около девяноста восьми процентов[1].

Новаторство Г. Н. Белынского проявлялось и в другом направлении. Он прикладывал немало усилий, чтобы в широких масштабах распространить в уезде оспопрививание, особенно в отдаленных селах. Не сразу ему удалось добиться успеха в решении такого сложного вопроса.

До приезда Григория Никифоровича в Чембар оспопрививанием занимался младший лекарский ученик А. Г. Герасимов, в послужном списке которого сказано, что он «из отпущенников», то есть крепостных крестьян, 1793 года рождения. По своему положению, складу ума, трудолюбию Алексей Герасимович производил хорошее впечатление, внушал уважение. Лекарь помогал ему в приобретении опыта, знаний, занимался с ним латинским языком, в результате чего он отмечал в своем формуляре: «Умеет читать и писать по-латыни». По ходатайству Г. Н. Белынского его в сентябре 1819 года перевели на должность старшего лекарского ученика «с повышением жалования».

Крестьяне верили А. Г. Герасимову, как «своему, мужицкому лекарю». Однако среди них бродили слухи, будто от «привития коровьей оспы могут вырасти рога» и произойти прочие изменения в человеческом облике. Подобные толки черпались из некоторых консервативно-религиозных изданий. Например, Лискомб в своей диссертации о вреде и недостатках вакцинирования коровьей оспы уверял: «У одного ребенка... организм, бывший раньше совершенно нормальным, превратился в скотский, так что он стал бегать на четвереньках, подобно животному, мычать по-коровьи и бодаться головой, как бык». Другой «ученый» — Роулей — серьезно утверждал, что ему пришлось наблюдать за одним субъектом, у которого после прививки оспы стали «мало-помалу утрачиваться черты человека и лицо его превращалось в морду, подобно коровьей».

Григорий Никифорович терпеливо обнажал несостоятельность таких мнений, рассказывал людям о пользе оспопрививания, его безвредности. Видимо, юному Виссариону не раз приходилось присутствовать на беседах отца с крестьянами, видеть, как они под влиянием убедительных фактов соглашались с доводами лекаря. Воскре-

---

[1] ГАПО, ф. 291, оп. 1, д. 6, л. 761, 761 об., 762, 762 об., 763.

шая в памяти впечатления детства, В. Г. Белинский писал позже: «Русский человек, по натуре своей, склонен к повиновению властям, но по неразвитости своей не всегда умеет понимать благие намерения власти, особенно если эти намерения для него новы и непривычны. Тогда люди, которые любят в мутной воде рыбу ловить, весьма легко смущать и сбивать с толку мужика злонамеренными объяснениями простого дела. Так, например, теперь мужик не вооружается против принудительных прививок оспы детям его, но прежде он смотрел на эту меру... как на что-то страшное, грозящее гибелью...» [VI, 683—684].

Постепенно население уезда, одна граница которого простиралась до другой почти на девяносто верст, стало с большей доверительностью относиться к проводимым лекарем профилактическим мерам по предупреждению остро заразной болезни. Особенно положение резко изменилось после эпидемии, которая в начале двадцатых годов прошлого века охватила ряд русских и мордовских сел, находящихся в чембарской округе. Те дети, которым была введена вакцина, оказались здоровыми.

Ежемесячно Г. П. Белинский сообщал в Пензенскую врачебную управу о ходе оспопрививания не только по Чембарскому, но и соседнему Керенскому уезду, где он «исправлял должность по совместительству с 1822 по 1826 год». Так, в рапорте от 14 января 1822 года Григорий Никифорович докладывал: «В городе Чембаре и округе оного привито предохранительною оспою с первого ноября по первое января истекшего года мною тринадцати, старшим учеником Герасимовым — двадцати семи младенцам».

От 15 марта 1823 года в рапорте указывалось: «В феврале предохранительною оспою привито мной семи, старшим лекарским учеником Герасимовым — пятнадцати младенцам обоего пола. В Керенске младшим учеником Пановым с первого сентября прошлого 1822 года по первое марта 1823 года привито всего двести шестидесяти двум младенцам, а старшим Матвеевым донесены не имею о числе привитых. О чем сим имею честь врачебной управе донести. Штаб-лекарь Белынскій».

О степени интенсивности проводимой работы по борьбе с опасной болезнью, которая приносила большую смертность и оставляла многих детей и подростков слепыми на всю жизнь, свидетельствуют и такие данные.

12 июня 1823 года Григорий Никифорович сообщал в Пензенскую врачебную управу: «По городу Чембару и округе оного привито предохранительною оспою с первого мая по первое июня мною шестнадцати, старшим лекарским учеником Герасимовым — сто семидесяти двум, кренскими лекарскими учениками в городе и уезде оного старшим Матвеевым — двадцати трем, младшим Павловым — семидесяти трем младенцам обоего пола...»

Всего же только по городу и Чембарскому уезду в 1823 году было сделано девятьсот семьдесят три прививки, в том числе Г. Н. Белинским — двести двадцать восемь[1].

Но Григорий Никифорович и его помощник А. Г. Герасимов физически не могли регулярно объезжать на лошадях огромную территорию, чтобы делать прививки. Лекарь решил открыть у себя на дому своего рода школу, куда присылались периодически от крестьянских общин юноши, способные овладеть навыками несложной операции по введению противооспенной вакцины. При обучении своих учеников, или, как их называли, «оспенников», лекарь пользовался, по всей вероятности, «Наставлением о прививании коровьей оспы», изданным доктором медицины Францем Буттаном в 1802 году. Это была единственная книга на русском языке, в которой давался весь свод положений о происхождении, свойстве и действии коровьей оспы; о методах получения, хранения оспенной материи и ее вакцинирования.

Юноши жили в доме лекаря по нескольку недель, изучали инструкции, под его руководством делали прививки. Они помнили о наставлениях Ф. Буттана, который писал в своей книге: «Хотя сия операция кажется маловажною, однако ж требует великого искусства и легких ручных приемов». Пройдя курс обучения, «оспенники» отправлялись в свои села, но каждый месяц приезжали к Григорию Никифоровичу за вакциной и инструментами.

Виссарион постоянно общался с этими деревенскими юношами, с каждым разом все больше узнавал о настроениях крестьян. Его интересовали рассказы об их жизни и быте, отношении к окружающей крепостной действительности, церкви, всяким постам и праздникам.

Обнаруженные в архиве первоисточники позволяют сделать вывод о том, что состав «оспенников» постоянно менялся. В основном оспопрививанием занимались моло-

---

[1] ГАПО, ф. 291, оп. 1, д. 6, л. 497, 508, 515, 528, 761 об.

дие люди, не обремененные семьей. Если же [illegible] женился, то, как правило, вскоре передавал свои обязанности по вакцинированию детей вновь обремененному лицу. Например, в селе Доньшино в 1828 году прививал оспу Алексей Егоров, а через три года его сменил Иван Нефедов. То же самое происходило в Карелске, Каштановке и других селах.

Причем из выявленной в архивохранилище «Ведомости занимающихся прививою предохранительной оспы по Чембарскому уезду», составленной Г. Н. Белинским, видно, что все «оспенники» были из казенных государственных крестьян. Так, в селах Городок и Кукарки этим делом занимался Иван Никитин, Маце — Фрол Панкратов и Степан Поганов, Куликовке и Липовке — Иван Александров, Нарыше — Иван Григорьев, Невежкине — Степан Киреев и Василий Павлов, Кольо-Вершине — Степан Финогенов, Карелске и Каштановке — Гавриил Сергеев. Пять «оспенников» было в татарских селах — Кулевке, Решетине, Кобылкине и Кикине. Каждый из них в течение месяца делал в среднем около десяти-двенадцати вакцинаций[1].

Возможно, что юному Виссариону доводилось бывать в тех селах, где практиковались «оспенники», жить вместе с ними или гостить у них, наблюдать самому, какими ремеслами занимаются мужики, каков достаток той или иной семьи. Впоследствии, рецензируя книги, касавшиеся крестьянского быта, В. Г. Белинский нередко ссылается на личные восприятия. Так, оценивая небольшие брошюры под названием «Сельские беседы для народного чтения. Полезные советы», он свидетельствовал, что в этих изданиях «учат, как сети вязать; мы видели, как вяжут сети, и потому можем уверить сочинителя, что, несмотря на приложенные рисунки, из его статьи нельзя научиться вязать сети, и почему бы вы думали? — потому что вязать сети очень легко!» Говоря о других полезных советах, таких, как «пользоваться простенькой соломорезкой», «переносным копром», «ведрами, которыми ловко и скоро можно доставать воду из глубоких колодцев» и т. д., Виссарион Григорьевич подчеркивал: «Все эти предметы, точно, полезны. Но полезно ли распространяться на нескольких страницах о том, чего никак вполне словами не объяснишь и чему можно научиться

[1] ГАПО, ф. 291, оп. 1, д. 8, л. 434, 435.

наглядкою в несколько минут, но не иначе как наглядкою?..» [VIII, с. 158].

Вязанием сетей, устройством колодцев, возведением мостов с применением копров занимались в Чембарском уезде мастеровые люди из мордовских сел, возникшие здесь с незапамятных времен. В семи-десяти верстах от Чембара находились Каштановка, Киселевка, Карсаевка, Пителка, Козловка, Сярда и другие поселения, которые были хорошо известны лекарю и его сыновьям. Полагаю, еще в период пребывания в доме отца у В. Г. Белинского пробудился интерес к истории мордвы, который продолжался в пору обучения в университете и позже.

В ряде писем Виссарион Григорьевич просил брата прислать мордовский словник. 19 января 1834 года он писал Константину: «Бога ради, Мордовский Словарь, как тебе не стыдно! Пожалуйста, поскорее!» Но к этому времени желание В. Г. Белинского в какой-то мере было уже выполнено. Константин Григорьевич сообщал брату: «Посылаю тебе с сотню мордовских слов, прошу у тебя в том извинения, что я до сих пор не мог исполнить твою просьбу и что я к теперь посылаю тебе только мало оных, причину сему я объясняю тебе следующим: 8 января я собрался ехать в Доньшино, в которое и приехал и остановился в доме оспенника Ивана Нефедова, который по-русски говорит плохо, а читать и писать и подавно не знает, а потому он, сказывая мне мордовские слова, много ошибался в произнесении, по чему сáмому хотя и написал было сотни 4 с лишком слов, но в прошедший четверг приезжал на базар и приходил к нам известный тебе Карсаевский Никита, который учился у меня писать, которому я, показав означенные слова, просил его по прочтении поправить ошибки, коих он хотя несколько и исправил, но всех не мог по той причине, что его дожидался отец на базаре. Мне и самому много огорчительно то, что я до сих пор не могу исполнить твоей просьбы со всею аккуратностию, как ты мне писал. Я непременно постараюсь исполнить в скором времени».

Это письмо подтверждает знакомство Виссариона Григорьевича с жителями мордовских сел. Больше того, его брат свидетельствует об обучении Никиты из села Карсаевка не только оспопрививанию, но и грамотности. Не исключена возможность, что и сам В. Г. Белинский, когда жил в Чембаре, также занимался с присылаемыми к отцу юношами из деревень.

Григорию Никифоровичу приходилось быть и хирургом, и терапевтом, и глазником-окулистом, и фармацевтом, и акушером. Такой широкий профиль медицинского вмешательства свидетельствовал о его незаурядных способностях. Чтобы с достоинством выполнять свои обязанности, он обращался к специальной литературе, пополнял знания из лучших источников того времени. В Государственном музее-усадьбе В. Г. Белинского хранится несколько изданий, которыми пользовался Григорий Никифорович. На некоторых имеются автографы: «Из книг штаб-лекаря Белынского».

Но таких книг имелось гораздо больше. Их не раз брал в руки юный Виссарион, интересовался содержанием. Многое в доступной форме о строении живого организма, его функциях мог рассказывать отец. Естественно-научный подход при объяснении вопросов, касавшихся возникновения жизни на земле, единства человека и природы, несостоятельности религиозных догматов об «вечности и нетленности души», оказывал неизгладимое влияние на сознание старшего сына.

Впоследствии знакомые с детства авторы и названия книг неоднократно будут упоминаться в статьях и рецензиях великого критика. Например, отзываясь о книге «Руководство к практической медицине», он указывал: «Нечего много говорить о достоинстве книги, украшенной таким блестящим именем, каково имя знаменитого Гуфланда» [III, 238].

Этот немецкий врач следил за успехами науки, боролся с метафизическими учениями, выступал против приверженцев френологии, утверждавших, будто существует связь между наружной формой черепа и умственными, моральными качествами человека, не поддерживал односторонний подход в лечении больных гомеопатами. Его труды неоднократно переводились на русский язык. Можно предполагать, что в библиотеке Григория Никифоровича имелись книги Х.-В. Гуфланда: «О существенных свойствах золотушной болезни», издававшаяся в России в 1807 и 1821 годах; «Система практической врачебной науки», увидевшая свет в 1811 году.

При рецензировании книги Ф.-С. Ротье «Собрание рецептов парижских городских больниц...», переведенной с французского, В. Г. Белинский с иронией относился к рекомендуемым методам ряда операций. Поправляя приводимую в тексте специфическую терминологию, он пи-

сит: «Господин переводчик! не боитесь вы бога, хоть бы вникнули в какую-нибудь хирургию: ведь иной подумает, что вам не известно то, о чем здесь говорится».

Переходя к основному содержанию книги, Виссарион Григорьевич отмечал: «Если сочинение Ратье переведено для того, чтобы познакомить русских врачей с состоянием медицины во Франции, то едва ли перевод достиг предположенной цели. Спрашиваешь, что приобретет врач из голословного исчисления рецептов? Ведь одно умение писать рецепты по затвержденным формулам — дело ничтожное. Много надобно сведений, чтобы уметь правильно и дельно писать рецепты...» [III, 266—268].

Проникнутый любовью и уважением к профессии отца, В. Г. Белинский в ряде публикаций выступал против нелепых суждений авторов, которые писали о медицине. Так, в рецензии на брошюру «О болезненных клиниках, существующих в Германии», Виссарион Григорьевич с возмущением указывал: «Не знаем, для кого г. Занетти издает свои статейки, величаемые им «отечественными произведениями»; кому думает он принести ими пользу? Может всего для медиков, потому что в писаниях г. Занетти медицина забросана грязью и торжественно провозглашена шарлатанством; а притом, кому могут быть полезны, кому могут быть приятны сальные, грубые комментарии над предметами, имеющими право на общее уважение и даже благословение» [III, 290].

Весьма обстоятельно, со знанием дела о своих недомоганиях сообщал В. Г. Белинский родителям. Например, в письме от 27 января 1832 г. он подробно излагал болезнь, сопутствующие ее, те лекарства и процедуры, которые применял директор больницы Московского университета И. Е. Дядьковский. О нем Виссарион Григорьевич отзывался как о человеке «с большими по своей части познаниями и превосходнейшем лекаре».

Словом, повседневные наблюдения за работой отца, общение с народными массами, знакомство с медицинской литературой развивали кругозор юного Виссариона, способствовали формированию у него материалистического взгляда на сущность человеческого бытия. Этому же способствовала и другая сторона деятельности Григория Никифоровича.

Из комнаты, где принимались больные, вела лестница в башенку-светелку, которую именовали в доме ме-

воинном или нянчали чередою. На всей [illegible] флюгер, а внутри размещались термометры. Г. Н. Белынский наряду с медициной вел наблюдения за погодой, полученные результаты ежедневно заносил в журнал. В нем он отмечал температуру воздуха, состояние атмосферы, когда выпадали осадки, сопоставлял влияние природных условий на урожай возделываемых в уезде сельскохозяйственных культур.

В Государственном архиве Пензенской области сохранилась медико-физическая ведомость, приложенная лекарем к рапорту врачебной управе от 15 ноября 1823 года. В ней указывалось: «Зима умеренно холодная, и самая большая стужа простиралась до 28 градусов, самое высокое состояние барометра доходило до 4 градусов, снег шел 18 раз. Весна. Дождей было 6 раз, громовых ударов 3 раза. Лето. Жаров было 13, 23 градуса и продолжались, начиная с половины июня до сентября месяца. Дождей было 2 раза, громовых ударов 2 раза. Осень была сухая, теплая, дождей было 3 раза, туманов 11 раз, громовых ударов не было».

Далее в ведомости указывалось, что ветреная погода наблюдалась во все времена года. Два дня в Чембаре и округе свирепствовал буран. «Довольно ветреных, — указывал Григорий Никифорович, — было 7 дней, ветреных — 11, умеренных — 111, тихих — 39 дней».

Группируя и суммируя атмосферные явления, лекарь в особой графе выделил направление передвижения воздуха. В рапорте он писал: «Северный ветер дул 7, восточный 28, южный — 44 раза; западный — 21, северо-восточный — 12 раз». Здесь же подчеркивалось: «Град шел 2 раза, который нанес вред в некоторых местах гречам, громовых ударов всего было 5 раз, которые вреда не причинили». В заключение сказанному Г. Н. Белинский подчеркивал: «От других годов осень отличается необыкновенною сухостью и теплотою. Замерзание рек произошло ноября 8-го дня.

Состояние урожая было ржи весьма изобильное. Яровые, кроме худого урожая греч, было посредственное.

Съестные припасы в хорошем изобилии»[1].

Чтобы составить сводную ведомость, надо было постоянно следить за метеорологическими приборами. Одинаково лекарю приходилось выезжать в села как Чембарско-

[1] ГАПО, ф. 291, оп. 1, д. 6, л. 761, 761 об., 762.

го уезда, так и по нескольку недель бывать в соседнем Керенском. Значит, производить записи в журнале на основе показаний термометров, отмечать дни с туманами, снегом, дождями, следить за направлением ветра, а также заполнять другие графы должен был кто-то из членов семьи. Не исключена возможность, что этим делом занимался Виссарион, ибо Григорий Никифорович такие материалы представлял в губернскую врачебную управу ежегодно.

Сопоставляя данные по урожайности сельскохозяйственных культур, Г. Н. Бельнский невольно приходил к выводу о необходимости распространения в Чембарском уезде посевов картофеля. Еще будучи в Кронштадте, он знал цену «второму хлебу» и при переезде на родину захватил, видимо, с собой для размножения несколько десятков клубней.

В те годы пензенские крестьяне имели весьма смутное представление о «земляных яблоках», как называли в народе картофель, и относились к нему со всевозможными предрассудками. Неудивительно, что в чембарских преданиях Григорий Никифорович запомнился страстным пропагандистом картофеля. В. С. Нечаева указывает в своем названном выше исследовании, что энтузиасты этой культуры делали большое дело, стремясь побороть косность и суеверие населения. По воспоминаниям, записанным жительницей Чембара М. И. Храмовой, Г. Н. Бельнский носил в кармане молодой вареный картофель и угощал им своих пациентов и всех, с кем ему приходилось по долгу службы встречаться, доказывая положительные качества замечательного овоща.

Общение с природой выражалось не только в наблюдениях за погодой. Дети уездного лекаря в весенние и летние вечера вместе со взрослыми выходили в небольшой садик, расположенный за домом. Молодые яблони, груши, заросли малины, куртины вишни и слив ласкали своей нежностью, требовали заботливых рук.

Но особенной страстью были цветы. На грядках и клумбах вдоль дорожки, ведущей от веранды к беседке, росли розы, георгины, пионы. В записях старожилов Чембара сохранился рассказ горничной Бельнских Марьи. По ее словам, все комнаты в их доме, и особенно гостиная, были установлены банками и кадками с цветами. «Как-то один раз, — вспоминала престарелая женщина, — весною Григорий Никифорович привез двадцать

кустов роз из какого-то имения. Приезжали и сажали. сами весь день рассаживали розы в палисаднике и в огороде».

Может быть, с тех пор у Виссариона Григорьевича пробудилась любовь к цветам, которая сохранилась на всю жизнь. Были случаи, когда он на последние деньги покупал их для украшения занимаемой квартиры

«Однажды утром, — писал в своих мемуарах один из самых близких друзей великого критика П. Н. Панаев, — во время пребывания моего на Арбате в доме Гони, я подошел к окну.

В эту минуту проходили мимо четыре человека с лотками на головах. На лотках были уложены горшки с великолепными цветами.

«Это, верно, несут в дом к какому-нибудь богатому господину», — подумал я.

Через минуту я, разумеется, забыл об этих цветах, а через полчаса пошел к Белинскому.

Я остолбенел, войдя в его комнату. Эта пустая комната, с шекатурными стенами, вымазанными вохрой, приняла роскошный вид: она вся была уставлена рододендронами, розами, гвоздиками всевозможных цветов, разливавшими благоухание.

Белинский, наклонившись, поливал горшок с розаном. Когда он приподнялся и увидел меня, он весь вспыхнул.

— Ну, что, какова у меня оранжерея? — сказал он, смеясь.

— Чудесная! — отвечал я. — Я видел, как эти цветы проносили мимо меня, и, признаюсь, никак не ожидал, чтобы их несли к вам.

— У меня, батюшка, страсть к цветам. Я зашел сегодня утром в цветочный ряд и соблазнился. Не сказав три шесть рублей и отдал... Завтра уж мне формальности нечего будет...» [1]

Нередко Григорий Никифорович брал старшего сына на сбор лекарственных растений. Уходили к реке Большой Чембар. Там на прибрежных склонах росли мать-и-мачеха, подорожник, мята, лютик, валериана, сон-трава, морозник, чистотел, полынь, ромашка, белена и другие. Во время таких прогулок Виссарион узнавал, от каких недугов применяется та или иная трава, как человек испокон веков пользовался дарами природы.

---

[1] В. Г. Белинский в воспоминаниях современников, с. 196—197.

Ему и самому приходилось принимать целебные растения, добытые в окрестностях родного городка. Сохранилось на этот счет свидетельство его матери. В сентябре 1831 года она писала: «Посылаю тебе корни, называемые денисла», который в народе считают избавителем от девяти болезней. Мария Ивановна давала подробные наставления о приготовлении и употреблении лекарства, не есть в период его применения ни свежей, ни соленой рыбы, кислой капусты, не добавлять в пищу уксуса и хрена, соблюдать диету.

Вместе с отцом Виссарион бродил по живописным местам. Шли сначала берегом, огибали излучины, задерживались у тихих плесов. Затем прямо через ольшаник выходили к еловой роще, поднимались на взгорье, где много было лесной малины, шиповника. Отсюда спускались к затону, пересекали заросли ивняка и с набитыми разными травами сумками возвращались на дорогу, ведущую к дому.

Бывали и на Черной горе, поросшей разнолесьем. Здесь в изобилии росли ландыши, много было грибов, к которым с детских лет В. Г. Белинский питал особое влечение. В этом отношении представляют немалый интерес воспоминания его современников. Д. И. Иванов в своих мемуарах рассказывал, как устраивались поездки с самоваром в отдаленные леса за ягодами и грибами. Собираясь семьями, ехали на лошадях, по всей вероятности, на Ворону, реку более полноводную, чем Малый и Большой Чембар.

Не доезжая Поима, где одно время управляющим в имении графа Шереметева служил давнишний друг Григория Никифоровича по Балтийскому флоту К. И. Емельянов, направлялись к знаменитым когда-то приворонским лесам, простиравшимся вплоть до границы Тамбовской губернии. Эту дорогу хорошо знал лекарь. По ней он много раз проходил пешком, когда учился в духовной семинарии.

В сосновых лесах и дубравах часто встречались боровики, как в Чембаре называли белые грибы. Их набирали целые корзины.

Об обожаемом занятии В. Г. Белинского сообщал хороший его друг и сотрудник журнала «Отечественные записки» Н. Н. Тютчев, который свидетельствовал: «Помню, как одно лето он провел в крошечной дачке, в самом лесу. И любимою забавою его было брать грибы.

На несчастье его, и Аграфена Власьевна разделяла его страсть. Бывало, пойдут в лес, и Белинского, который в большом и малом был равно страстен, прямо лихорадка от одной мысли, что свояченица перебьет у него какой-нибудь гриб...»

Об этом же писала в воспоминаниях названная выше А. В. Орлова — сестра жены Виссариона Григорьевича. В своих записках она свидетельствовала: «Он любил собирать грибы, огорчался, когда мало находил, а в день нашего переезда (с дачи. — *Н. М.*) в город ему посчастливилось найти несколько белых грибов, чему он радовался, как ребенок»[1].

Общение с чембарской природой оказывало огромное влияние на чувства сына лекаря. Здесь он ощущал красоту окружающего мира. В нем, подчеркивал позже В. Г. Белинский, все прекрасно: и веяние эфира в тихий майский вечер, и светлая речка, отражающая в своих струях голубое небо, и лучезарная звезда, трепещущая во вселенной, и отливающая спелым колосом хлебная нива, возделанная трудом земледельца, и тягостная печаль затерявшихся среди перелесков деревень, и шелестящий куст черемухи перед вашим окном...

Исходя из личных переживаний и наблюдений, Виссарион Григорьевич писал: «Поэт видит поэзию прежде всего в природе и... природа прежде всего пробуждает поэтические силы в юном таланте, который из природы почерпает свои... глубокие вдохновения» [VI, 13—14].

Однако природа с ее бесконечным разнообразием и гармонией красок, с закономерной сменой явлений, постоянным обновлением ее лесов, полей, рек, цветением лугов, золотистым листопадом и изумрудной яркостью первых треснувших почек на белоствольных березах пробуждала в юном сердце не только эстетические чувства. Общение с ней порождало любовь к труду. Разбивка клумб под цветы, их полив, собирание трав и многие другие посильные работы развивали уважение к человеческой деятельности и ее результатам. Поэтому не удивительно, когда В. Г. Белинский, опираясь, видимо, на свой опыт и опыт других семей, подчеркивал: родители могут делать из своих детей все, что им угодно; что им ничего не стоит приучить их с малолетства к выполне-

---

[1] В. Г. Белинский в воспоминаниях современников, с. 474, 557.

нию долга — к посильному, систематическому труду в определенные часы каждого дня, что таким родителям очень возможно будет обратить труд в привычку, в наслаждение для своих детей, а свободное от труда время — в высшее счастье и блаженство. Здесь же Виссарион Григорьевич замечал: «это важная сторона в воспитании: от опущения ее много губится в человеке» [IV, 78].

Большое значение Григорий Никифорович придавал физическому воспитанию детей, различным играм. Характерно в этом отношении признание самого В. Г. Белинского. Еще в 1829 году, вскоре после отъезда из Чембара, он писал о том, что физическое воспитание «доставляет крепость телу, дает ему ловкость, гибкость, приятность в движениях, предохраняет человека от болезней и делает здоровым до самой смерти» [I, 17].

В числе удовольствий на святках и масленице, удостоверял Д. П. Иванов, кроме катания на лошадях по городу, особенно любимым Виссарионом и всеми нами было катание с больших снежных гор, которые чистились общими усилиями на дворе Белинских и нашем, обильно поливались в морозы с вечера водою из колодца; катались с гор на салазках, корытах и особенно на ледянках (так назывались решета, дно которых снаружи закладывалось навозом и заливалось ежедневно утром и вечером водою для замораживания). На святой неделе обычною забавою было катание яиц в комнате, на дворе качели на качелях, также собственноручно устроенных и остававшихся неприкосновенными на все лето».

И далее Дмитрий Петрович писал: «Я с намерением распространился в указании этих игр и удовольствий, желая показать, насколько Белинский был способен и предавался разнообразным впечатлениям в свои младенческие и детские годы, при каких условиях росла и зрела его жизнь» [1].

О своих увлечениях, играх, забавах Виссарион Григорьевич неоднократно рассказывал в письмах, литературных произведениях. Например, в рецензии на «Повесть о приключении английского милорда Георга» он свидетельствовал: «О, милорд! что ты со мною сделал? Ты так живо напомнил мне золотые годы моего детства, что я вижу их перед собою, железная современность пе-

[1] В. Г. Белинский в воспоминаниях современников, с. 93.

чезает из моего сознания; я снова становлюсь ребенком и вот уже с бьющимся сердцем бегу по пыльным улицам моего родного городка, вот вхожу на двор родимого дома с тесовою кровлею, окруженный бревенчатым забором... Вот от ворот до крыльца трехугольный палисадник с акациями, черемуховым деревом и купою розанов... Вот и огород, которому со двора служат оградою погреб и другие службы, с небольшими промежутками частокола, а с остальных трех сторон — плетень... Вот и маленькая баня при входе в огород, даже и среди белого дня пугавшая мое детское воображение своею таинственною пустотою... а вот, возле нее, и стог сена, на котором я часто воображал себя то Александром Македонским, то Еруслаком Лазаревичем...» [III, 207].

В этом признании В. Г. Белинского для нас все ценно. С фотографической точностью он воспроизводит родную усадьбу, до мельчайших подробностей описывает и огород со своими грядками, подсолнечниками и все другое, вызвавшее в памяти такое время, о котором он «не может вспоминать без слез умиления и сердечной тоски».

Любопытно также упоминание об Александре Македонском. С ранних пор Виссариону, видимо, была знакома книга «Описание военных действий Александра Великого» с гравюрами А. Грачева. Таким же изданием в детские годы пользовался и М. Ю. Лермонтов.

Восприимчивость всего того, что попадало в поле зрения сына уездного лекаря, была на редкость поразительной. «Первые впечатления, — подчеркивал он, — всегда живо и сильно поражают душу младенца: они долго сохраняются в ней и действуют на всю нравственную жизнь его». Развивая мысль о значении приобретаемых навыков поведения в последующих действиях человека, В. Г. Белинский утверждал: «Воспитание юношества имеет большое влияние на судьбу целых политических обществ. Оно или образует истинных, верных сынов отечества, или производит бесполезных членов» [I, 17]. И здесь же он раскрывал сущность воспитания, под которым разумел «не одно пустое знание светских приличий», а «просвещение ума, образование сердца и соединенную с оными утонченность обращения». Именно та школа, которую проходил в Чембаре юный Виссарион, стала для него «благородной, по его выражению, добродетелью».

ПЕРВЫЕ УЧИТЕЛЯ

Опираясь на рассуждения графа великого критика А. Н. Пыпина относительно первоначального обучения В. Г. Белинского, Дмитрий Петрович Иванов указывал: «Учение Виссариона Григорьевича началось вне дома. В Чембаре и до сих пор существует привилегированная учительница русской грамоты — Екатерина Павловна Ципровская, дочь протоиерея тверянской епархии. Целые поколения начали у нее свое азбучное образование, и до сих пор приезжающие в Москву из Чембара кандидаты в учебные заведения сказывают, что у Ципровской выучились чтению и письму».

Пока никому из белинсковедов не удалось отыскать в архивах более подробных сведений о первой учительнице Виссариона Григорьевича. В то время, когда он начал усваивать основы «русской грамоты», она, по всей вероятности, еще не имела достаточного опыта и не обладала соответствующими методическими навыками. Ей в ту пору было около двадцати лет от роду.

По свидетельству мемуариста, в ветхом домике, который занимали Ципровские, собирались мальчики и девочки. В течение примерно года они заканчивали курс чтения гражданской и церковной печати. Учебными пособиями могли являться «Азбука русская, или Букварь для обучения малолетних детей чтению», а также «Азбука российская для обучения юношества чтению». О первой книге В. Г. Белинский отзывался как о «книжонке, предназначенной для буквы и складов русского церковного языка, правоучения, повести, показание чисел и таблицу умножения».

Возможно, что Екатерина Павловна имела под рукой учебник М. Ф. Меморского, называвшийся «Новая российская грамматика в вопросах и ответах». Это учебное пособие с 1807 по 1831 год выдержало тринадцать

изданий и хорошо было бы [illegible] Грибоедову. Он указывал: «Учебные книги бывают двух родов. Одни из них пишутся для первоначального обучения; главное их достоинство должно состоять в простом и ясном изложении предмета и искусном приноровлении оного к детским понятиям. В связи с этим, разбирая 1811 год, «Грамматики», подготовленные И. Ф. Калайдовичем, Н. И. Гречем и другими авторами, В. Г. Белинский подчеркивал: «...они не хотят пользоваться трудами своих предшественников, как будто бы почитали это унизительным для своего... достоинства. Удивительно ли после этого, что у нас по сю пору нет грамматики, которую бы можно было принять за руководство при обучении детей?.. Вот причина необыкновенного успеха грамматики великомудрого Меморского (вечная ему память!), она кратка, она искони веков слывет классическою книгою и, сверх того, снабжена вопросами, следовательно избавляет горемыку-педагога от излишних хлопот» [1, 115].

Не исключено также, что молодая учительница пользовалась знаменитым, по определению В. Г. Белинского, «Письмовником» Н. Г. Курганова, который являлся настольной книгой почти для каждого начинавшего учиться подростка. Рецензируя одно из выпусков «Сельского чтения», Виссарион Григорьевич вспоминал [illegible], те издания, которые его увлекали. «Был некогда, — свидетельствовал он, — на Руси почтенный человек — профессор *Николай Курганов*, издал он книгу, или, лучше сказать, книжицу — Письмовник, содержащий в себе науку российского языка со многими приложениями разного учебного и полезно-забавного вещесловия, с присовокуплением книги: Неустрашимость духа, героические подвиги и примерные анекдоты русских». ...Книга эта имела успех чрезвычайный: еще в 1796 году была напечатана она уже *шестым* изданием и до сих пор еще перепечатывается так, как была, без изменений, только разве с выпуском кое-где смысла. Для своего времени эта книга — просто золото» [VI, 682].

Изучение «полезно-забавного вещесловия» и «геройских подвигов», видимо, запомнилось В. Г. Белинскому на многие годы. Анализируя методику первоначального обучения на основе, по его выражению, «собственного опыта», своего взгляда и своих понятий», он указывал, что дитя не требует выводов, доказательств и логической

последовательности: ему нужны образы, краски, звуки. Дитя не любит нравоучений, «ему нужны историки, повести, сказки, рассказы». В этом Виссарион Григорьевич видел «краеугольный камень первоначального образования».

Вот почему сын штаб-лекаря проявлял, вероятно, интерес не только к урокам молодой учительницы. Ее брат коллежский регистратор Николай Павлович Ципровский в период войны с полчищами Наполеона добровольно вступил в ряды Пензенского ополчения. Вместе с ним ушли на защиту отечества от иноземных захватчиков Евгений Вышеславцев, Никон Щетинин, Василий Григорьев, Николай Брычов, Алексей Брюхатов, князь Николай Кугушев, Лев Григорьев, Михаил Сурин, Василий Григорьев, Петр Мосолов, князь Александр Мансырев, Руф Гусинцев, Иван Балкашин и многие другие[1].

Почти все они упоминаются в переписке родных с В. Г. Белинским. Некоторых из них он хорошо знал, неоднократно встречался с ними и в последующие годы. Так, «с урожденным штабс-капитана Л. С. Григорьева Николаем» сын штаб-лекаря часто виделся в Чембаре, а затем вместе учился в Пензенской гимназии и продолжал дружбу в Москве. Н. Н. Щетинин доводился родственником Ф. С. Ивановой. В одном заведении с Н. Д. Брычовым и П. А. Мосоловым служил П. П. Иванов, а позже брат В. Г. Белинского Константин Григорьевич.

По-разному сложилась судьба защитников земли русской. После возвращения из дальних походов В. Н. Григорьев, как состоятельный помещик, стал во главе полиции. Высокие должности в уездном чиновничьем аппарате заняли Н. А. Мачинский, Н. Н. Щетинин. В то же время М. Н. Сурин, Н. П. Ципровский, П. М. Черноусов продолжали тянуть лямку бедного «подьячего». Они вечерами и по праздничным дням собирались или у Ципровских, или в доме Петра Михайловича Черноусова, жаловались на свою долю, вспоминали о нелегких путях-дорогах. Свыше трех тысяч верст прошагали бывшие воины по странам Западной Европы. И к ним юный Виссарион мог чувствовать особую симпатию, слушать их рассказы об участии в Лейпцигской битве, взятии Магдебурга, о

---

[1] В. Р. Апухтин. Очерк истории формирования и действий Пензенского [illegible] ополчения в Отечественную и освободительную войны 1812—1814 годов. М., 1912, с. 1—3.

жарких боях при осаде Дрездена и Гамбурга, о храбрости и мужестве пензенских ополченцев в сражениях с неприятельскими войсками.

Может быть, эти рассказы пришли вновь на память В. Г. Белинскому, когда при рецензировании книги Ф. Глинки «Очерки Бородинского сражения» он писал: «Но вот буря иноплеменного нашествия пронеслась по усыпленному народу и разражается громом и молниями над его беспечною головою — и нет больше людей: является народ, нет больше личных и частных интересов, всё дума об отечестве, пестрые толпы слились в одну общую массу... И те, которые удивляли вас своею мелкостию и пошлостию, оскорбляли бездушием, те часто поражали вас и львиною храбростию, и благородством поступков, и великодушною готовностию принести себя на жертву за общее дело, даже не думая, чтобы их жертва имела какую-нибудь цену» [III, 344].

Влекло юного Виссариона к П. М. Черноусову, по всей вероятности, и нечто более существенное. Петр Михайлович имел книги, к которым, по свидетельству современников, сын штаб-лекаря питал страсть с детских лет. И даже Константин Григорьевич, увещевая брата о чембарских новостях, в письме от 17 ноября 1831 года сообщал: «Я читал Анекдоты Петра I, Жизнь и деяния Емельяна Пугачева, сего умнейшего и ученого человека, Жизнь Ермака, завоевателя Сибири, брал мною у Черноусова, которому по наследству достались от умершего его брата довольное количество книг, между которыми есть сочинения: Богдановича с портретом и описанием жизни, И. Дмитриева 1 и 2 части, где есть сатира Чужой толк, Овидиевы превращения 1 часть, с портретом, Переписка Екатерины II с г. Волтером, с портретом обоих, Россиада поэма Хераскова, Жизнь Наполеона Бонапарте с портретом, которые теперь у меня находятся..»

Свежи в памяти чембарцев были и события, связанные с созданием ополчения. Вторжение неприятельских сил в Россию вызвало среди народных масс небывалый патриотизм. Во многих губерниях началось формирование батальонов, полков, дивизий из числа ратников, которые набирались в основном из числа крепостных крестьян. В Пензенской губернии предполагалось выставить под ружье свыше девяти тысяч человек. Однако не все общественные слои отнеслись к этому решению едино-

душно. Большинство помещиков, по свидетельству Ф. Ф. Вигеля, лишь на словах ратовали за ополчение, на деле же больше вздыхали не о России, а о своей особе и своем ларце[1]. Как правило, они старались на каждого крестьянина, зачисленного в ополчение, получить соответствующий документ о том, что он якобы призван в счет рекрутской повинности.

Сын бывшего пензенского губернатора, член комиссии по сбору пожертвований, широко информированный о положении дел в уездах и волостях, вынужден был признать и другое. Если «власть имущие» думали о своем кармане, то при сборе ратников (вопреки тому, что бывало при обыкновенных рекрутских наборах), — указывал Ф. Ф. Вигель, — радость была написана на лице тех, на коих пал жребий; семейные их: жены, матери, сыновья осыпали их ласками и дарили чем могли...»[2].

В первой половине декабря 1812 года ратники должны были отправиться в район военных действий. Генерал-фельдмаршал граф П. А. Толстой — командующий III округом ополчения, куда входили Пензенская, Казанская, Нижегородская, Костромская, Симбирская и Вятская губернии — издал приказ о приведении ратников к присяге. Однако на основе существовавшего в то время положения крестьяне, призванные в армию и принявшие присягу, теряли их прежнего состояния. Поэтому о повелении с признанием присяги объявлялся царский манифест от 18 июля, в котором говорилось: «...по изгнании неприятеля из земли нашей всяк возвратится с честию и славою в первобытное свое состояние и к прежним своим обязанностям». После того как зачитали этот документ, ратники 1-го и 3-го полков заявили, что «манифест поддельный». Они арестовали и избили старших офицеров и потребовали «настоящий указ».

Когда о событиях в Инсаре и Саранске стало известно в Петербурге, Александр I повелел наказать всех зачинщиков «без всякого послабления ... и обратить на горные пермские заводы с зачетом помещикам за рекрут».

Пока шло «усмирение» ратников в Инсаре и Саранске, 2-й полк решили срочно отправить в действующую армию. По пути следования в селе Каменке (сейчас город Каменка) у ополченцев отобрали пики, «дабы оные»,

---

[1] Записки Ф. Ф. Вигеля. М., 1892, часть IV, с. 47.
[2] Апухтин В. Р. Указ. соч., с. 12.

как сообщал пензенский губернатор князь Г. С. Голицын графу П. А. Толстому, не остались в руках помещиков при соприкосновении с многолюдными владельческими вотчинами Чембарского уезда, где происходили широко известные в 70-х годах происшествия, то есть восстание народных масс в период крестьянской войны под руководством Е. Пугачева [1].

Но меры предосторожности, принятые правительством, оказались малодейственными. 15 декабря два батальона разместились в Чембаре, а два других остались в селе Кевдо-Вершина. На второй день полковник Н. Д. Дмитриев решил привести к присяге ратников, расквартированных в уездном городе. Но они отказались от присяги и потребовали «именного указа». К ним вскоре присоединились и ополченцы, находившиеся в Кевдо-Вершине.

Командир полка и обер-офицеры сбежали из Чембара, который оказался в руках восставших. «Из своей среды, — говорится в архивном документе, — они избрали полковым командиром Гаврилу Иванова и приняли решение о самостоятельном походе на французов без дворян».

Спустя неделю в Чембар прибыли 8-я резервная артиллерийская бригада, 36-й и 42-й егерские полки из корпуса генерала Лобанова-Ростовского. 23 декабря Н. Д. Дмитриеву удалось собрать ратников и построить их на площади. Командир полка начал призывать восставших принять присягу. Но они держались дружно и смело отвечали: «Вы нам ничего не сделаете... Мы отымем и пушки и всех побьем». В это время раздался залп из пушек. На снег упало несколько убитых и раненых. Ратники с копьями в руках смело бросились на батарею. Наперерез им вскочил из засады отряд егерей. Ополченцы отступили.

На следующий день в Чембаре заседал военно-полевой суд. В фонде «Канцелярии пензенского губернатора» сохранились архивные документы, свидетельствующие о жестокой расправе с ратниками. В одном из них указывается: «При подавлении волнения ополченцев в 1-м пехотном полку было наказано шпицрутенами и отослано в дальние гарнизоны 119 человек, во 2-м — 63, в 3-м — 107, а всего 289 человек. Кнутом было выпорото

[1] См.: Краеведческие записки. Пензенское кн. изд-во, 1963, с. 24.

и сослано на каторгу в 1-м полку 7 человек, во 2-м — 14, в 3-м — 21, а всего 42 воина»[1].

Все события, связанные с неповиновением ополченцев в Чембаре, проходили на глазах П. П. Иванова и Ф. С. Ивановой. Перед окнами их дома разыгрались пушечные залпы. Хорошо знала о расправе с непокорными ратниками и Екатерина Павловна Цыпровская. Во втором полку были крестьяне из сел Чембарского уезда. В нем числились прапорщиками Иван Балкашин, Евгений Вышеславцев, Николай Мачинский и другие чембарцы.

Безусловно, не мог не знать о таких событиях сын штаб-лекаря. И где-то в его сознании от всего услышанного запала мысль «о патриотах земли русской». Можно предположить, что именно эта мысль послужила основой целого рассуждения о неотделимости человека от общества. В той же статье, посвященной разбору книги Ф. Глинки «Очерки Бородинского сражения», В. Г. Белинский писал: «...человек в вечной борьбе... с обществом, — но в борьбе не в смысле восстания, а в смысле своего беспрестанного стремления то в ту, то в другую сторону». Здесь же, оценивая объективную возможность достижения преследуемой цели, критик подчеркивал: «Но горе тем, которые ссорятся с обществом, чтобы никогда не примириться с ним: общество есть высшая действительность, а действительность или требует полного мира с собою, полного признания себя со стороны человека, или сокрушает его под стопою своей тяжестию своей исполинской длани» [III, 341].

Время, проведенное в веселом домике Цыпровских, не прошло для сына штаб-лекаря даром. Выучившись у Екатерины Павловны читать и писать, указывал в мемуарах Д. П. Иванов, он «продолжал свое обучение дома, вероятно, под надзором отца»[2].

В. Г. Белинский в своих статьях, рецензиях, письмах неоднократно говорил о важности первоначального воспитания. Им, указывал он, решается участь человека. Поэтому, кто, как и чему учит подростка, имеет определяющее значение в формировании его взглядов. И в этом отношении роль отца в обучении Виссариона была исключительно активной.

Он, сообщал Д. П. Иванов в записке А. Н. Пыпину,

---

[1] См.: Краеведческие записки. Пензенское кн. изд-во, 1963, с. 25.
[2] В. Г. Белинский в воспоминаниях современников, с. 33.

был любимым сыном Г. И. Белинского. С самой ранней поры отец не мог не отличить и остроумия речей, и страсти к чтению, и пытливой любознательности, с которой мальчик прислушивался к рассказам о прошлом, к суждениям о предметах, вызывающих размышления. «И мало-помалу, — свидетельствовал Дмитрий Петрович, — раскрывалась между ними живая симпатия, сохранившаяся навсегда и благодетельно действовавшая на обоих в резких случаях жизни».

В связи с этим следует напомнить о тех высказываниях А. И. Герцена и Н. А. Некрасова, которые касаются отца великого критика. Они сравнительно широко вошли не только в популярные, но и научные работы о В. Г. Белинском.

В частности, рассматривая истоки формирования взглядов юного Виссариона, издатель «Полярной звезды» и «Колокола» утверждал: «Его развитие очень характерно для той среды, в которой он жил. Рожденный в семье бедного чиновника провинциального города, Белинский не вынес из нее ни одного светлого воспоминания. Его родители были жестоки и необразованны, как все люди этого извращенного класса...»[1]

---

[1] Герцен А. И. Полн. собр. соч. под ред. М. К. Лемке. Пг, 1919, т. VI, с. 383. Здесь же А. И. Герцен писал: «Белинскому было десять или одиннадцать лет, когда его отец, придя раз домой, начал его бранить. Ребенок хотел оправдаться. Разъярившийся отец ударил его и свалил на пол. Мальчик встал совершенно преображенным: обида, несправедливость сразу порвали в нем все родственные связи». В дополнение к этому многие исследователи жизни и творчества В. Г. Белинского приводят его собственные слова из письма, о котором говорилось выше. В нем критик указывал: «...я не был грудным: родился я больным при смерти, груди не брал и не знал ее (зато теперь люблю ее вдвое), сосал я рожок, и то, если молоко было прокислое и гнилое — свежего не мог брать. Потом: отец меня терпеть не мог, ругал, унижал, придирался, бил нещадно и площадно — вечная ему память! Я в семействе был чужой... Я просто боюсь людей; общество ужасает меня. Но если я вижу хорошее женское лицо: я умираю — на глаза падает туман... дыхание прерывается, я в огне... Адское состояние!.. Мне кажется, я влюблен страстно во все, что носит юбку... Да, я болен, недоверчив и подозрителен. Надо щадить меня и обращаться со мною осторожно... Вот тебе и весь я в настоящем моем положении» [XI, 512, 513, 515]

Как эти, так и опущенные строки послания к В. П. Боткину проникнуты самоуничижением и вместе с тем какой-то несвойственной В. Г. Белинскому фривольностью и даже больше — двусмысленностью. Автограф письма не сохранился, и трудно судить о точности содержания дошедшего до нас списка, ибо имеются другие, и весьма достоверные, источники. Так, Д. П. Иванов свидетельствовал: Григорий

Некоторые белинсковеды считают, что данные строки А. И. Герцен писал со слов самого критика. Однако едва ли он мог говорить то, что не имело под собой истины. Ведь В. Г. Белинский хорошо знал, что родился не в провинциальном городе, что его отец имел высшее медицинское образование и никогда не принадлежал «к извращенному классу». Что же относится «к светлому воспоминанию» о семье, то выше уже приводились соответствующие примеры. Их можно дополнить и другими иллюстрациями. Так, вспоминая годы детства, Виссарион Григорьевич указывал: «Возраст мужества выше младенчества—нет спору; но отчего же звуки нашего детства, его воспоминания даже и в старости потрясают все струны

Никифорович «не любил варварских наказаний и, кажется, был в городе единственным из отцов, понимавших, что для воспитания в мальчике человека не должно обращаться с ним, как со скотом». И далее мемуарист указывал: «Я не знаю и не помню ни одного случая жестокосердечного обращения дедушки с Виссарионом».

Об отношении штаб-лекаря к своим детям можно также судить и по сохранившейся переписке В. Г. Белинского с родными. В каждом письме перечисляются все, даже мелкие провинности отца, но не в одном из них не говорится о грубом отношении к Никанору или Константину. Скорее наоборот: в ряде корреспонденций он обвиняется в мягкотелости. Например, в письме к Никанору от 29 сентября 1831 года В. Г. Белинский предупреждал: «Смотри, брат! Исправься, а не то по моем приезде быть худу! Я ни на кого не посмотрю: отдеру при папеньке: Прошу тебя: не доводи себя до беды». 18 ноября 1831 года мать, Мария Ивановна, жаловалась старшему сыну: «Наш Никанор нисколько не исправляется... Если я когда ударю без отца раза два или три чем-нибудь, то когда отец придет, он начинает жаловаться, что я его прибила...»

Что же касается положения В. Г. Белинского в семье, то об этом уже говорилось. В подтверждение приведем еще несколько примеров. В письме к отцу 5 января 1830 года он писал: «Папенька... я сам знаю ваши недостатки... и тем живейшую ощущаю к вам благодарность... сына, чувствующего к вам истинную любовь и почтение, сына, который почти один умеет понимать и ценить вас». Летом 1831 года Виссарион уведомлял родителей: «Вспоминая время, проведенное мною прошлого года дома, и удовольствия, которыми я наслаждался в обществе моих родных и знакомых... я подчас грустил и тосковал не на шутку. Душа рвалась к вам». И, наконец, в апреле 1832 года, когда студент В. Г. Белинский заболел, Константин Григорьевич наставлял его: «Ты объясни своим начальникам, что так как у тебя родитель сам штаб-лекарь, то он и желает лечить тебя дома... и что ты будешь находиться в кругу своего семейства, так много тебя любящего».

Приведенные выше строки писались, как говорят, по свежим следам. Поэтому, на наш взгляд, высказывания А. И. Герцена требуют дополнительного изучения, и они не являются «неопровержимым источником», как это утверждают многие белинсковеды.

нашего сердца и радостию и грустию?.. Это оттого, что младенчество есть необходимый и реальный период нашего существования, который бывает только раз в жизни и больше не возвращается. Это время нашего единства с природою, в котором так много простодушной и невинной любви, время нашего непосредственного сознания, в котором все было ясно, без тяжких дум и трепетных вопросов, как будто бы сильфы и феи дружелюбно нашептывали сердцу священные откровения и небесная правда сама падала на землю, не орошенную пóтом труда и забот... Славное то время было, читатели, когда солнышко улыбалось вам с чистого неба, цветочек наклонением стебелька ласково приветствовал вас, мотылек манил вас бегать по лугу, кузнечик пел вам свою однообразную песенку, и старый ручей... рассказывал вам чудные сказочки!.. Вы и природа были тогда — одно, и все в природе было для вас дружеским откровением священной тайны любви и блаженства!.. Выпьем же бокал мой за вас, счастливые лета моего младенчества!.. Я теперь умнее, чем был тогда; я не променяю разума на самое блаженство, но мне все же жаль вас, о радужные дни моего счастливого детства!..» [V, 309—310].

В другом месте, говоря о днях, проведенных в Чембаре, вспоминая в памяти свои увлечения, В. Г. Белинский писал: «А ведь воспоминания детства так сладки, так обольстительны...» Почти эти же слова он повторяет в рецензии на стихотворения А. Кольцова [I, 56, 251]. А в письме к родным 5 февраля 1835 года Виссарион Григорьевич с какой-то особой нежностью делился своими мечтами: «Хочется вспомнить минувшее время, взглянуть на места, где провел детство... хочется выронить слезу на могиле родной...[1] Сколько раз сердце просилось, душа рвалась туда, туда!» [XI, 120].

Нельзя согласиться и с Н. А. Некрасовым, который в 1855 году решил в стихотворной форме рассказать о жизни великого критика. В поэме «В. Г. Белинский» Николай Алексеевич писал:

Родился он почти плебеем
(Что мы бесславьем разумеем,
Что он иначе понимал)
Его отец был лекарь жалкой,

---

[1] Мать В. Г. Белинского скончалась 20 августа 1834 года и похоронена в Чембаре.

Он только пить любил, да палкой
К ученью сына поощрял.
Процесс развития — в России
Не чуждый многим — проходя,
Книжонки дельные, пустые
Читало с жадностью дитя,
Притом, как водится, украдкой...
Пока мечтательности сладкой
Им овладела с малых лет...
Какой прозаик иль поэт
Помог душе его развиться —
Не знаю я. Но в нем кипел
Родник богатых сил природных
И честных, бескорыстных дел!..
С кончиной лекаря, на свете
Остался он убог и мал...

Как и А. И. Герцен, выдающийся русский поэт говорит о рождении Виссариона Григорьевича в бедной семье. Это не совсем так. Конечно, с точки зрения какого-нибудь потомственного дворянина, располагавшего сотнями крестьянских душ и не одним поместьем, уездный лекарь казался нищим. Однако по сравнению с простым мужиком он являлся «барином», имел хотя небольшие, но вполне достаточные средства для обучения сына и создания соответствующих условий для его духовного роста.

Не мог также отец своего первенца «палкой к ученью поощрять». Сохранившиеся документальные источники свидетельствуют совершенно о другом. Да и сам юный Виссарион не из такого десятка, к которому надо было применять какие-то физические силы, чтобы заставить учиться. По сложившейся, видимо, традиции говорится и «о чтении, как водится, украдкой» книг, которые в семье лекаря ценились превыше всего и занятие ими постоянно поощрялось. Так что не было нужды таиться от кого-то, чтобы с жадностью «читать книжонки дельные, пустые».

И совсем не отвечают исторической истине последние строки приведенного выше отрывка из поэмы. В. Г. Белинскому было уже двадцать четыре года, когда умер его отец.

Не только А. И. Герцен и Н. А. Некрасов как современники В. Г. Белинского допускали ошибки в трактовке тех семейных условий, в которых проходили его детские и юношеские годы. По заданному трафарету продолжали изображать образ Григория Никифоровича и

другие авторы. Еще в конце прошлого века известный историк литературы С. А. Венгеров, много сделавший для популяризации наследия Виссариона Григорьевича, в своей статье «Великое сердце» пытался доказать, что нравственные устои юного Виссариона развивались не под влиянием «лекаря-пьяницы, а праведника-деда, священника Никифора Трифонова». Эту же точку зрения последствии проповедовал завзятый приспешник буржуазно-помещичьей реакции Д. С. Мережковский. В своей брошюрке он указывал: «русская суть Белинского» — пример благочестивого аскета Никифора, в котором он видеть внука-преемника [1].

В негативных тонах показывали Г. Н. Белинского и его семью В. Е. Чешихин-Ветринский, Р. И. Иванов-Разумник, Н. О. Лернер. Не избежали подобной концепции многие современные белинковеды. Например, Д. Я. Рыхлин в книге «Белинский в школе» пишет, что детство великого критика было безотрадным и он рано изведал жизненные невзгоды. Е. П. Прохоров в исследовании о литературном мастерстве великого критика утверждает: «Смолоду Белинский испытал на себе домашний деспотизм» [2]. Е. М. Филатова в весьма интересном очерке о философских и социологических воззрениях великого русского революционного демократа тоже не избежала ошибки в трактовке истоков формирования его взглядов. В своей книге она пишет: «...Белинский, что тогда было обычно, воспитывался в детстве в религиозном духе...» [3]

Поверхностный подход к освещению детства и юности революционного демократа использовали зарубежные фальсификаторы его творчества. Так, один из апологетов буржуазной морали Бернгард Шульце в книге «Русские мыслители», вышедший в 1950 году в Вене, лицемерно восклицает: «Бедный Белинский! В ранней молодости он был лишен теплоты домашнего очага, не знал идеальной семейной жизни». И далее, развивая свою мысль, этот «русист» делает вывод о том, что невыносимые условия, в которых находился В. Г. Белинский, якобы настолько отравили его сердце и ожесточили его дух, что он стал «строптивым», «желчным» и поэтому

---

[1] Мережковский Д. С. Завет Белинского. Прометей, 1915, с. 19

[2] Прохоров Е. П. В. Г. Белинский. М., 1978, с. 8

[3] Филатова Е. М. Белинский. М., 1976, с. 90

всем был недоволен, все порицал, под конец жизни стал искать «утешения в религии».

Словом, значительная часть белинковедов идет проторенной дорожкой в вопросах толкования роли семьи, и в первую очередь влияния отца, в становлении убеждений юного Виссариона. В связи с этим надо вспомнить строки из небольшого биографического очерка М. А. Протопопова «В. Г. Белинский, его жизнь и литературная деятельность», изданного Ф. Ф. Павленковым в 1894 году в серии «Жизнь замечательных людей». Не имея достаточных первоисточников, автор, однако, свидетельствует: «Очевидно, Белинский-отец был головою выше не только своего захолустного, но и вообще своего времени и среды общества. Виссарион Белинский имел редкое счастие найти в своем отце не только горячую любовь только, но и внимание и понимание».

И далее, используя документальный материал, приведенный в двухтомной монографии А. Н. Пыпина, анализируя публикации, которые появились в журналах «Русская старина», «Исторический вестник» и других периодических изданиях, М. А. Протопопов утверждал: «Итак, мы признаем несомненным, что условия детской жизни Белинского не только не были исключительно тяжелы, а наоборот, стояли выше обычного в то время уровня воспитания. То живое чувство человеческого достоинства, которое всегда отличало Белинского, лучше всего доказывает, что его нравственное развитие совершалось правильным путем. Из семей деспотов и самодуров, какими представляют Белинского-отца, вышли Молчалины... а не трибуны и не борцы».

С таким выводом автора очерка некоторые белинковеды не согласились. Например, В. С. Нечаева писала в своем исследовании: «...Протопопов не показал, что же подготавливало в Белинском будущего трибуна и борца. Поместив его в благополучную семейную обстановку, не упомянув ни словом о крепостной действительности и о пошлой и грубой окружавшей его среде, Протопопов тем самым скорее затруднил, чем помог раскрыть историю формирования мировоззрения Белинского»[1].

Что касается «крепостной действительности», то М. А. Протопопов говорил о ней. Зная об антикрепост-

---

[1] Нечаева В. С. Указ. соч., с. 14.

ническом произведении поэта «Виссариона Григорьевича Белинского Калинин» лишь по отрывку, опубликованному в январском номере журнала «Русская старина» за 1876 год, он писал в своем очерке: «Трагедия Белинского в русской литературе имела только один прецедент, равный ей по силе и искренности чувств, — это знаменитая книга Радищева». И далее, сравнивая трагедию с классическими драмами М. Ю. Лермонтова, М. А. Протопопов указывал: «...та же горячность чувства... благородство идеалов и, что всего важнее, — тот же страстный протест против крепостного права — главного зла тогдашней жизни».

Однако дело, конечно, не только в этом. Действительно, очень многого нет в работе М. А. Протопопова. Он не располагал теми документами, которые опубликованы советскими архивистами и учеными. Не была еще издана тогда и переписка членов семьи Г. Н. Белинского. А главное — не то было время, чтобы широко говорить о великом критике. Нам известно, что работа М. А. Протопопова подверглась цензурным ограничениям. Судя по ее изданию в 1895 и 1897 годах на болгарском языке, она имела несколько больший объем и впервые включила в себя полный текст знаменитого письма Виссариона Григорьевича к Н. В. Гоголю.

Из источников, использовавшихся в период работы М. А. Протопопова над очерком, прежде всего надо указать на упоминавшиеся уже выше воспоминания Д. П. Иванова, который дал более всесторонние характеристики Г. Н. Белинскому. Дмитрий Петрович, пожалуй, лучше других мемуаристов знал его и общался близко с ним на протяжении почти двух десятков лет. Он указывал, что природный ум и доступное по времени образование ставили Григория Никифоровича выше малограмотного провинциального общества. «Совершенно чуждый его предрассудков, притом склонный к остротам и насмешке, — указывал Д. П. Иванов, — он открыто высказывал всем и каждому в глаза свои мнения и о людях, и о предметах, о которых им и подумать было страшно».

О каких же «предметах» мог говорить штаб-лекарь уездным чинам, с которыми ему приходилось встречаться по долгу службы? В первую очередь, вероятно, о честности и благородстве в своих поступках. Сохранившаяся до наших дней корреспонденция М. Н. Белинской

с старшим сыном позволяет довольно четко проследить те взаимоотношения, которые складывались между Григорием Никифоровичем и заправилами местного общества. В частности, 10 декабря 1832 года Мария Ивановна сообщала о его резком конфликте с одним из влиятельных помещиков уезда, долгое время исполнявшим обязанности чембарского судьи, П. А. Мосоловым.

Петра Александровича, — писала она, — отдали в уголовную по ершовскому делу, а он был до этого немножко нездоров, а как услышал, то и более поразило. Его требуют для ответа в Пензу, он сказался больным, надо ему заранее свидетельствовать, поехал, написал свидетельство; они хотели прислать за ним лечить вскоре, но что-то замешкались или, кажется, больной не дожидался лечения. Приехала Анна Петровна и уговорила своего отца лечиться, пишут письмо, присылают за ним лошадей, нет, не тут-то было, отговорился, не поехал; исправник узнал, уговаривал ехать, ничего не подействовало. Посылают в Сердобск за лекарем, но не застали дома. Наконец, Анна Петровна приехала... хотела встать на колени. Не думаешь ли ты, что он поехал? — ничего не бывало, он хладнокровно отказался... Что же он после говорил: «А они узнали, что я им свидетельство дал не в их пользу, они меня хотят заманить к себе в дом и убить или прибить до полусмерти».

И это не являлось результатом якобы расстроенного, как писала Мария Ивановна, воображения лекаря. Григорий Никифорович знал, что в темных махинациях, связанных с грабежом огромного имения графов Разумовских в селе Ершово, был замешан не только уездный судья, но и сам губернатор Ф. П. Лубяновский. Первый из них даже среди помещиков чембарской округи слыл «отъявленным разбойником», а второго во всей Пензенской губернии называли «ловким дельцом», «потакающим ворам, — указывал П. А. Вяземский, — и не из простоты».

В богатейшем поместье Разумовских, с теплицами, оранжереями, каретными, столярными, кузнечными мастерскими, винной фабрикой и винокуренным заводом, Г. Н. Белинский бывал неоднократно. Еще 4 июля 1823 года он донес в Пензенскую врачебную управу «об освидетельствовании погибшего крестьянина Василия Иванова, принадлежавшего графу Разумовскому»[1]. В

[1] ГАПО, ф. 291, оп. 1, д. 6, л. 109.

1827—1830 годах лекарь делал в селе Ершове принудительные прививки. Так что ему хорошо были известны порядки, царившие в вотчине высокопоставленных крепостников, которые за счет пота и крови своих рабов наживали огромные состояния.

Г. Н. Белинский смело обличал ханжество, лицемерие в поступках не только уездных, но и губернских чинов. И эта сторона его характера оказывала постоянное влияние на Виссариона. Отвечая на ряд вопросов, связанных с опубликованием биографии великого критика, подготовленной А. Н. Пыпиным, Екатерина Петровна Иванова свидетельствовала: «Я знала его ребенком и юношей и только могу сказать, что это был самый пылкий характер, он подмечал смешные стороны у людей, осмеивал беспощадно». Ее брат Дмитрий Петрович указывал: «По природе своей Виссарион ближе подходил к отцу, чем к матери. Высокие нравственные черты характера, прямодушие, стойкость убеждений, наклонность к шуткам, насмешке — наследовал он от отца; доброе чадолюбивое сердце (Белинский очень любил детей младенческого возраста), вспыльчивость, раздражительность, неумеренная чувствительность — перешли к нему от матери. Я вполне уверен, что тайная симпатия Виссариона принадлежала отцу, и сын недаром обнаружил его»[1].

Не в меньшей мере на юного Виссариона оказывали воздействие антиклерикальные настроения Григория Никифоровича. В мемуарах, оставленных Д. П. Ивановым, говорится о том, что в религиозных убеждениях он пользовался репутацией Аммоса Федоровича — персонажа комедии Н. В. Гоголя «Ревизор». В бессмертном творении Николая Васильевича городничий, уличая Ляпкина-Тяпкина в «богохульстве», говорил ему: «Зачем вы в бога не веруете; вы в церковь никогда не ходите... О, я знаю вас: вы если начнете говорить о сотворении мира, просто волосы дыбом поднимаются».

В отличие от Аммоса Федоровича, подчеркивал мемуарист, Григория Никифоровича обвиняли «в неверии во Христа, нехождении в церковь, в чтении Вольтера, Эккартсгаузена, Юнга» не один городничий, а все привилегированное, то есть помещичье-чиновничье, население города и уезда.

[1] В. Г. Белинский в воспоминаниях современников, с. 98, 99. Григорий Никифорович умер в ночь с 3 на 4 июля 1835 года.

На почве различного отношения к отправлению религиозных обрядов между лекарем и его женой часто [illegible] разногласия. Мария Ивановна обвиняла мужа в несоблюдении постов, в холодности к «священным особам», называла «антихристом». В подобных спорах [illegible] Виссарион в отличие от Константина стоял на стороне отца. Средний же брат, наоборот, находился под влиянием матери. Поэтому у него развивались религиозные чувства. Он верил в «сверхъестественные силы», постился, проявлял слабо[illegible] и бесхарактерность. [illegible] обращен старшему сыну, Мария Ивановна писала: «Мой Константин христианин истинный, жизнь ведет девственную, не пр[illegible] [illegible] и пр[illegible] [illegible]; не [illegible], не пьет вина, скромен, расчетливый, бережливый, тихий...»[1]

Но юный Виссарион был иного склада и мало обращал внимания на уговоры матери. Его привлекала деятельность отца. В трудные минуты он мог делиться с ним своими сокровенными мечтами, своими переживаниями. В одной из корреспонденций отцу В. Г. Белинский писал: «...поговорить с вами лично желал бы очень; ибо много, много есть у меня сказать вам, много, много лежит на душе моей такого, что хотел бы я один вам [illegible]сказать...» В следующем письме Виссарион Григорьевич указывал, что он чувствует к отцу истинную любовь и почти один умеет понимать и ценить его.

Беседы и личный пример штаб-лекаря оказывали [illegible] влияние на формирование у юного Виссариона материалистических взглядов на те «проведения и на ту природу», о которых говорила Мария Ивановна. Отвечая на ее настоятельные просьбы как можно чаще бывать в «храмах божьих», старший сын писал: «Маменька, вы уже в другом письме увещеваете меня ходить по церквам; право, подобные увещевания для меня не всегда приятны и могут мне наскучить. Если бы вы советовали мне быть добрым человеком, не изменять правилам доброго поведения, то бы, хотя и сам все сие [illegible] хорошо знаю, принял бы с благодарностию подобные советы. Я почел бы их за опасение матери, которая любит своего сына и страшится потерять его... Но вы [illegible] на Меня сделать благочестивого, странствующего

[1] Литературное наследство, т. 57, с. 170.

ниыгрим, и заставить меня предпринять [illegible] ное путешествие по московским церквам, которым и счета нет. Шататься мне по оным некогда, ибо чрезвычайно много других, гораздо важнейших дел, которыми должно заниматься...» [XI, 35].

О своих антирелигиозных убеждениях, воспринятых в родном доме, Виссарион Григорьевич свидетельствовал во многих других корреспонденциях. Например, будучи уже в Петербурге, он настойчиво убеждал свою невесту М. В. Орлову проще смотреть на сложившиеся традиции по поводу венчания. «Всего ужаснее, — писал В. Г. Белинский, — это покориться обычаям шутовским и подлым, профанирующим святость отношений, в которые мы готовы вступить с вами, обычаям, которые я презираю и ненавижу по принципу и по натуре моей... Я смотрю на этот обряд, как на необходимый *юридический* акт, и чем проще он совершится, тем лучше».

Мария Васильевна, уступая Виссариону Григорьевичу, отвечала, что пусть при венчании будет только человек двадцать с ее стороны и человек десять или пятнадцать с его стороны. «Да зачем же столько, — спрашивал он, — и где наберу я такую орду? У меня все такие знакомые, для которых подобное зрелище нисколько неинтересно» [XII, 193, 194].

Наконец М. В. Орлова согласилась с предложениями В. Г. Белинского. Искренне радуясь ее долгожданному ответу, он сообщал: «Да, Мария, мы с вами во многом расходимся. Вы, за отсутствием каких-либо внутренних убеждений, обожествили деревянного болвана общественного мнения и прилежно ставите свечи своему идолу, чтобы не рассердить его. Я с детства моего считал за приятнейшую жертву для блага истины и разума — плевать в рожу общественному мнению там, где оно глупо или подло, или то и другое вместе... Впрочем, — подчеркивал Виссарион Григорьевич, — нас разделило воспитание, а не природа» [XII, 231].

Так же мало обращал внимания на мнения чембарских обывателей Г. Н. Белынский. Об этом писал П. К. Шутаев, образованный для своего времени человек, много сделавший для увековечения памяти великого критика в родных местах. Петр Кириллович увлекался краеведением, собирал материалы о В. Г. Белинском и М. Ю. Лермонтове. В его архиве сохранился ряд документальных источников к биографии юного Виссарио-

ы, которые по наследству перешли к сыну П. П. Шугаеву — заслуженному врачу РСФСР, участнику гражданской и Великой Отечественной войн.

Из данных источников видно, что Петр Кириллович в восьмидесятых—девяностых годах прошлого века встречался с теми лицами, которые общались с членами семьи штаб-лекаря или знали о них из устных рассказов старожилов, несколько раз посещал села Белинк, Тарханы, Верхние Прояны, Тархов, Вл ыкино и другие места, где можно было собрать воспоминания или подлинные документы о Виссарионе Григорьевиче и Михаиле Юрьевиче. Это он нашел и сохранил портрет великого русского поэта, находящийся теперь в Пушкинском Доме АН СССР. Благодаря ему мы знаем о «Журнале моей поездки в Москву и пребывании в оной» — одном из первых литературных произведений В. Г. Белинского. Рукопись «Журнала» находилась у А. П. Воскресенского — сослуживца Константина Григорьевича[1]. В 1898 году П. К. Шугаев опубликовал ее в двадцать втором номере «Живописного обозрения». В этом же сборнике он поместил статью, называвшуюся «Из колыбели замечательных людей»

Рассказывая об отце В. Г. Белинского, Петр Кириллович писал: «Из сведений, какие можно было собрать от старожилов и его современников, оказывается, что он был среднего роста, толстяк и немного прихрамывал на одну ногу. С чембарским обществом совсем не сошелся, даже был в дурных отношениях, — отчасти потому, что преобладающий элемент тогдашнего привилегированного общества был исключительно из помещиков, которые, не исключая и так называемых мелкотравчатых, в то время имели обыкновение смотреть на выходцев из духовенства свысока, называя их чуть не в глаза «поповичами», «кутейниками», «блинохватами» и т. п. неуместными названиями, а также и потому, что Григорий Иванович в умственном отношении, образованием и развитием, стоял значительно выше всех этих напыщенных баричей, все образование которых, за весьма редким исключением, ограничивалось знанием разговора на французском языке да знанием нескольких фраз немецкого языка. Знание же сельского хозяйства

[1] Из писем П. П. Шугаева автору от 3 июля, 27 сентября, 18 октября и 4 ноября 1967 года

простиралось не далее знакомства сдирания шкур на конюшне при помощи кнута и розог со своих крепостных крестьян, да дороги в «гарем», большего же им не было надобности знать, вследствие чего и Григорий Никифорович имел, в свою очередь, полнейшее право на этих недорослей смотреть свысока». Такая прямолинейность в поведении штаб-лекаря, его эрудированность и добропорядочность, делал вывод П. К. Шугаев, являли собой прекрасный пример стойкости в тех противоречивых взаимоотношениях, которые складывались у него с местным обществом. Многие лица, удостоверял Петр Кириллович, знавшие семью Г. Н. Белынского, утверждали, что своей образованностью и честностью он снискал уважение простого люда, оказывал завидное влияние на развитие высоких нравственных начал у юного Виссариона.

Из уцелевших до нашего времени материалов видно, что все дети штаб-лекаря чутко прислушивались к его рассказам. Познания Григория Никифоровича были весьма обстоятельными не только по медицинской части, но и в области истории и литературы. В одном из писем Мария Ивановна, сообщая о занятиях одиннадцатилетнего Никанора, свидетельствовала: «Какие он дарования имеет, какую память острую. Иногда отец с ним разговорится об царях, об войнах, он точно большой слушает и судит»[1].

Надо думать, что с неменьшим желанием и готовностью подобные беседы Г. Н. Белынский вел со старшим сыном. Он мог поведать о своей учебе в семинарии, поделиться мнениями о годах, проведенных в Медико-хирургической академии, достопримечательностях северной столицы. Григорий Никифорович, вероятно, преклонялся перед деятельностью основателя города на Неве. В его личной библиотеке имелась книга «Житие Петра Великого» 1788 года издания, которая теперь экспонируется в Государственном музее-усадьбе В. Г. Белинского. На нескольких ее страницах — автографы: «Из книг штаб-лекаря Белынского».

Эта любовь к умному, великому, по выражению Виссариона Григорьевича, царю, «от ряда захотел русского человека умыть, причесать, обрить, отучить от лени и невежества», перешлась и ему. Рассказы отца помогали

[1] Литературное наследство, т. 57, с. 126

постичь основы истории, понять заслуги Петра I в развитии государства Российского. И не удивительно, что даже В. Г. Белинский посвятит десятки восторженных страниц «гениальному самодержцу», а в рецензии на многотомное исследование И. И. Голикова о мудром преобразователе России укажет: «Петру Великому мало конной статуи на Исаакиевской площади: алтари должно воздвигнуть ему на всех площадях и улицах великого царства русского!..» [V, 137].

Ощутимое воздействие на пробуждение патриотических чувств у первенца штаб-лекаря оказывали его воспоминания о морских походах, о храбрости моряков при взятии Митавы, о разгроме наполеоновских гвардейцев на подступах к Риге. Подобные рассказы с детских лет пробуждали у юного Виссариона гордость за свой народ, свою отчизну, вызывали интерес к истории, которая стала его любимым предметом.

Может быть, с ранних пор запали в юное сердце Виссариона слова отца об идентичности понятия народ и родина. Эту мысль он будет проводить на протяжении всей своей литературно-критической деятельности. Уже в самом первом дошедшем до нас «Рассуждении» о воспитании, написанном в декабре 1829 года, В. Г. Белинский говорил о том, что человек «с юных лет должен знать общие обычаи своего отечества». В пример автор сочинения ставил Древнюю Грецию, где каждый индивидуум «с самого своего младенчества питался высокими и благородными впечатлениями», а душа его была неотделима от любви к родине. В последующих статьях и рецензиях великий критик неоднократно указывал, что любовь к отечеству должна вытекать из любви к человечеству, то есть к народным массам. «Любить свою родину, — свидетельствовал он, — значит — пламенно желать видеть в ней осуществление идеала человечества и по мере сил своих споспешествовать этому». «В противном случае, — по его мнению, — патриотизм будет китаизмом, который любит свое только за то, что оно свое, и ненавидит все чужое за то только, что оно чужое, и не нарадуется собственным безобразием и уродством» [IV, 489].

В своих мемуарах Д. И. Иванов указывал также и на то, что Григорий Никифорович научил старшего сына «читать и писать по-латыни». Изучению этого языка в семье штаб-лекаря придавали первостепенное значе-

ние. Так, в январе 1831 года Е. П. Иванова сообщала В. Г. Белинскому: «Об Никанорочке скажу вам, что он учится у М. С. по-латыни и учится довольно хорошо, сам учитель его хвалит. Этот мальчик предорогой бы был, если б его не баловали... он беспрестанно толкует, что будет знать двенадцать языков отлично и что превзойдет своего брата Виссариона Григорьевича».

Отец, интересуясь московскими учебными заведениями, куда можно было бы определить младшего сына, писал Виссариону Григорьевичу: «Ты знаешь, что наш Никанор при хороших дарованиях, и если его пустить по твоим следам, то как бы не увяз и при таких дарованиях в Пензенской гимназии, в которой иностранные языки, особенно латинский, преподаются скупо, а без сего последнего далее шагнуть нельзя...»[1]

О том, какие пособия использовал Григорий Никифорович при обучении Виссариона латинскому языку, документальных источников пока не обнаружено. Но, видимо, он имел издания профессора русской и латинской словесности Н. Ф. Кошанского. Среди них пользовались успехом «Правила, отборные мысли и примеры латинского языка с кратким словарем», «Таблицы латинской грамматики». Эти книги лекарь мог приобрести еще в период пребывания в Петербурге. Первая книга была издана в 1807 году, а вторая — в 1809. Не исключена возможность, что в доме Григория Никифоровича находилась и «Латинская грамматика», подготовленная Н. Ф. Кошанским в 1811 году. Этот учебник являлся основным пособием для преподавателей гимназий, а также Царскосельского лицея, где учительствовал Николай Федорович.

Судя по отчетам Пензенской врачебной управы, все уездные лекари покупали медицинские книги, присылаемые из Москвы и Петербурга. Причем почти половина из них издавалась на латинском языке. Например, в рапорте от 2 мая 1823 года Г. Н. Белынский доносил: «...один экземпляр книги под названием «Ринопластика» мною получен... и за каковую деньги три рубля пятьдесят копеек серебром в оную врачебную управу отосланы»[2].

Подобные, сугубо специальные, книги, по всей веро-

---

[1] Литературное наследство, т. 57, с. 60, 124.
[2] ГАПО, ф. 291, оп. 1, д. 6, л. 609

ятности, не вызывали интереса у сына штаб-лекаря. Но издания, в которых на латинском языке описывались названия растений, давались советы, когда и как их собирать, где они произрастают, от каких болезней применяются, могли привлечь его внимание, хорошо запомниться.

Однако первоначальный круг чтения юного Виссариона определялся, конечно, не изданиями на латинском языке. Книгу в доме штаб-лекаря любили пуще всего. Пример показывал сам отец, читательские вкусы которого не ограничивались специальной литературой, необходимой в силу служебного положения. Выше уже приводилось свидетельство Д. П. Иванова о том, что не только в Чембаре, но и вообще уезде Григорий Никифорович слыл за «вольтерьянца». В произведениях знаменитого вольнодумца его могли привлекать черты гениального остроумия, наблюдательности, вопросы распространения просвещения и борьбы народных масс за их права, разоблачение клерикального объяснения исторического хода развития человечества.

Что же касается интереса Г. Н. Белынского к Карлу фон Эккартсгаузену и Юнгу-Штиллингу, то здесь, возможно, сыграла свою роль «мода» на этих немецких писателей, весьма популярных в России в начале прошлого века. Первый из них был плодовитым сочинителем. Его сочинения отличались чрезмерной разноречивостью. Наряду с многочисленными юридическими, беллетристическими произведениями он издал массу книг мистического направления. Безусловно, внимание штаб-лекаря в первую очередь могли привлечь такие сочинения в русском переводе, как «Ключ к таинствам натуры» [1801, четыре части], «Наука чисел, служащая продолжением ключа к таинствам натуры» [1815], «Кодекс или Законоположение человеческого разума» [1817], «Терпимость и человеколюбие, изображенные в трогательных повестях» [1805, 1817, 1818]. В этих книгах проявлялся дух гуманизма, поднимались проблемы человеческого общежития.

Некоторые из указанных выше сочинений, вероятно, имелись в доме Г. Н. Белынского и с ними, возможно, знакомился его старший сын. Впоследствии, оценивая напечатанный в свет каталог огромной библиотеки книгопродавца и издателя А. Ф. Смирдина, Виссарион Григорьевич особо отмечал: «Составлявшие каталог держались... неслыханного порядка в разделении книг по их

содержанию, что из хорошей книги невольно вышел вздор. Поверят ли, что в этом каталоге, в отделе богословских книг, помещены: «Ключ к таинствам натуры Эккартсгаузена, «Дочь молочника...» и другие повести и сказки нравственного содержания» [IX, 244].

Юнг-Штиллинг в основных, особенно более поздних, работах тоже проповедовал религиозно-мистические идеи. Но в первый период своей деятельности он увлекался естественными науками, общался с немецким мыслителем и теоретиком литературы Иоганом Готфридом Гердером, был в близких отношениях с великим немецким поэтом Иоганом Вольфгангом Гете, после университета с громадным успехом занимался врачебной практикой, издал многие сочинения по медицине, сельскому хозяйству, финансам и коммерции. Вероятно, какие-то из них и интересовали Григория Никифоровича, особенно касавшиеся его профессии.

Однако скорее всего можно предположить другое. Юнг-Штиллинг написал обширное автобиографическое произведение в пяти частях, которое подкупало художественной простотой, изобразительностью рассказа и навлекло к тому же на автора подозрение в свободомыслии. Оно было переведено почти на все европейские языки. В 1807 году подготовил перевод и Ф. П. Лубяновский. Когда отпечатали первые две части, цензура усмотрела в них «крамолу». Александр I заявил, что место переводчику в Якутске. Книги были уничтожены.

Прошло еще целое десятилетие. Отгремела война с полчищами Наполеона, изменилась политическая обстановка в России. Царь совершил поездку в Германию. У герцога баденского он познакомился с Юнгом-Штиллингом, вынес от этой встречи благоприятные впечатления, и запрет, тяготевший над его произведением, был снят. В конце 1818 года Ф. П. Лубяновский выпустил пять частей перевода под названием «Тоска по отчизне» в свет. Вскоре высокопоставленный чиновник, занимавший должность пензенского губернатора, Слуги о «немецком литераторе», которые распространял сам же переводчик, расползлись по городу, просочились в уезды. Вокруг «потаенных фолиантов» пошли разговоры, проявлялось желание познакомиться с ними. Так Юнг-Штиллинг получил «прописку» на пензенской земле и появился в доме чембарского штаб-лекаря.

Хорошо он знал также произведения другого высоко-

поставленного сочинителя — И. М. Долгорукого, служившего в конце восемнадцатого века вице-губернатором в Пензе. Его творчество импонировало Григорию Никифоровичу своим беззлобно-насмешливым отношением к окружающим, меткостью выражений, лаконизмом. Поэтому не удивительно, что даже в письмах штаб-лекаря можно встретить строки из любимого им послания И. М. Долгорукого «Парфену».

Примеру отца следовал и юный Виссарион. В «Журнале моей поездки в Москву и пребывании в оной», сравнивая особняки сановников и вельмож с приземистыми хижинами столичной бедноты, поражаясь этим контрастом, он писал, что, глядя на подобное зрелище, невольно приходят на память стихи Долгорукого:

Иной в огромнейшей палате
Дает вседневный пир друзьям,
А рядом с ним, в подземной хате,
Другой не ест по целым дням

В очередной корреспонденции родителям В. Г. Белинский снова цитирует стихи И. М. Долгорукого. «Скажу вам о себе,— писал старший сын штаб-лекаря,— что я пускаюсь в море треволненное, в море *великое* и *пространное, в нем же гады несть числа!*» [XI, 46] В ответном письме отец предостерегал и поправлял сына. «Ты сам пишешь — указывал он, — что пустился в пространное море, а о глубине ни слова не сказал». И далее приводил строки из четырнадцатой строфы послания «Парфену»:

В пространно ты пустился море
в котором гадов несть числа.
Смотри — чтоб не случилось горе
тебе от сего ремесла[1].

С ранних пор юному Виссариону были известны и другие произведения Ивана Михайловича. Можно предположить, что в домашней библиотеке отца имелся сборник стихов поэта «Бытие моего сердца», выходивший в 1802, 1808 и 1818 годах. Позже, оценивая карамзинскую школу, В. Г. Белинский назвал одним из замечательнейших ее представителей И. М. Долгорукого. Он, указывал великий критик, издавал «свои стихотворения под сантиментальным титулом «Бытие моего сердца», но от чувстви-

[1] Литературное наследство, т. 57, с. 62

тельный и сатирический, нередко отличавшийся легким отдельным русским юмором» [VII, 129].

Некоторые мемуаристы свидетельствуют о том, что Григорий Никифорович питал слабость к творчеству Фридриха Шиллера, знал произведения Вильяма Шекспира. Его интересовали сочинения М. В. Ломоносова, Г. Р. Державина, Н. М. Карамзина. В книгах он видел первооснову для расширения кругозора и духовного обогащения человека и, несмотря на их дороговизну, старался, в меру возможностей, пополнять домашнюю библиотеку.

Из переписки Виссариона Григорьевича с родителями, братьями, родственниками Ивановыми видно, с какой страстью приобретался каждый томик, каждый журнал. 18 января 1830 года П. П. Иванов сообщал Виссариону Григорьевичу: «Вольтера я из Камышина привез: он теперь в кабинете Алексея ... Избави бог, кроме ума, ему быть подражателем в религии». Спустя неделю Петр Петрович писал, что все домашние готовят «чистоли» в Москву. «Катерина, не усидев на месте, перебегает из комнаты в комнату, ищет гения, который бы дал способ изъяснить хорошенько чувства изречения». Здесь под «гением» имелась, по всей вероятности, в виду книга «Переписка Екатерины II с господином Вольтером». В письме от 12 июня 1831 года Константин сообщал старшему брату: «К нам приехал... Котельников... и беру у него книги, ровно и он у меня». Через месяц с небольшим, отвечая на просьбу Виссариона, брат уведомлял: «Ты пишешь, чтоб я тебе прислал книгу Покоющийся трудолюбец, которую ты видел... в доме Петра Петровича... но нет, она у меня находится почти с тех самых пор, когда ты отправлялся в Москву, которую и посылаю тебе, а взамен оной прошу прислать мне в дополнение, как ты писал, моей библиотеки, чем очень много меня одолжишь».

В последующих письмах К. Г. Белинский сообщал Виссариону Григорьевичу, что купил сочинения И. Ф. Богдановича, которые после прочтения вместе с «Географией Российской империи» и драмой «Ложный друг» разыграл по лотерее и получил четырнадцать рублей ассигнациями; «Никанор на Рославлева и Юрия Милославского собирает деньги и уже собрал 3 р. ас.» [1] и т. д.

---

[1] Литературное наследство, т. 57, с. 72, 97, 101, 126, 130.

Об увлечении книгами неоднократно сообщала в письмах и Мария Ивановна. 10 декабря 1832 года она, рассказывая о домашних занятиях, писала Виссариону Григорьевичу: «Василий в кухне щиплет гусей, Авдотья шьет, а Акулина «обыкновенно с ухватами округ печки». [illegible] лепешку намазал масла и уписывает, а другой рукой сбивает в графине сливочное масло». Никанор сидит в детской и читает с восхищением книгу «Рославлев или Русские в 1812 году» М. Н. Загоскина. «Ее вчера принес от откупщика Павлова отец».

Книги приобретались на ярмарках и базарах, у местных жителей и выписывались из Москвы. Так, А. П. Иванова в [illegible] 1829 года сообщал Виссариону Григорьевичу, что «его шкапчик пополнился четырьмя частями сочинений В. А. Жуковского» и заплатил он за них двадцать рублей [illegible]. На эти деньги можно было тогда купить около тридцати пудов муки или свыше четырех пудов мяса. О стоимости книг можно судить и по такому примеру. Если старший сын уведомлял родных о том, что на прислянные деньги он для Константина купил во дешевке басни И. А. Крылова, И. И. Хемницера, «Невский альманах» и «Лепнину» за десять рублей ассигнациями, то мать, Мария Ивановна, в свою очередь писала Виссариону, что она «продала свиней за двенадцать рублей»[1].

Подобные примеры можно было бы умножить. Но и они весьма ярко говорят о том, как умели ценить книги в семье штаб-лекаря. Немногие родители в то время, даже более обеспеченные в материальном отношении, могли позволять себе такую роскошь.

Под влиянием отца В. Г. Белинский очень рано пристрастился к чтению, о чем позже свидетельствовал сам в приводимом [illegible] рассказе на «Повесть о приключении английского милорда Георга». Здесь в виде выписок из «мемуаров» доброго приятеля он рассказал о своем детстве, первых книжных увлечениях.

«О, милорд *англинской*, о великий Георг! ощущаешь ли ты,— свидетельствовал Виссарион Григорьевич,— с каким грустным, тоскливым и вместе отрадным чувством беру я в руки тебя, книга почтенная, хотя и безмысленная! В то время, когда я уже бойко читал *по толкам*, хотя еще и не умел писать, в то время, когда еще только

---

[1] Литературное наследство, т. 57, с. 87, 107

начиналось мое литературное образование, когда я прочел и «Бову», и «Еруслана» *гражданской печатью*, и «Повести и романы господина Вóлтера», и «Зеркало добродетели» с раскрашенными картинами, — скажи, не тебя ли жадно искал я, не к тебе ли тоскливо порывалась душа моя, пламенная ко всему благому и прекрасному?.. И мне тогда ясно незабвенны, когда, достав тебя, [illegible] я далеко, кажется, в огороде, среди грядок бобов и гороха, под открытым небом, в лесу пышных подсолнечников — этого роскошного украшения [illegible] природы, и там, в этом невозмущаемом уединении, быстро переворачивал твои толстые и жесткие страницы, всею душою удивляясь дивным приключениям, такою широкою кистию, так могуче и красно изложенным... Задумался я, погрузившись сердцем в какое-то сладостное мечтание...» [III, 206].

Раскрывая мир своих переживаний, увлечений, свое отношение к героям полюбившихся произведений, В. Г. Белинский заставляет проникнуться той атмосферой, в которой он рос и развивался. Он приглашает вместе с ним пройтись по «милым и дорогим его сердцу местам — заглянуть в сокровенные уголки родного усадьбы и вместе с ним понять его признательность. «А в доме, — сказывал Виссарион Григорьевич, — где нет ни комнаты, ни места на чердаке, где бы я не читал или не мечтал, или позднее не сочинял... Постойте, я поведу вас... Но, милорд, что ты со мною сделал? Какой кому нужды до моего детства?..»

И далее в рецензии великий критик указывал: «Вот и извольте всегда быть беспристрастным... Вам смешон, нелеп, глуп «Милорд английской», а нашему доброму приятелю, из записок или рукописных мемуаров которого мы выписали вышеприведенное место (и решились на выписку, потому что эти мемуары, вероятно, никогда не будут изданы), этому приятелю нашему он мил, любезен, дорог — он напоминает ему такое время, о котором тот не может вспомнить без слез умиления и сердечной тоски... Да и сколько наслаждения доставлял милорд, вероятно, многим и многим во время óно! И одно ли наслаждение? — Нет, и пользу... Мы не скроем от вас этого и охотно поделимся с вами знаниями, которые мы приобрели из этой книжицы...» [III, 207].

В данной рецензии для постижения истоков формирования взглядов юного Виссариона драгоценно каждое

слово. Научившись бегло читать, то есть не по складам, а по слогам, он в первую очередь интересуется сказками. Небольшие книжечки, с самобытными картинками, напечатанными на грубой бумаге, расходились в тысячах экземпляров по всей России. Эта лубочная литература, «блаженной памяти, — по выражению В. Г. Белинского, — суздальских типографий», играла определенную роль в распространении грамотности среди народа.

Однако число сказок, которые хорошо запомнились Виссариону Григорьевичу с детства, было весьма велико. Кроме «Бовы Королевича» и «Еруслана Лазаревича», указывал он, особенно известны на Руси — «О Жар-птице и Иване Царевиче», «О Иванушке Дурачке» и «О семи Семионах, семи родных братьях». «Первые две, — свидетельствовал рецензент, — доселе можно прочесть только в лубочных изданиях», последняя издана фольклористом и этнографом И. П. Сахаровым в книге «Сказания русского народа». Здесь же В. Г. Белинский излагает содержание сказок «О Жар-птице» и «О Иванушке Дурачке», которого называет одним из любимых героев народной фантазии. С теплотой он вспоминает сказки о «Филе-простачке», «надувшем Ягу-бабу», «О Емеле Дурачке», который «за глупость и леность приобрел покровительство щуки» и «по своему хотению, по щучьему велению» ездит себе на печи. Упоминаются в рецензии и такие сказки, как «О семи мудрецах и о юноше», «О чудных гуслях-самогудах», «История о Петре Златых Ключах», «О Булате-молодце», «Бабьи увертки», «О том, как масленица семик к себе в гости звала», «О воре и бурой корове» и другие.

Многие из них юный Виссарион мог слышать в родной семье. В Чембаре у штаб-лекаря родились еще дети — Мария и Никанор. Прибавилось забот и по дому. Для присмотра за хозяйством и ухода за детьми Григорий Никифорович в 1818 году купил у коллежского секретаря А. В. Альбина «дворовых людей Василия Данилова 49 лет и жену его Акулину 44 лет»[1]. Из ревизских сказок по городу Чембару за 1834 год видно, что за М. Н. Белинской числилась «дворовая девка» Авдотья Никифорова двадцати семи лет. В течение сравнительно короткого времени, примерно в 1831—1833 годах, в доме прислуживали Марья и Иван.

---

[1] ГАПО, ф. 60, оп. 4, д. 309, л. 730—732

Виссарион Григорьевич быстро сдружился с «дворовыми людьми». В письме брату Константину от 21 мая 1833 года он писал: «Кланяйся всем, всем меня знающим и помнящим, и нашим домашним: Акулине, Василию, Авдотье и Марье и Ивану; первым трем скажи, что я их люблю и помню, а последним, что я их не знаю, но люблю, потому что они наши домашние» [XI, 98].

Взаимным уважением отвечали на приветствия сроднившиеся с семьей эти простые люди из крестьян. В ответных письмах Константин Григорьевич и Мария Ивановна часто передавали поклоны Виссариону Григорьевичу от Акулины. А 16 февраля 1833 года в очередной корреспонденции брату К. Г. Белинский сообщал: «Особливо тебе кланяется Акулина, которая часто повторяет сии слова: «Когда-то, господи, принесет нам его. Посмотрела бы на него милого».

Возможно, что именно Акулина пробудила у юного Виссариона любовь к сказкам, меткому народному слову. Позже в одной из рецензий он признавался: «Когда в детстве засыпали мы под рассказы наших нянек о Еруслане Лазаревиче, Бове королевиче, Жар-птице, Иванушке-дурачке, — думали ли мы, что эти рассказы некогда будут пересказываться известными литераторами и красиво издаваться с картинками г. Тимма?..» [VIII, 249].

В других произведениях В. Г. Белинский не раз возвращался к годам своего детства, говорил о том, что в младенчестве он слышал сказки о могучих богатырях, о храбрых витязях, о прекрасных царевнах и княжнах, о злых колдунах, о страшных домовых, с малолетства «приучил свой слух к жалобному, протяжному пению родных песен». Но особенно его увлекали «те русские сказки, которые, — по определению великого критика — можно назвать сатирическими». В них виден, указывал он, быт народа, его домашняя жизнь, его нравственные понятия и тот лукавый русский ум, столь наклонный к иронии и столь же широко открытый в своем простодушии. Среди таких сказок юному Виссариону запомнились «Шемякин суд», «О Ерше Ершове сыне Щетинникове», в которых высмеивалось царское судопроизводство, лихоимство, взяточничество, канцелярская волокита.

Характерно с точки зрения любви к самобытному народному творчеству и такое свидетельство В. Г. Бе-

линского. Отвечая на вопросы своих оппонентов, он указывал, что с детских лет к простым людям прислушивался, сказки и песни, собранные в знаменитой книге Кирши Данилова, знает чуть не наизусть; читывал не без внимания и другие сборники произведений народной поэзии» [IX, 470].

Виссарион Григорьевич, анализируя жизнь и творчество известнейшего русского поэта А. В. Кольцова, констатировал, что в младенчестве получаемые от отца деньги на игрушки он употреблял на покупку сказок, и «Бова Королевич с Еруслановым Лазаревичем составляли его любимейшее чтение». И далее великий критик подчеркивал: «На Руси не одна одаренная богатою фантазиею натура, подобно Кольцову, начала с этих сказок свое литературное образование. Охота к сказкам всегда есть первый признак в ребенке присутствия фантазии и наклонности к поэзии, — и переход от сказок к романам и стихам очень естественен: те и другие дают пищу фантазии и чувству, с тою только разницею, что сказки удовлетворяют детскую фантазию, а романы и стихи составляют потребность уже более развившейся и более подружившейся с разумом фантазии». Эти слова великим и полностью относятся к самому В. Г. Белинскому. Процесс его читательских восприятий развивался примерно по такой же схеме.

В рецензии на книгу об «Английском Милорде» он упоминал запомнившееся ему с детства «Зеркало добродетели». Все рассказы, помещенные в этом весьма редком теперь издании, преследовали назидательную цель, учили благонравию, послушанию, обличали ложь. Некоторые из них давали сведения из всемирной истории и географии. Книжка учила, что «не надобно тогда молчать, когда можно воспрепятствовать плохому», что «гораздо лучше быть разумным и бедным, нежели умным, глупым и богатым», что «достойный и благородно мыслящий юноша не имеет преимущество знать по своему чину, но по разуму и благородному сердцу», что «разумные люди никого не почитают за чин и титло; и, следовательно, не должно ни с каким человеком, ни с самым последним слугою обходиться презрительным образом. Часто случается, что низкий человек имеет больший рассудок и лучший образ мыслей, нежели чиновный»[1].

---

[1] Цит.: Нечаева В. С. Указ. соч., с. 91, 92

До нас не дошли более детальные отзывы юного Виссариона об этой книге, которая, безусловно, имелась в библиотеке штаб-лекаря. Но что-то близкое тем сентенциям, которые приводились выше, можно встретить в «литературных опытах» Константина, который писал стихи, страстно любил книги, тянулся вслед за старшим братом к знаниям, старался вырваться из «провинциального Чембара» в Москву. Обладая мягким и уступчивым характером, склонный к мечтательности, он, конечно, не являлся «более чем ограниченной посредственностью» и «ничтожеством», как его характеризует В. С. Нечаева [1].

В одном из посланий В. Г. Белинскому Константин указывал: «...я ныне по твоему желанию пишу прозаические сочинения: из которых и посылаю тебе мои мысли и замечания». Среди них были такие: «Нет ничего отвратительнее в человеке, как тиранство себе подобных». «Благородство человека должно [illegible] не в суетном имени высокого чина, но в чувствованиях и поступках, которыми он стремится ко всему прекрасному и высокому», «Сколь часто одежда человека имеет влияние на чернь, несмотря на то, что и под самою богатою одеждою часто скрывается самый порочный и не имеющий благородных чувств, без которых ничто и высокий чин, «благородный по чувствам человек сам должен обходиться со всяким благородно» [2].

Нетрудно заметить, что подобные «мысли и замечания» имели место в «Зеркале добродетели». Возможно, и юный Виссарион на основе прочитанного тоже пробовал излагать свои «наставления» и «поучения», ибо они [illegible] прочно звучат в его ранней переписке с родителями.

В детстве он зачитывался и другими произведениями. С благоговейным трепетом брал мальчик у родственников Назаровых еженедельник «Детское чтение для сердца и разума», издававшийся в 1785—1789 годах Н. И. Новиковым. Это был первый в России журнал для детей, который быстро завоевал успех как в столичных, так и в провинциальных городах. Он рассылался в виде приложения к газете «Московские ведомости». Редактировали и «наполняли его различными умными статьями

---

[1] Нечаева В. С. Указ. соч., с. 82, 83.
[2] Литературное наследство, т. 57, с. 110

и другими материалами» Н. М. Карамзин и А. А. Петров. Все публикации в «Детском чтении» отличались легкостью языка и широтой освещаемых тем, которые касались природных явлений, истории, народных обычаев, преданий, вопросов морали.

На всю жизнь запомнились В. Г. Белинскому новинки чтения. Вспоминая годы детства, он писал: «В России писать для детей первый начал Карамзин, как и много прекрасного начал он писать первый. К «Московским ведомостям» прилагались листки его «Детского чтения», в котором замечательна «Переписка отца с сыном о деревенской жизни». Много читателей впоследствии доставил Карамзин и себе и другим, подготовив этим «Детским чтением». После он издал «Детское утешение», которое и теперь еще не изгладилось у нас из памяти, хотя мы читали его в детском возрасте; а это большая похвала для детской книжки: память хранит в себе только то, что поразило душу сильным впечатлением» [IV, 106—107].

Будучи уже тяжело больным, В. Г. Белинский снова вспомнил о любимом в детстве журнале. Рецензируя «Новую библиотеку для воспитания», издаваемую П. Г. Редкиным, великий критик отмечал, что многие публикуемые на ее страницах статьи, рассказы далеки от детской психологии и «отбивают у ребенка всякую охоту к чтению». «Бедные дети! — восклицал он. — Мы были счастливее вас: мы имели «Детское чтение» Новикова» [X, 376].

С ранних пор стало увлекать Виссариона творчество И. А. Крылова, произведения которого особенно любили в семье штаб-лекаря. В баснях Ивана Андреевича, указывал позже В. Г. Белинский, как в чистом, полированном зеркале, отражался русский практический ум с его сметливостью, остротою и добродушно-саркастическою насмешливостью. В них он видел житейскую мудрость, плод практической опытности. И все это выражалось в таких оригинально русских, не передаваемых ни на какой язык в мире образах и оборотах. Юного читателя привлекало в творениях баснописца «неисчерпаемое богатство идеомов, руссизмов, составляющих народную физиономию языка». И далее Виссарион Григорьевич подчеркивал, что «нет нужды говорить о великой важности басен Крылова для воспитания детей», ибо они «бессознательно и непосредственно напитываются из них

русским духом, овладевают русским языком и обогащаются прекрасными впечатлениями почти единственно доступной для них поэзии» [IV, 150, 151].

Нередко в рождественские, новогодние и другие праздники в семье Г. Н. Белинского и в доме П. П. Иванова некоторые басни И. А. Крылова превращались в своеобразные небольшие театрализованные представления. Дети штаб-лекаря и секретаря уездного суда разыгрывали эти маленькие, — по выражению В. Г. Белинского, — повести и драмы» в лицах.

На всю жизнь великому критику запомнилась прочитанная в родном доме всемирно известная книга Даниэля Дефо «Жизнь и удивительные приключения Робинзона Крузо», доставлявшая ему в детстве, по его признанию, «столько чистейшего и упоительного наслаждения» [IV, 37]. В раннем возрасте познакомился В. Г. Белинский с романами С.-Ф. Жанлис, С. Ричардсона и произведениями других западноевропейских писателей.

Личное постижение всего прочитанного в ранние годы нашло отражение и в последних статьях В. Г. Белинского, посвященных детской литературе. В начале 1847 года великий критик писал: «Но вот ребенку семь лет, вот он уже довольно бегло читает. Что же читать ему?» Отвечая на поставленный вопрос, Виссарион Григорьевич указывал, что лучшими книгами для детей первого возраста должны быть такие книги, которые бы в увлекательной форме знакомили их «с землею, с природою и отчасти с историей». Последняя должна состоять «из биографий исторических событий, имеющих нравственное значение». Причем здесь же В. Г. Белинский констатировал, что «охота к чтению — хорошая наклонность... но и она может сделаться вредною», ибо «дети ужасно впечатлительны». Поэтому необходимо уберечь их от соприкосновения с такими книгами, которые мало что дают для умственного и нравственного развития ребенка. «Это должно быть, — подчеркивал великий критик, — одною из главных забот воспитания» [X, 138, 139].

Подобная забота о формировании основ мировоззрения юного Виссариона в первую очередь проявлялась, видимо, со стороны отца. Под его руководством мальчик был основательно подготовлен для обучения в уездном училище.

УЧЕНИК УЕЗДНОГО УЧИЛИЩА

В конце 1804 года царское правительство узаконило целый ряд постановлений, направленных на повышение роли учебных заведений «в подготовке соответствующих чиновников для нужд империи». Эти документы регламентировали деятельность университетов, гимназий, уездных училищ и приходских школ, обусловливали преемственность в усвоении изучаемых предметов.

Однако складывавшуюся систему в народном образовании многие авторы, писавшие о детских годах жизни В. Г. Белинского, во внимание не принимали. Они с пренебрежением относились к уездным училищам и тем программам, которые в них действовали. Например, Д. Я. Райхин, до предела принижая значимость обучения юного Виссариона в Чембаре, утверждал: «Что представляло собой училище, можно судить по тому, что первоначально весь его педагогический персонал состоял из одного смотрителя, который преподавал все предметы. Позднее прибавились еще два учителя. Все они были полными малообразованными, грубыми, жестоко избивали своих учеников»[1]. Подобная трактовка не что иное, как полная несостоятельность в освещении затронутого вопроса.

В «Уставе учебных заведений, подчиненных университетам», принятом 5 ноября 1801 года, говорилось: «Учение в уездных училищах начинается с тех самых предметов, которые следуют за оконченными в приходских училищах... Прием учеников бывает один раз в год, по окончании открытых испытаний. Учебное время — с 1 августа по 1 июля следующего года».

Этим же уставом определялась и учебная программа. В нем устанавливалось, что в уездных училищах преподают-

---

[1] Райхин Д. Я. Белинский в школе. Учпедгиз, 1955, с. 10

ся следующие предметы: закон божий и священная история, должности человека и гражданина, российская грамматика, чистописание и правописание, правила слога, всеобщая география и начальные правила математической географии, география Российского государства, всеобщая история, российская история, арифметика, начальные правила геометрии, начальные правила физики и естественной истории, то есть природоведения, рисование. Кроме того, учителя обучают «латинскому и немецкому чтению и письму тех учеников, которые приготовляют себя для продолжения наук в гимназии».

Правительство рассчитывало в сравнительно короткое время открыть училища в каждом городе. Но [illegible] 1[illegible] война со Швецией, а затем с полчищами Наполеона окончательно расстроила государственную казну. Даже на строительство и содержание подобных заведений не было. И все же передовые круги России, особенно в провинции, настоятельно требовали решения этой проблемы.

Именитые сановники надеялись выйти из создавшегося положения за счет пожертвований. 14 февраля 181[illegible] года министр народного просвещения граф А. К. Разумовский, тот самый, одно из имений которого находилось в селе Ерилово, подписал постановление «О наградах для благотворителей училищ» и разослал документ во все губернии. В нем сообщалось о том, что учебные заведения в империи получают от благотворителей особенные пожертвования. Одни приносят в дар училищам здания, удобные для их размещения, другие — учебные пособия, библиотеки, кабинеты естественных произведений, третьи — наличные суммы.

В целях возбуждения соревнования между благотворителями министр испросил высочайшего соизволения назначать для них следующие почести и награды:

1. О всех благотворителях и их пожертвованиях сообщать в петербургских и московских ведомостях.

2. При училищах иметь прошнурованную книгу в лучшем сафьянном переплете с золотым обрезом для записывания всех благотворителей с означением их пожертвований.

3. Иметь в училищной зале под черный мрамор сделанную, в хорошей вызолоченной раме доску, на коей золотыми буквами изображать чин, имя, отчество и фамилию благотворителей, принесших в дар от тысячи до трех тысяч рублей.

4. Те лица, которые пожертвуют не менее трех тысяч рублей, сверх означенных поощрений имеют право на вывешивание своих портретов в училище.

5. Кто же жертвует выше пяти тысяч рублей, ходатайствовать высочайшего благоволения в рескрипте ему за императорским подписанием [1].

Это постановление дошло и до Чембара. П. П. Иванов обратился с просьбой к некоторым влиятельным лицам, и в первую очередь к своему родственнику Н. М. Владыкину, поддержать «благотворительство на уездное училище». В декабре 1817 года предводитель дворянства Ф. И. Евреинов доносил губернатору М. М. Сперанскому: «Чембарское благородное сословие пожертвовало на основе открытой подписки на заведение уездного училища до пяти тысяч рублей. Особенно отличился унтер-офицер Николай Владыкин, подписавший одну тысячу пятьсот рублей». И далее в документе говорилось: «Чтобы не оставить в неизвестности столь достопохвальный поступок господина Николая Владыкина, я долгом поставил отнестись о сем к вашему превосходительству, уверен, что вы, зная сколь поощрение возбуждает соревнование и готовность к добрым делам, не оставите без вашего начальнического внимания мое представление...» [2]

Из переписки между Ф. И. Евреиновым и М. М. Сперанским видно, как чембарцы прилагали все усилия, чтобы скорее открыть учебное заведение. Губернатор во всем поддерживал их желание. Он почти каждый месяц посылал отношения во вновь образованное министерство духовных дел и народного просвещения, во главе которого встал князь А. Н. Голицын. На первых порах дело осложнилось с утверждением почетного смотрителя училища А. Н. Беклемишева, избранного на такую должность в средине декабря 1817 года дворянами уезда. Управляющий департаментом народного просвещения О. П. Козодавлев 7 января 1818 года писал М. М. Сперанскому: «...это звание желательно приобрести не только доверительностью дворянства, но и достаточным состоянием своим. Поэтому необходимо потребовать от коллежского асессора г. Беклемишева отзыв, чем именно намеревает-

---

[1] ГАПО, ф. 5, оп. 1, д. 587, л. 8, 9, 10, 11.
[2] Там же, л. 23.

ся он быть полезным училищу и чем сколь сколь для процветания оного...»[1]

Но получить «отзыв» удалось не сразу. Ф. И. Евреинов извещал М. М. Сперанского: «Беклемишев проживание имеет в Керенской округе и отправился в столичный город Москву». Губернатор тут же направил отношение предводителю дворянства Керенского уезда и просил его «непременно доложить ему о возвращении г. Беклемишева и взятии от него отзыва».

Между тем дети у многих чиновников города взрослели. И каждый из них понимал, что без образования нельзя будет определить своих сыновей к службе. Н. Н. Иванов, Г. И. Бельинский, коллежский секретарь И. А. Дьячков, титулярный советник казначей В. Г. Великопольский постоянно обсуждали наболевший вопрос и торопили Ф. И. Евреинова с его решением.

Федор Иванович пришел к выводу, что надо подыскивать подходящее для таких целей строение где-то в центре Чембара. В конце марта 1818 года он информировал М. М. Сперанского: «На собранную сумму можно купить каменный дом для уездного училища, принадлежавший прежде ее превосходительству действительной статской советнице Екатерине Ивановне Митусовой...»[2]

В связи с этим В. С. Нечаева в своем исследовании пишет, что «дважды возникало предположение устроить школу в каменном доме Митусова. Летом 1818 года Сперанский посетил Чембар и лично беседовал с владельцем приобретаемого дома»[3].

Однако архивные источники свидетельствуют о несколько ином положении дел. Во-первых, С. П. Митусов к этому времени не проживал уже в Чембаре. Во-вторых, дом принадлежал не ему. В-третьих, к лету 1818 года он уже был куплен, что видно из следующих документов. В той же информации от конца марта Ф. И. Евреинов уведомлял М. М. Сперанского: «Ныне явились ко мне два продавца сего дома — коллежский регистратор Амилей Тархов и сын его канцелярист Иван Тархов». После продажи дома последний из них доверял получить деньги Е. П. Шмакову.

---

[1] ГАПО, ф. 5, оп. 1, д. 587, л. 27
[2] Там же, л. 64
[3] Нечаева В. С. Указ. соч., с. 81

Но в чем-то, видно, Тарховы не сошлись. Часть денег, принадлежащую сыну, отец решил взять себе. По этому поводу он писал в объяснении на имя чембарского городничего Н. А. Половинина: «Сим имею честь объяснить, что я купил у действительного статского советника и кавалера Степана Петровича Митусова каменный дом в городе Чембаре и продаю оный под народное училище сыну, Евреинову, за сумму две тысячи двести рублей, хотя тот стоит мне не менее четырех тысяч рублей... Находится он на нарадной площади, угловой, по Тамбовской большой дороге.

Е. П. Шмаков опротестовал «такое самоуправство» старшего Тархова. 30 мая 1818 года он послал прошение губернатору, в котором указывал: «Ф. И. Евреинов купил означенный дом за две тысячи двести рублей, но деньги Иван Тархов получить не успел. По обращении моему к чембарскому уездному судье Алексею Ивановичу Брюхатову просьба моя осталась неудовлетворенною...»[1]

Приведенный выше документ имеет важное значение, конечно, не в том, что указывает на более точную дату покупки дома под уездное училище, а совершенно в другом плане. До сего времени в белинсковедческой литературе можно встретить высказывания о том, что покровителем Г. Н. Белынского являлся уездный судья П. А. Мосолов, который-де помог штаб-лекарю занять должность уездного врача в Чембаре и даже подарил ему в знак расположения крепостных людей. Подобная легенда, зародившаяся в конце прошлого века, использовалась многими авторами, пытавшимися очернить отца Виссариона Григорьевича, представить его в «дурной компании, где «торгуют своей совестью и изменяют крестьянам по заветным сивушам». При дальнейшем анализе архивных материалов удалось установить, что П. А. Мосолов прибыл в Чембар после службы в армии позже Г. Н. Белынского и стал уездным судьей не ранее 1823 года.

Пока шла покупка каменного дома, вернулся из Москвы А. Н. Беклемишев. Предводитель дворянства поставил его в известность о тех условиях, которые выдвинул департамент народного просвещения. Об итогах переговоров Ф. И. Евреинов 14 ноября 1818 года сообщал М. М. Сперанскому: «Господин Беклемишев жерт-

[1] ГАПО, ф. 5, оп. 1, д. 587, л. 68.

вует на свой известный мне двухэтажный деревянный дом, стоящий в его имении селе Старом Валовае, который, по моему предположению, стоит ценою не менее пяти тысяч рублей. Столь значительное от господина Беклемишева пожертвование доказывает, сколько он готов на благотворительство».

Вместе с тем предводитель дворянства бестрепетно, со всем откровением указывал в своем отношении на имя губернатора, что медлительность высшего начальства в утверждении А. Н. Беклемишева в звании почетного смотрителя отрицательно сказывается на существе дела. «Ежели бы он был утвержден в звании почетного смотрителя, — констатировал Ф. И. Евреинов, — то в продолжении сего времени своим попечением, может быть, и открыл бы училище», а так оно «совершенно потерянное к благу общему».

Изъявляя свою надежду, Федор Иванович писал: «Уверен, что Ваше превосходительство не оставит своим представлением убедить Министерство духовных дел и народного просвещения к утверждению в звании почетного смотрителя столь полезного для общества человека»[1].

Почетный смотритель решал не только хозяйственные вопросы, связанные со строительством, ремонтом и содержанием училищ. Он накладывал определенный отпечаток и на учебный процесс, осуществлял надзор «за благонравием учащих и учащихся, следил за их нравственным поведением, поддерживал связь с родителями». Насколько усердно мог выполнять свои обязанности А. Н. Беклемишев, сказать трудно, ибо в архивах сохранилось весьма мало источников на этот счет. Из послужного списка видно, что он являлся одним из богатейших помещиков уезда. В Чембарском и Керенском округах ему числилось тысяча пятьсот крепостных душ. Крестьяне в его вотчинах жили гораздо лучше, чем в соседних. В 1812—1814 годах Алексей Николаевич служил в Пензенском ополчении, участвовал в боях. Всю жизнь оставался холостым. Но с утверждением его в должности почетного смотрителя Министерство духовных дел и народного просвещения не спешило. При прозрении [illegible]

---

[1] ГАПО, ф. 5, оп. 1, д. 587, л. 40. Село Старый Валовай теперь находится в Пачелмском районе, и располагалось оно не в 20, как указывает В. С. Нечаева, а в 31 верстах от Чембара

дела выяснилось, что он еще в 1806 году служил в этом ведомстве и вынужден был по каким-то причинам выйти в отставку. Министр князь А. Н. Голицын лично дважды уведомлял М. М. Сперанского о некоторых формальностях, необходимых для доклада императорскому величеству». Однако губернатор так и не дождался положительного решения. В марте 1819 года его назначили генерал-губернатором Сибири, а постановление об утверждении А. И. Беклемишева почетным смотрителем А. Н. Голицын подписал 10 июня 1819 года[1].

При новом губернаторе Ф. П. Лубяновском открытие чембарского училища значительно осложнилось. Этот вельможа практически не вникал в дела народного образования. Несмотря на неоднократные запросы Казанского университета и его ректора профессора Г. Б. Никольского о состоянии уездных училищ в Пензенской губернии, он не мог сказать ничего положительного и ждал «визитатора», надеясь с его помощью разобраться в существе дела. Наконец, в письме от 22 февраля 1820 года Ф. П. Лубяновский прямо признавался: «На отношение, в котором Ваше превосходительство требовали от меня сведений о здешних училищных заведениях, не мог я ответствовать Вам удовлетворительно в ожидании г-на Микшеева, о приезде коего Вы предварили меня. По обозрении им сих заведений, я просил его сказать мне откровенно свое о них мнение... Он без сомнения представил Вам все, что им усмотрено, и повторение тех самых сведений с моей стороны было бы излишним»[2].

Из-за отсутствия архивных сведений мы не можем сказать, был ли «визитатор г-н Микшеев» в Чембаре и других уездных городах, принимал ли какие-нибудь меры к расширению сети народных школ и улучшению их деятельности. Но достаточно известно, что после его пребывания в Пензе губернатор продолжал проявлять медлительность и неуверенность в осуществлении насущных задач. Например, еще 14 мая 1819 года на его имя поступил рапорт об аварийном состоянии Саранского уездного училища, где «потолки нависли, полы осели и преподавание в классах подвержено опасности».

---

[1] ГАПО, ф. 5, оп. 1, д. 587, л. 61.

[2] Центральный Государственный архив Татарской АССР (в дальнейшем — ЦГА Тат. АССР), ф. 92, оп. 1, д. 1051, л. 1.

Спустя год губернатор получил новое донесение. В городе Саранске,— говорилось в нем,— училищный дом близок к разрушению и требует немедленной перестройки, а потому просим... командировать губернского архитектора для сделания сметы, плана и фасада на перестройку училищного дома». 15 мая 1821 года на столе у губернатора появилось третье ходатайство, в котором просили его превосходительство прислать в Саранск архитектора и решить вышеуказанные вопросы[1].

Подобная участь постигла и все отношения, поступившие на имя Ф. П. Лубяновского из Чембара. В последнем из них А. Н. Беклемишев извещал губернатора о том, что он готов на свои средства надстроить второй этаж на уцелевшем каменном доме и перевезти в скорейшем времени деревянный двухэтажный особняк из села Старый Вадин. «Для этого,— указывал почетный смотритель,— необходимо командировать в город Чембар господина губернского архитектора... Не дождавшись ответа, Ф. П. Евреинов и А. Н. Беклемишев пригласили из Керенска Александровского, который хорошо знал строительное дело, умел чертить и рисовать. Составленные им документы направили на утверждение Ф. П. Лубяновскому. Однако и они потонули в сонмище «губернских досье»[2].

Наиболее предусмотрительные родители выражали крайнее беспокойство за будущее своих детей. Видя, что в городе открытие училища задерживается, П. П. Иванов и Н. А. Дьячков определили старших сыновей в другие учебные заведения. Неизвестно, какая судьба ожидала также юного Виссариона. Возможно, отец и его устроил бы в одно из училищ, имевшихся в Пензе, Саранске и Краснослободске. А может быть, он пополнял бы самостоятельно те знания, которые получил у Е. П. Ципровской, и служил бы каким-нибудь «подьячим» в уездных ведомствах.

Но в декабре 1820 года в Чембар пришла весть о том, что должность директора народных училищ Пензенской губернии занял автор книги «Походные записки русского офицера» П. П. Лажечников, известный впоследствии писатель-романист. В начале марта 1821 года Иван Иванович встретился с проезжавшим из Сибири в Петербург

---

[1] ГАПО, ф. 5, оп. 1, д. 587, л. 83, 85, 100
[2] Там же, л. 76, 78, 93.

М. М. Сперанским и, видимо, имел с ним беседу о чембарском училище. Уже 21 марта он запросил у Ф. П. Лубяновского все дела, относящиеся к этому вопросу. Ознакомившись с ними, новый директор в рапорте на имя губернатора указывал, что «планы, составленные г-ном Александровским, нахожу довольно красивыми. Училищные строения будут достойным украшением города».

28 апреля 1821 года Н. Н. Лажечников «испросил губернаторского разрешения» на поездку в Чембар, где пробыл свыше недели. За это время он сумел организовать все работы, связанные со строительством училищных зданий. В конце июля чембарцы опять видели его в своем городе. Вернувшись в Пензу, Иван Иванович 1 августа подал Ф. П. Лубяновскому докладную записку, в которой сообщал о том, что «здание для чембарского училища построено добротно», но надо «благоустроить и обжить территорию, привести ее в надлежащий порядок»[1].

Наконец 6 сентября 1822 года Н. Н. Лажечников рапортовал губернатору: «Чембарское училищное училище совершенно приготовлено к открытию, которое сделать специально Училищным начальством в день коронования их императорских величеств, то есть 15 сентября нынешнего года. Я почел долгом представить о сем Вашему превосходительству, ожидая, не благоугодно ли будет дать какое-либо предписание по сему случаю»[2].

В. С. Нечаева указывает: «Хотя официально Чембарское училище считалось основанным 1 ноября 1821 года (эту дату помещали обычно в своих отчетах чембарские учителя), но открытие его состоялось только через год». И далее она пишет: «Не только в 1820, но и в 1821 году учителя в Чембарское училище не были еще назначены, и просьбу Иванова и Великопольского до официального открытия училища использовать было нельзя»[3]. Эта ошибка широко распространилась почти во всей белинсковедческой литературе. Проникла она и в книгу «Летопись жизни и творчества В. Г. Белинского».

Попытаемся разобраться в этом запутанном деле. В рапорте Н. Н. Лажечников указывал на то, что откры-

---

[1] ГАПО, ф. 5, оп. 1, д. 587, л. 92, 98, 107.
[2] Там же, л. 82. См. также: Нечаева В. С. Указ. соч., с. 98.
[3] Нечаева В. С. Указ. соч., с. 97, 396.

тие школы «предназначено Училищным начальством». Но в «училищное начальство» входили как почетный, так и штатный смотрители. Следовательно, поскольку в них тоже должен находиться при должности. Однако невольно возникает вопрос: «Когда же состоялось это назначение?» Ведь до сих пор в литературе на него нет ответа. В связи с таким положением следует по-новому рассматривать просьбы П. П. Иванова и В. Г. Великопольского. Первое ходатайство они направили городничему 3 ноября 1820 года, в котором изъявляли «согласие взять учителей к себе в дом, а детей обучать в купленном временном доме». Но оно затерялось в губернаторской канцелярии. Вторая просьба ими была высказана непосредственно И. И. Лажечникову в мае 1821 года, когда он находился в Чембаре. Иван Иванович обещал удовлетворить их желание.

В. С. Нечаева, опираясь на воспоминания Д. П. Иванова, пишет, что смотрителем училища оказался Аврам Григорьевич Грековъ. «В делах пензенских народных училищ,— свидетельствует она,— не сохранился его формулярный список, и мы не знаем ни его возраста, ни происхождения, ни образования. Он имел чин коллежского секретаря и, вероятно, не был особенно молод, судя по его дружбе с «стариком-казначеем» Великопольским и лекарем Белинским... Вероятно, он, как большинство пензенских учителей этого времени, был духовного происхождения (об этом говорят также его имя и фамилия) и учился сперва в семинарии, а потом в Казанском университете» [1].

И здесь автор исследования о начале жизненного пути и литературной деятельности В. Г. Белинского далека от истины. И. И. Лажечников сдержал свое слово и направил ректору Казанского университета представление о переводе Аврама Алексеевича (а не Григорьевича, как указывается во всей белиноведческой литературе) Грекова в Чембар. В свою очередь, Г. Б. Никольский 9 июня 1821 года писал попечителю учебного округа М. Л. Магницкому: «...Совет университета, прилагая при сем послужной список учителя Грекова, имеет честь испрашивать начальственного Вашего превосходительства утверждения его в должностях штатного смотрителя и учителя 2-го класса в Чембарское уездное учи-

---

[1] Нечаева В. С. Указ. соч., с. 99

лище...» Здесь же указывалось, что отзывы Н. Н. Лаженникова и штатного смотрителя Краснослободского уездного училища М. А. Левитского, где до этого А. А. Грековъ занимал должность учителя первого класса, весьма одобрительные и он «по нравственным качествам и знаниям своим может исправлять означенную должность»[1].

На основе полученных из Казани документов министр духовных дел и народного просвещения князь А. Н. Голицын 8 июля 1821 года подписал уведомление «Учителя 1-го класса Краснослободского уездного училища Грекова... я утверждаю штатным смотрителем и учителем 2-го класса в Чембарское уездное училище с положенным по штату жалованием за обе сеи должности по пяти сот пятидесяти рублей в год»[2].

Однако можно допустить и такое стечение обстоятельств: А. А. Грекова утвердили на указанную выше должность в Чембар, а поскольку основное здание для уездного училища не было выстроено, он мог оставаться в Краснослободске. Но подобный вариант также отпадает. Есть еще один весьма авторитетный документ — «Историческая записка Краснослободского училища», составленная в 1824 году штатным смотрителем М. А. Левитским. Она представляет интерес не только с точки зрения А. А. Грекова, но и тех лиц, которые в ней упоминаются. Михаил Антонович писал: «Краснослободское училище открыто на пожертвованные 1200 рублей. На эту сумму был куплен для училища деревянный дом с усадьбою. В том же, 1808 году 15 сентября в день коронации государя императора Александра I открыто означенное училище бывшим в то время директором Пензенских училищ коллежским советником Аполлоном Николаевичем Бекетовым с прибывшим с ним старшим учителем гимназии господином Перевощиковым (Василием Матвеевичем: впоследствии — писатель и академик. — *П. М.*). При сем находился определенный в училище учителем 1-го класса и рисования студент С-Петербургского педагогического института Михайло Антонов сын Левитский...»

Затем в «Записке» указывалось, что в марте 1815 года М. А. Левитский был утвержден учителем второго

---

[1] ЦГА Тат. АССР, ф. 92, оп. 1, д. 1339, л. 1

[2] Там же, л. 4

класса и смотрителем училища, а на его место поступил выпускник императорской гимназии при Казанском университете Аврам Александров сын Греков, уроженец города Казани, обучавшийся прежде в Москве в народном Константиновском училище... В 1821 году, в июле месяце учитель 1-го класса Греков, по прошению его, советом императорского Казанского университета переведен в Чембарское уездное училище и утвержден в оном штатным смотрителем и учителем 2-го класса»[1].

Что же касается «происхождения, возраста, звания», то эти сведения об учителе юного Виссариона можно получить из послужного списка, составленного в 1820 году. В нем указано: «Краснослободского уездного училища учитель 1-го класса Аврам Александров сын Греков[2], состоящий по силе Высочайшего устава учебных заведений в 12-м классе, от роду имеет 24 года, из обер-офицерских детей. Вступил в императорскую Казанскую гимназию на свое содержание 1811 года, ноября 15 дня, на казенное — 1812 года, августа 13 дня. В оной обучался: закону божию, российскому, латинскому, французскому и татарскому языкам, арифметике, геометрии, алгебре, физике, логике, философии, российской всеобщей и математической географии, всеобщей и российской истории с хорошим прилежанием и успехами и вел себя всегда похвально.

Из оной гимназии уволен и по определению училищного комитета императорского Казанского университета определен в Краснослободское уездное училище учителем 1-го класса 1815 года, июня 11-го числа...

К продолжению статской службы способен и достоин». В графе «женат ли, имеет ли детей» указано — женат.

Послужной список заверил секретарь совета университета экстраординарный профессор философии и политической экономии М. А. Пальмин[3].

Из приведенных сведений видно, что Аврам Александрович обучался в лучших учебных заведениях того времени. Константиновское училище и Казанская гимназия отличались высоким уровнем преподавания изучаемых предметов. К тому же А. А. Греков имел за плечами шес-

---

[1] ГАПО, ф. 81, оп. 1, д. 3, л. 16—18.

[2] Во всех документах Греков писал свое имя — Аврам, а не Авраам, как вошло в белинсковедческую литературу.

[3] ЦГА Тат. АССР, ф. 92, оп. 1, д. 1339, л. 2

гилетнюю практику, обладал методикой ведения уроков. Он творчески излагал программный материал, старался прививать воспитанникам любовь к знаниям. Его стиль работы как учителя, видимо, надолго запомнился В. Г. Белинскому и был своего рода образцом в обучении детей. Об этом будущий революционный демократ весьма конкретно сказал в своем трактате, направленном в 1833 году попечителю Белорусского учебного округа Г. И. Карташевскому, когда намеревался занять там должность учителя в одном из уездных или приходских училищ. Рукопись Виссариона Григорьевича обнаружили в Центральном Государственном историческом архиве БССР старший научный сотрудник Н. Булдакова и кандидат исторических наук В. Поссе. Впервые она была опубликована в газете «Ленинская правда» за 11, 12, 13 января 1968 года.

«С званием учителя, — указывал В. Г. Белинский, — соединяются великие обязанности, для успешного выполнения которых требуется много знания, дарований, искусства и опытности. От той или другой методы учения, которой придерживается учащий, зависят не только успехи или неуспехи учеников, но и их расположение или отвращение от занятия науками».

Вспоминая уроки, даваемые А. А. Грековым, основываясь на тех впечатлениях, которые вынес из стен Чембарского училища, Виссарион Григорьевич писал: «Учитель, худо знающий свое дело, может заглушить, затоптать в своем ученике семена самых счастливых дарований и, отбив у него охоту к учению, навсегда сделать его ни к чему не способным. Напротив, учитель, понимающий важность своих обязанностей и обладающий всеми качествами, необходимыми для выполнения оных, не только развивает, укрепляет и дает хорошее направление природным дарованиям, но даже заставляет с пользою учиться и таких учеников, которые обижены природою умственными способностями».

Именно такие качества, по всей вероятности, были присущи и Абраму Александровичу. Получив назначение, он летом переехал в Чембар, а осенью стал уже заниматься с детьми. Поэтому совершенно правильно проставлялась в отчетах дата основания училища — 1 ноября 1821 года. С этого времени, по свидетельству Д. П. Иванова, для Виссариона Григорьевича «началось положительное учение».

В своих воспоминаниях Дмитрий Петрович писал: «Я и брат мой были первыми учениками, приведенными в новооткрытое заведение; через несколько дней поступил в него и Виссарион». Весь педагогический штат училища заключался в лице смотрителя, то есть А. А. Греков, который, по свидетельству мемуариста, был и учителем по всем предметам училищного курса. Он отличался обаятельностью, кротостью, действовал на детей более лаской и советом, чем угрозами и наказаниями; в крайних случаях прибегал с жалобами к родителям. Несколько позже, указывал Д. П. Иванов, «штат учителей увеличился определением в преподаватели закона божия старшего соборного священника Василия Чембарского и в учителя русского языка — исключенного из семинарии Василия Рубашевского, сына второго соборного священника».

Система обучения в каждом училище складывалась исходя из имевшихся условий. Чтобы непосредственно приступить к изучению училищного курса, ученики должны были обладать знаниями в объеме приходских школ, то есть уметь читать, писать и связно объяснять прочитанное, хорошо владеть первыми действиями арифметики, иметь представление о главных началах закона божия и правоучении, о природе, сложении человеческого тела и средствах предохранения здоровья[2]. Но такое последовательное усвоение подобных предметов нельзя было осуществить в домашних условиях. Поэтому, как видно из отчетов, во всех училищах Пензенской губернии, в том числе и чембарском, постоянно существовали так называемые приготовительные классы, в которых в течение года ученики пополняли свои знания, необходимые для дальнейшего прохождения учебной программы[3].

В 1821/22 академическом году А. А. Греков учил своих воспитанников выразительному чтению, чистописанию, сложению, вычитанию, умножению и делению чисел, давал первоначальные сведения об окружающей природе, рассказывал о человеке и его назначении. Учебников, учебных пособий на первых порах было мало. И уроки, проводимые Аврамом Александровичем, являлись основным источником знаний. В архивах не сохра-

---

[1] В. Г. Белинский в воспоминаниях современников, с. 33.

[2] Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1830, т. XXVIII, с. 640.

[3] См.: ЦГА Тат. АССР, ф. 92, оп. 1, д. 2505, л. 98, 101.

лись сведения об успехах учащихся в приготовительном классе, но можно предположить, что они были положительными.

В следующем, 1822/23 учебном году число учащихся увеличилось более чем в два раза. Занятия начались в новом здании. Однако оборудование школьных помещений почти не изменилось. Позже в одном из отчетов указывалось: «С самого открытия училища не было и нет при сем никакой казенной мебели, кроме простых крестьянских почти стульев и столов. Даже господа учителя принуждены бывают приносить с собою в класс свои стулья, на которых могли бы сидеть; нет нужных ученических столов, скамеек, нет нужной для училища кафедры»[1].

Несмотря на трудности, А. А. Греков приобретал учебно-наглядные пособия, постепенно обживал учебное заведение. В первом классе, в котором находился юный Виссарион, изучались более сложные предметы, чем в приготовительном. Но они имели прямую преемственность, позволяли расширять кругозор и углублять свои познания в священной истории, российской грамматике, правописании, арифметике и природоведении. Вместе с Виссарионом сдавали основы науки его брат Константин, родственники Дмитрий и Николай Ивановы, их сверстники из семей мелких чиновников Петр и Павел Семеновы, Сергей Прогаков, Федор Казуров, Андрей Сударев и другие. В конце учебного года лучшие из них отмечались наградами.

В памяти Д. П. Иванова до глубокой старости сохранились подобные торжества. В конце своей жизни он с волнением вспоминал годы далекого детства, когда учился в уездном училище. Эти награды, указывал Дмитрий Петрович, получаемые самим и юным Виссарионом, состояли из похвальных листов, которые нам позволялось изготовлять самим дома: в выборе орнаментов каждый руководствовался собственным своим вкусом, раскрашивая по краям лист обыкновенной писчей бумаги то в виде рамки, обвитой цветочными гирляндами, то венком из распустившихся роз; в средине собственноручно по линейкам и крупными буквами выводили следующую обычную надпись: «Похвальный лист» и затем в строках: «Как при публичном испытании

[1] В. Г. Белинский. Сб. документов. с. 163

ученику такого-то класса, такому-то, за отличные успехи и прилежание, тогда-то». Такие похвальные листы, заранее приготовленные с именами [illegible] Алексея Петровых, хорошего рисовальщика и [illegible] и [illegible] Виссариона Григорьевича, шли назад к смотрителю Грекову, который скреплял их подписью собственною и всех учителей, прикладывая сургучную училищную печать, и выдавал по принадлежности на публичном экзамене в присутствии довольно многочисленного собрания родителей и [illegible].

Судя по сохранившимся документам, расписание уроков было такое. Занятия ежедневно, кроме воскресений и праздников, продолжались с девяти до двенадцати часов и плюс к этому в понедельник, четверг — с четырнадцати до семнадцати, а во вторник, среду, пятницу и субботу — с четырнадцати до шестнадцати часов. Таким образом, недельная нагрузка равнялась тридцати двум часам. В обеденный перерыв дети отдыхали. Зимой они катались на салазках, ледянках, строили снежные горки. Весной и летом нередко всем классом уходили на реку Малый Чембар купаться.

В училище юный Виссарион, по воспоминаниям Д. П. Иванова, «слыл за ученика даровитого и прилежного». Об этом же свидетельствует сохранившаяся ведомость о состоянии Чембарского уездного училища за 1823/24 академический год. Лучшими учениками второго класса А. А. Греков назвал Петра и Павла Семеновых, Виссариона Белинского, Сергея Протопова. Среди воспитанников «с нехудыми успехами» он отметил Дмитрия и Николая Ивановых, Александра и Дмитрия Семеновых, а в графе «со слабыми знаниями» были проставлены фамилии Федора Казурова и Константина Белинского.

Программа второго класса отличалась не только сложностью, но и объемом изучаемых предметов. В столбце «чему обучались дети в течение года» Аврам Александрович указывал: «...катехизису, 2-й части арифметики, всеобщей и российской географии, всеобщей и российской истории, начальным основаниям геометрии и физики, правилам слога и рисованию».

Сопоставляя отчеты Чембарского уездного училища с другими такими же сведениями Пензенской губернии, следует особо отметить, что А. А. Греков пользовался лучшими учебниками, составленными опытнейшими пе-

языками и учениями того времени. В частности, российская грамматика и правописание, арифметика и российская география, физика и российская история изучались по книгам, которые были изданы главным правлением училищ министерства духовных дел и народного образования в 1821—1822 годах. Всеобщую географию проходили по трем сочинениям преподавателя профессора Санкт-Петербургского университета Зяблоцкого, печатанной 1821 года», всеобщую историю — «по книге сочинения профессора императорского Царскосельского лицея преподавателя Кайданова, печатанной 1821 года», геометрию — «по книге, изданной для народных училищ Российской империи по высочайшему повелению, печатанной 1823 года»[1].

Позже, оценивая издания, предназначенные для школ и университетов, В. Г. Белинский писал: «при всей бедности ученой и учебной литературы, настоящее время все-таки имеет большое преимущество перед прежним, когда история г. Кайданова, географии Зяблоцкого, грамматики г. Греча и риторики гг. Толмачева и Кошанского считались отличными учебниками» [VIII, 19].

С увлечением в стенах училища юный Виссарион изучал «Пространный катехизис», изданный в 1822 году. Причем его интересовали не религиозные догмы, а многие библейские легенды с точки зрения исторических фактов, образности языка. Впоследствии в своих статьях и рецензиях он будет неоднократно приводить на память цитаты из ветхого и нового заветов, допуская в ряде случаев некоторые неточности. Знание священной истории помогало ему умело пропагандировать свои антиклерикальные мысли, выступать против церкви и ее служителей.

Но особенно полюбились В. Г. Белинскому русская грамматика, российская и всеобщая история, география. Эти предметы он изучал глубоко и основательно. Прекрасный его образ тех лет нарисовал в своих воспоминаниях И. И. Лажечников. Зная о скором переводе в Казань, Иван Иванович уже глубокой осенью решил в последний раз объехать все уездные училища, проверить в них состояние учебного процесса, повидаться с преподавателями, решить по возможности какие-то вопросы,

---

[1] В. Г. Белинский. Сб. документов, с. 164.

касавшиеся хозяйственной части звериных заведений, снабжения их учебно-наглядными пособиями.

«В 1823 году,— свидетельствовал И. И. Лажечников,— ревизовал я Чембарское училище. Во время делаемого мною экзамена выступил передо мною между прочими учениками мальчик лет пятнадцати, которого наружность с первого взгляда привлекла мое внимание. Лоб его был прекрасно развит, и глаза светился разум не по летам; худенький и маленький, он между тем на лицо казался старее, чем показывал его рост. Смотрел он очень серьезно... На все делаемые ему вопросы он отвечал так скоро, легко, с такою уверенностью, будто налетал на них, как ястреб на свою добычу (отчего я тут же прозвал его ястребком), и отвечал большею частию своими словами, прибавляя ими то, чего не было даже в казенном руководстве,— доказательство, что он читал и книги, не положенные в классах. Я особенно занялся им, бросался с ним от одного предмета к другому, связывая их непрерывною цепью, и, признаюсь, старался сбить его... Мальчик вышел из трудного испытания с торжеством. Это меня приятно изумило, также и то, что штатный смотритель (Авр. Греков) не конфузился, что его ученик говорит не слово в слово по учебной книге (как я привык видеть и с чем боролся немало в других училищах). Напротив, лицо доброго и умного смотрителя сияло радостью, как будто он видел в этом торжестве собственное свое...»

Надо думать, не в меньшей мере столь близкая встреча с настоящим писателем, человеком весьма образованным, взволновала и юного Виссариона. К этому времени он, разумеется, мог уже прочитать его книгу, слышать о нем лестные отзывы отца и П. П. Иванова. Поэтому вполне естественно, что в своих знаменитых «Литературных мечтаниях» В. Г. Белинский писал: «Г-н Лажечников не из новых писателей: он давно уже был известен своими «Походными записками офицера». Это произведение доставило ему литературную известность» [I, 96].

Напоминала Виссариону Григорьевичу о необычном экзамене и та присущая И. И. Лажечникову сердечность, с которой относился к учащимся, его особое расположение к знающим и любящим порученное дело учителям. Охарактеризовав с лучшей стороны А. А. Грекова, Иван Иванович указывал в своих мемуарах: «И спро-

сил его, кто этот мальчик. «Виссарион Белинский, сын здешнего уездного штаб-лекаря»,— сказал он мне. Я поцеловал Белинского в лоб, с душевною теплотой прижал его к груди, тут же потребовал из продажной библиотеки какую-то книжонку, на заглавном листе которой [illegible] Виссарион Белинский ... преуспеяние успехи в учении (или что-то подобное) от такого-то, тогда-то»[1].

П. П. Лажечников упоминает здесь о наличии какой-то продажной библиотеки. В ряде белиноведческих работ этот факт или берется под сомнение, или совершенно игнорируется из-за отсутствия более документированных сведений. Однако свидетельства мемуариста отвечают достоверности. Неслучайно выявленные архивные материалы говорят о том, что в Чембарском уездном училище имелись две библиотеки. Одна из них называлась фундаментальной, а вторая — продажной.

В фундаментальной библиотеке насчитывалось около пятидесяти комплектов учебной и другой литературы. Каждый комплект состоял из нескольких книг или журналов. В отсрочном рапорте ректор Казанского университета докладывал попечителю учебного округа, что «при освидетельствовании оного училища выявлена недостача некоторых изданий». Так, на день проверки не оказалось в наличии восьми экземпляров сочинения А. Г. Кестнера «Начальные основания математики», двух руководств к физике, шести экземпляров теории статистики и руководства к теории статистики, российской истории, руководства к преподаванию римского права, трех номеров журнала департамента народного просвещения за 1822 и 1823 годы[2].

В продажной библиотеке в результате проверки было «найдено налицо двенадцать таблиц для складов и четыре экземпляра Европейского атласа без перечета. По шнуровой книге числится приходом до поставки на 55 рублей 15 копеек, но в расходные не записаны. Деньги же, по словам смотрителя, отосланы по реестру за все сии книги куда следует»[3]. В архивохранилищах не удалось обнаружить опись этих книг. Но они, вероятно, по своей тематике были близки к учебной программе.

---

[1] В. Г. Белинский в воспоминаниях современников, с. 35, 36.
[2] ЦГА Тат. АССР, ф. 92, оп. 1, д. 2505, л. 68.
[3] Там же, л. 69.

Вот одну из таких «книжонок» и подарил И. И. Лажечников юному Виссариону.

О том, что Чембарское уездное училище уже действовало осенью 1821 года, свидетельствует и такой факт. В книге регистрации входящей и исходящей корреспонденции Казанского университета учитывались все сопроводительные документы, которые прикладывались к возвращаемым из уездных училищ переписанным ведомостям. «Первая из таких присылок от Авр. Грекова, — говорится в документе, — была 1821 октября за № 432, другая — в том же году 23 ноября за № 506, последняя — в 1823 году 11 июня за № 306»[1].

В январе 1824 года юный Виссарион впервые познакомился и с «ученым мужем». В Чембар по распоряжению попечителя Казанского учебного округа отправился визитатор экстраординарный профессор по кафедре риторики Г. С. Суровцев. Ни в одном из архивных материалов нет мотивировки причин, побудивших командировать столь высокого ревизора в затерявшийся среди снежного безбрежья уездный городок. В предписании о поездке Григория Степановича указывалось: «Правление университета, видав г. Суровцева, предоставляет ему от Казани до Пензы и обратно, на 3 лошади, 98 верст, по 15 копеек за версту, 147 рублей 90 копеек от Пензы до Чембара и обратно на 240 верст — 360 рублей, на проезд для осмотра домов тамошнего уездного училища, и сверх того на путевые издержки — 200 рублей, всего 383 рубля 90 копеек»[2].

В Чембаре Г. С. Суровцев пробыл, видимо, недолго. Он успел ознакомиться с учебным заведением, встретиться с кем-то из родителей учеников, побеседовать с горожанами, предводителем дворянства и другими знакомыми, возможно проэкзаменовать некоторых учеников. В своем отчете о выполнении поручения визитатор писал: «По предписанию правления университета я отправился в Чембар для осмотра домов тамошнего училища. Между прочим в обязанность поставил себе заглянуть мимоходом и на учебную часть, и лица, при оном состоящие. Проверив приходно-расходные книги и по ведомостям просмотрев успехи и порядок учета в сем училище и слышав от посторонних лиц самые лучшие

[1] ЦГА Тат. АССР, ф. 92, оп. 1, д. 2505, л. 71
[2] Там же, д. 1651, л. 8

ствия в поведении и усердии тамошнего смотрителя учителя Грекова и законоучителя соборного священника Василия Чембарского, я долгом поставил себе доведение до сведения Совета университета просить его о ходатайствовании законодательно у духовного его начальства приличного трудам его усердия награждения, а равно и смотритель Греков заслуживает внимание начальства»[1].

Если Г. С. Суровцев высоко оценил заслуги Аврама Александровича, то у второго «визитатора», приехавшего в Чембар почти три года спустя, когда В. Г. Белинский находился уже в гимназии, сложились иные мнения. Ординарный профессор Казанского университета В. Я. Булигин проверил в течение 16—17 августа 1827 года всю хозяйственную часть училища, проэкзаменовал учащихся и составил характеристики на каждого учителя. В частности, о В. Рубашевском он писал: «В сем чиновнике оказываются познания, нужные для занимаемой должности, поведения хорошего, должность свою и христианские обязанности исполняет весьма точно». Так же достойно аттестовался и учитель закона божия иерей В. Чембарский.

В делах архива сохранились отзывы о преподавателях других заведений. О смотрителе Пензенского уездного училища С. Зайцеве говорилось: «...поведения примерного и особенно усердно исполняет христианские и должностные обязанности»; смотрителе Нижнеломовского училища П. Орлове: «христианские обязанности исполняет исправительно». Подобную же аттестацию получил смотритель Саранского училища Ф. Акаевский.

О смотрителе Чембарского уездного училища В. Я. Булигин отозвался совершенно в ином тоне. На фоне общей хвалебщины характеристика Аврама Александровича кажется обтекаемой и явно негативной. В своем отчете о поездке в Пензенскую губернию «визитатор» указывал: «Способностей и познаний титулярного советника А. Грекова не мог усмотреть за его болезнию, а о поведении его общество большею частию отзывается неизвестностию». Основную роль здесь, конечно, играли не профессиональные качества. С этой стороны «ученый муж» вынужден был отметить, что преподаваемые А. А. Грековым предметы ученики знают «из рос-

[1] ЦГА Тат. АССР, ф. 92, оп. 1, д. 1651, л. 25.

синской грамматики, арифметики, [illegible], российской истории некоторые очень хорошо, другие плохо и изредка[1]. Несколько ниже оценены успехи по математической географии, геометрии, [illegible] истории, то есть тем дисциплинам, с которыми ученики второго класса только начинали знакомиться.

Программный материал Аврам Алексеевич проходил с учащимися не ради формы. Приступ к изложению нового материала он уделял постоянное внимание повторению пройденных разделов, добиваясь того, чтобы каждый воспитанник прошел весь курс обучения, вынес из стен училища твердые знания, заслуженно получил положенное по уставу свидетельство об окончании заведения. В связи с этим возникает вопрос: когда же юный Виссарион завершил чембарскую школу?

В литературе о жизни и творчестве великого критика точного ответа нет. Например, В. С. Нечаева в своем исследовании пишет: «Поступив в училище осенью 1822 г. Белинский в следующем учебном году был во 2-м классе. Однако в гимназию он поступил лишь осенью 1825: Учебный 1824/25 г. он оставался в Чембаре и, возможно, продолжал посещение училища, где мог еще пополнить свои знания»[2]. Ю. Г. Оксман в «Летописи жизни и творчества В. Г. Белинского» указывает: в 1824 году юный Виссарион, «окончив курс обучения в Чембарском уездном училище, готовится к поступлению в Пензенскую гимназию». Во вступительной статье к девятитомному собранию сочинений В. Г. Белинского, первый том которого выпущен издательством «Художественная литература» в 1976 году, Н. К. Гей свидетельствует: «Годы учения Белинского начинаются с Чембарского уездного училища (1822—1824 гг.), а затем в Пензенской гимназии (1825—1828 гг.)». М. Я. Поляков в монографии «Виссарион Белинский. Личность — идеи — эпоха», ссылаясь на В. С. Нечаеву, говорит, что будущий революционный демократ поступил во вновь открытое Чембарское училище 15 сентября 1822 года, в котором «пробыл до 1825 года». Подобные разночтения встречаются во всей белинсковедческой литературе.

Даже последние публикации, основанные на экспозиционных материалах Государственного музея-усадьбы

---

[1] См.: ЦГА Тат. АССР, ф. 92, оп. 1, д. 2505, л. 91, 95, 98, 100.
[2] Нечаева В. С. Указ. соч., с. 101.

В. Г. Белинского не имеет почти ничего нового в существующую проблему. Так, доктор физиологических наук П. [illegible], прочитавший очерк «В Чембаре у Белинского», пишет: «Сейчас всем нам «нужда» до всего, из чего складывается облик великого русского литератора, и, [illegible]. В 1822 году [illegible] пятилетним [illegible] Белинский в Чембаре, только что открытое сословное уездное училище. В 1824 году после уездного училища Белинский поехал в Пензу поступлению в гимназию»[1].

Выявленные архивные документы позволяют и здесь подойти к единой точке зрения. Д. П. Иванов, на которого [illegible], не указал точной даты поступления в училище. В его воспоминаниях лишь [illegible], что вместе с ним, его братом Николаем и Виссарионом [illegible] первыми [illegible] здесь открытого учебного заведения. Но есть у мемуариста довольно важное замечание, не привлекавшее до сих пор внимания исследователей. Дмитрий Петрович свидетельствовал, что в уездном училище он и Виссарион получали награды и «в первые годы они состояли из похвальных листов», а в последующие — [illegible], сохранившихся в прадедовой библиотеке. Значит, речь идет не о двух-трех годах, а гораздо большем времени. Сам Д. П. Иванов находился в уездном училище пять лет и только после его окончания в 1826 году поступил в Пензенскую гимназию[2]. Вместе с Дмитрием Петровичем и Виссарионом Григорьевичем учился в училище также Константин Григорьевич, который сдал экзамены и получил положенное свидетельство, как видно из формулярного списка, в 1827 году[3].

О том, что многие воспитанники находились в училищах по пять-шесть и более лет, подтверждают также другие источники. Так, Нижнеломовское уездное училище, судя по отчету смотрителя, в 1824 году окончили с похвалою четыре воспитанника, но «по желанию родителей оставшихся в училище на следующий год для вящего образования»[4]. В других уездных училищах по итогам экзаменов за 1823/24 академический год многие

---

[1] См.: Огонек, 1978, № 4
[2] В. Г. Белинский. Сб. документов, с. 168.
[3] Там же, с 145.
[4] ГАПО, ф. 81, оп. 1, д. 3, л. 29.

ученики не были аттестованы и выпускались позднее [illegible] школьный курс. Например, в Пензенском училище из двадцати семи учащихся второго класса «окончили с похвалою семь и без похвалы — восемь», а двенадцать воспитанников остались на повторный курс[1].

Достоверные сведения за 1823/24 академический год имеются и по Чембарскому уездному училищу. Вы[illegible] экзамены из-за непрохождения полной программы здесь не прошли. В графе «В течение [illegible] учения», отличившихся похвальною учением и не [illegible] выбывших смотритель А. А. Греков проставил данные: «семь человек не окончивших курс учения»[2].

Следовательно, первый выпуск из Чембарского училища состоялся в июне 1825 года. К сожалению, документальных источников об этом акте в архивах выявить не удалось. За четыре года (а не за два, как указывается в работах, посвященных В. Г. Белинскому) пребывания в училище он основательно усвоил весьма глубокую по содержанию и обширную по числу предметов учебную программу. Д. И. Иванов писал о своих [illegible] гаясь отличным и прилежным учеником у смотрителя Грекова по другим предметам, Виссарион хорошо знал «арифметику и начальные основания геометрии в пределах училищного курса; из подробного этимологического разбора, на который, к нашему счастью, обращали в училище строгое внимание; мы вынесли из этой первоначальной нашей школы прочный задаток к разумению русской грамматики, хотя в то же время были далеко не свободны от орфографических ошибок по недостатку навыка, вследствие редкости письменных упражнений».

Не исключена возможность, что на последнем году пребывания в училище юный Виссарион брал у Аврама Александровича уроки латинского и немецкого языков, знание которых на основе существовавшего устава необходимо было при поступлении в гимназию. Из-за отсутствия в архивохранилищах отчетов А. А. Грекова в подтверждение сказанного можно сослаться на другой документ. Смотритель Пензенского уездного училища, сообщая в своем [illegible] о проделанном материале, указывал, что обучал воспитанников, готовящихся для

---

[1] ГАПО, ф. 81, оп. 1, д. 3, л. 5.
[2] Там же, л. 21

продолжения освоения наук в гимназии, «чтению, письму на латинском и немецком языках».

О значимости обучения в первоначальной школе, тех знаниях, которые она давала ученикам, писал и сам В. Г. Белинский. В статье «О жизни и сочинениях Кольцова» великий критик утверждал, на примере замечательного русского поэта, что больше всего убедились в важности элементарного образования, которое можно получить в уездном училище. При всех его удивительных способностях, при всем его глубоком уме — подобно всем самоучкам, образовавшимся урывками, почти тайком от родительской власти, Кольцов всегда чувствовал, что его интеллектуальному существованию недостает твердой почвы и что вследствие этого ему часто достается с трудом то, что легко усваивается людьми очень недалекими, но сполна овладевшими благодеяниями первоначального обучения» [IX, 500]. И все же, подчеркивал далее В. Г. Белинский, несмотря на то что пребывание Алексея Васильевича в уездном училище было непродолжительным, именно с этого началось «пробуждение его интеллектуальной жизни: он начал приобщаться к чтению».

Эта любовь к чтению в школьные годы в еще большей мере, чем у А. В. Кольцова, развивалась у автора вышеприведенных строк. А. А. Греков свидетельствовал, что «Виссарион гулял часто один, не был сообщителен с товарищами по училищу, не вмешивался в их игры и находил особенное удовольствие за книжками, которые доставал, где только мог».

Рассматривая первоначальный круг чтения В. Г. Белинского, В. С. Нечаева в своем исследовании проанализировала возможные источники пользования книгой. Среди чембарских родственников и сослуживцев штабс-капитана, указывает она, вероятно, были владельцы библиотек. Занимаясь медицинской практикой, мог он брать для прочтения книги в домах помещиков. «Однако,— заключает автор монографии, — было бы ошибочно представлять себе чембарские поместья какими-то очагами культуры, их обитателей — владельцами обширных книжных собраний. В массе чембарские помещики были глубоко невежественны и очень далеки от книжных интересов, и лишь единицы среди них представляли в этом отношении исключение» [1].

---

[1] Нечаева В. С. Указ. соч., с. 86, 87.

Но если бы даже и были такие помещики, у которых имелись «большие книжные собрания», то едва ли что-либо могло попадать в дом штаб-лекаря из этих «фолиантовых хранилищ». По крайней мере, ни один из дошедших до нас источников не подтверждает подобную гипотезу. Наоборот, чаще всего, как видно из переписки Виссариона Григорьевича со своими родителями и братом Константином, отец брал книги у таких же разночинцев, каким являлся и сам он.

Ранее уже говорилось о библиотеке приказнослужителя П. М. Черноусова, о которой совершенно не упоминалось еще в белинковедческих работах. Она состояла из книг, изданных в восемнадцатом и первой четверти девятнадцатого века. Среди них даже для того времени имелись довольно редкие издания. В частности, П. М. Черноусов располагал переводами с французского «Лживый Петр III, или Жизнь, характер и злодеяния бунтовщика Емельяньки Пугачева», с английского «Жизнь Наполеона Бонапарта, императора французов». О последнем переводе В. Г. Белинский писал позже: «Вальтер Скотт создал множество превосходных романов, да одну историю и ту плохую. Однако в книге «Наполеон — лицо поэтическое не только под Тулоном, в Египте, под Аустерлицем, под Маренго, но и в Москве, и на острове Эльбе, и при Ватерлоо, и на острове св. Елены» [VII, 52].

Привлекли, видимо, внимание юного Виссариона в библиотеке П. М. Черноусова и «Метаморфозы» Публия Назона Овидия, которые запомнились ему как «Овидиевы превращения». Это о них он упоминал в «Литературных и журнальных заметках» 1842 года. А в рецензии на сочинение Ф. Лоренца «Руководство к всеобщей литературе» великий критик подчеркивал: «Не распространяемся в подробностях, заметим только, что в очерке латинской литературы г. Лоренц заставляет Овидия целою группою в таланте даже Виргилию, что, по нашему мнению, весьма несправедливо, ибо Овидий — истинный поэт...» [VI, 102].

Питая страстную любовь к истории, лучший ученик уездного училища не мог не попросить у владельца книги хотя бы на короткое время «Анекдоты, касающиеся до государя императора Петра Великого», собранные и изданные в 1807 году И. И. Голиковым. Впоследствии в статье, посвященной мудрому преобразователю России, Виссарион Григорьевич привел в своем пересказе одно

и преданий, которое занимало в книге Н. И. Голикова почти четыре страницы.

Хорошо были знакомы юному Виссариону сочинения И. И. Дмитриева в двух частях, 1818 года издания, где имелась его сатира «Чужой толк». Сравнивая прочитанные ранее произведения М. В. Ломоносова, М. М. Хераскова, В. К. Тредьяковского, И. И. Хемницера с поэтическими произведениями Ивана Ивановича, В. Г. Белинский видел, насколько стихосложение автора сатиры «Чужой толк» отличалось своей гладкостью, гармоничностью и языковыми новшествами. «Я очень любил его в детстве,— писал позже Виссарион Григорьевич,— и от души благодарен ему за те восторг и удовольствие, которые принесли мне его стихотворения в мои детские годы».

Определяя влияние на развитие литературных вкусов читателей, которое оказывали басни И. И. Дмитриева, лишенные внутренней великий критик сравнивал с искусственными цветами, растениями, явно пересаженными с родной почвы на чужую и выращенными в теплице. Но в них, как он отмечал, «блистает салонный ум XVIII века; в них язык наш сделал значительный шаг вперед». И, обращаясь к прошлому, Виссарион Григорьевич писал: «Конечно, мы уже не можем восхищаться баснями Дмитриева и даже иных из них не чувствуем охоты перечесть их: но с ними связаны самые сладостные воспоминания о лучшей поре нашего детства, и наши дети, пока будут детьми, не перестанут ими восхищаться» [IV, 148].

Были в библиотеке чембарского книголюба и другие ценные издания. К. Г. Белинский сообщал старшему брату: «Уведомляю тебя — я купил у Черноусова сочинения И. Ф. Богдановича в двух частях; в первой помещена статья о Богдановиче и его сочинениях, написанная Николаем Михайловичем Карамзиным, и повесть Душенька с примечаниями на конце, во второй — сначала поэмы: Сугубое блаженство, в трех песнях, Елисей, или раздраженный Вакх, на разрушение Лиссабона, сочиненная Волтером, Добромысл, старинная повесть в стихах, потом разные стихотворения, в числе которых есть две пиэсы: Волтера и Мармонтеля, на конце загадки и басни; сверх сего с портретом автора, виньетами и в самом лучшем, кожаном переплете, заплачено 4 р. ас... Папенька сперва не верил, что я заплатил 4 р. ас... Он говорил... она стоит 20 р. ас.» [1]

[1] Литературное наследство, т. 57, с. 97—98

Григорий Никифорович, видимо, знал цену книгам. Здесь речь шла о первом издании сочинений И. Ф. Богдановича, которое даже в современных литературоведческих работах не имеет такого полного библиографического описания, как это сделал К. Г. Белынский. Позже, касаясь творчества автора «Душеньки», великий критик отмечал: «Кстати: в предисловии ко второму изданию сочинений Богдановича издатель говорит, что первого издания (1809—1810) не успело разойтись и 200 экземпляров, как в Москву вступил неприятель; сочинения Богдановича, разумеется, подверглись общей участи всех книг в это смутное время, и потому впоследствии уцелевшие экземпляры первого издания сочинения Богдановича, вместо *двенадцати* рублей, продавались в книжных лавках по *шестидесяти* рублей!» — [VII, 121].

Поэтическое дарование Ипполита Федоровича, по словам В. Г. Белинского, создало ему славу необыкновенную, «во времена оные им зачитывались дети и взрослые. Какая причина такого успеха? — спрашивал автор «Литературных мечтаний». И здесь же отвечал, что И. Ф. Богданович явился со своими произведениями в ту пору, когда многие уже начали думать, что русский язык не способен к так называемой *легкой поэзии*», когда «подражатели Ломоносова, Державина и Херасекова отличили всех громким одобрением». И вдруг перед публикой предстал «человек с сказкою, написанною языком простым, естественным и шутливым, слогом, по тогдашнему времени, удивительно легким и плавным: все были изумлены и обрадованы. Вот причина необыкновенного успеха «Душеньки», которая, впрочем, не без достоинств, не без таланта» [I, 51].

В период обучения в уездном училище сын штаб-лекаря с особой симпатией стал относиться к творчеству Г. Р. Державина. По всей вероятности, его сочинения имелись не только в распоряжении И. М. Черносвитова, но и в домашней библиотеке А. А. Грекова. Преподавая русскую словесность, он вне всякого сомнения иллюстрировал уроки стихотворениями Гавриила Романовича, рассказывал о его жизни и деятельности, распространении литературного наследия.

Возможно, что из уст своего учителя юному Виссариону стала известна легенда о необычной судьбе одной из лучших од поэта. Вот. Позднее, разбирая «Сочинения Державина», во второй статье В. Г. Белинский писал:

«К этим мистическим уважением пользовалась в старину эта одна, может служить доказательством нелепая сказка, которую каждый из нас слышал в детстве, будто она «Бог» переведена даже на китайский язык и, вышитая шелками на щите, поставлена над кроватью богдыхана» [VI, 636].

Восхищался будущий великий критик сатирической одой «Вельможа». Она покорила его воображение своим нравственно-философским содержанием. Приняв с наизусть выше статье с некоторыми отступлениями от оригинала, по всей вероятности, из памяти шесть первых строф этого, по выражению В. Г. Белинского, «замечательного произведения своего времени», он восклицал: «Да, *такие* стихи никогда не забудутся!»

Обозревая русскую литературу за 1841 год, Виссарион Григорьевич признавался: «Я в детстве знал Державина наизусть... И эта сила детских впечатлений имеет свою причину в богатстве и могуществе поэтических элементов». И далее, говоря о своих детских восприятия, он указывал: «...я поставил бы долгом и обязанностию всякому юноше не только прочесть — даже изучить Державина, как великий факт в истории русской литературы, ибо и эстетического образования общества» [V, 535].

Определяя роль творчества Гавриила Романовича в развитии своих ранних литературных восприятий, великий критик свидетельствовал: «Для моего детского воображения, поставленного державинскою поэзиею на ходули, поэзия Пушкина казалась слишком простою, слишком кроткою и лишенною всякого полета, всякой возвышенности... Переход от Державина к Жуковскому для меня был очень легок: я тотчас же очаровался этим мистическим миром внутренней, задушевной поэзии, любил ее исключительно; но Державин все-таки оставался в моем понятии идеалом истинного поэта».

Но чуть позже, по мере проникновения в творчество В. А. Жуковского, любимый ученик А. А. Грекова изменил свою точку зрения. Чем больше он читал творения поэта, тем все глубже понимал их значение в истории литературы, эстетического и нравственного развития общества, их благотворное влияние на читающую публику.

Особенно волновали душу юного Виссариона так называемые оригинальные произведения Василия Андреевича, основанные на русской почве, «поэтические по от-

делке и с содержанием». Они шли, [illegible] великий критик, «из сердца к сердцу», говорили не о ярком блеске иллюминаций, не о громе побед, а о тайниках внутреннего мира человека. Они наполнены были тихой грустью, кроткой меланхолией, а это, свидетельствовал В. Г. Белинский, элементы, без которых нет поэзии. И такие стихотворения, проникнутые лирико-романтическими мотивами, сделали свое дело, принесли ему пользу. «Да, я еще сам помню, — говорил он, — что такое были они для меня, после стихов Державина и его подражателей...» [V, 547].

Зачитывался сын штаб-лекаря балладами «Лешрая», «Лесной царь», «Светлана», «Алина и Альсим», «Вечник», поэмой «Двенадцать спящих дев», повестью «Марьина роща». Много восторженных слов в дальнейшем посвятил Виссарион Григорьевич как этим, так и другим произведениям В. А. Жуковского. И среди них особо выделил балладу «Людмила», которая, указывал он, имела успех «сроде того, какими пользовались «Душенька» Богдановича и «Бедная Лиза» Карамзина». Для русской публики все было ново в этой балладе. Стихи, которыми она была написана, не могли не удивлять своей легкостью, звучностью, а главное — своим складом, совершенно небывалым, новым и оригинальным.

Возвращаясь к чембарским годам своей жизни, В. Г. Белинский свидетельствовал: «Было время (и оно давно-давно уже прошло для нас), когда эта баллада доставляла нам какое-то сладостно-страшное удовольствие, и чем больше ужасала нас, тем с большею страстию мы читали ее. Дети нынешнего времени стали умнее,— и мы не думаем, чтобы теперь даже и между ними могли найтись почитатели «Людмилы». А между тем — повторяем — она самое романтическое произведение в духе средних веков. И если бы мы не помнили, как она коротка казалась нам во время оно, несмотря на свои *двести пятьдесят два* стиха, — то не могли бы теперь довольно надивиться тому, как достало у поэта терпения и силы написать столь длинную балладу в таком роде...» [VII, 168].

Продолжало увлекать воспитанника уездного училища творчество Н. М. Карамзина. Для него перелистывались «бесед» и «писем» Николая Михайловича, публиковавшихся на страницах московского еженедельника «Детское чтение для сердца и разума», к повестям «Бедная

Лиза», «Наталья, боярская дочь», «Марфа Посадница», «Остров Борнольм», баллада «Раиса» был вполне естественным. Эти, как и другие произведения автора «Истории государства Российского», привлекали своей свежестью, новаторством стиля. Умение «плавно и красно» объяснять, рассказывать «музыкальным языком», ненавязчиво вводить героев повествования в мир сентиментальных переживаний казалось юному Виссариону в то время по сравнению с литераторами так называемого «классицистического» направления верхом совершенства.

Оценивая с этих позиций значение деятельности автора «Бедной Лизы», Виссарион Григорьевич спустя ряд лет подчеркивал, что Карамзин «из торной, ухабистой и каменистой дороги латинско-немецкой конструкции, [illegible] оборотов и [illegible] надутости выражения вывел русский язык на настоящий и естественный ему путь, заговорил с обществом языком общества, создал, можно сказать, и литературу и публику: заслуга великая и бессмертная!» [IX, 444]

Еще более широкую картину своих первоначальных литературных увлечений В. Г. Белинский нарисовал в рецензии на «Стихотворения А. Коптева». «Вы не поверите,— писал он,— как обрадовали... в какое восхищение привели они меня! Они напомнили мне то невинное, золотое время детства, когда, еще будучи мальчиком и учеником уездного училища, я в огромные кипы тетрадей неутомимо, денно и нощно, и без всякого разбору, списывал стихотворения Карамзина, Дмитриева, Сумарокова, Державина, Хераскова, Петрова, Станевича, Богдановича, Максима Невзорова, Крылова и других, когда и плакал, читая «Бедную Лизу» и «Марьину рощу», и вменял себе в священнейшую обязанность бродить по полям при томном свете луны, с понурым лицом à la Эраст Чертополохов...»

Под другими поэтами и писателями Виссарион Григорьевич прежде всего имел в виду М. В. Ломоносова, В. А. Озерова, Я. Б. Княжнина, А. Д. Кантемира, В. В. Капниста, Д. И. Фонвизина, В. К. Тредьяковского. О них, судя по училищным учебным пособиям, должен был рассказывать на уроках русской словесности А. А. Греков. Изучая стилистику, или, как тогда говорили, слог, он, видимо, касался той полемики, которая велась в бытность его обучения в московском народном

Константиновском училище и Казанской гимназии из страниц журналов «Вестник Европы», «Сын отечества», «Цветник», «С-Петербургский вестник», «Сын отечества», «Дух журналов». Может быть, некоторые из этих изданий имелись и у самого Аврама Александровича.

В разгоревшихся спорах одни стояли на стороне Н. М. Карамзина и его последователей, называвшихся сторонниками «нового слога». Другие поддерживали консервативные идеи А. С. Шишкова. Они выступили против всяких языковых и стилистических нововведений, отстаивали веками сложившийся церковнославянский слог, пытались воскресить и обосновать ломоносовскую теорию о «трех штилях».

В частности, речь шла о развитии и обогащении русского национального языка. Единомышленники А. С. Шишкова считали, что внедрение в народную речь, а тем более в литературу малопонятных, заимствованных у иностранцев слов приведет к «порче» русского языка. Поэтому боролись «за дедовскую Русь» и советовали говорить вместо изобилие — гобзование, лицемерить — ханжевать, философия — любомудрие, галоши — мокроступы, монополия — единоторжие, фигура — извитие, геометрия — землемерие и тому подобное.

Слов нет, о сущности этой дискуссии В. Г. Белинский мог знать еще в годы обучения в уездном училище. Позже он констатировал: «Было время, когда весь пишущий и читающий люд на Руси разделялся на две партии — шишковистов и карамзинистов... Борьба была отчаянная: дрались не на живот, а на смерть. Разумеется, та и другая сторона была и права и виновата вместе; но охранительная котерия довела свою односторонность до nec plus ultra (т. е. крайних пределов), а свое одушевление — до неистового фанатизма,— и проиграла дело. И не мудрено: она опиралась на мертвую ученость, не оживленную идею, на предания старины и на авторитеты писателей без вкуса и таланта, но зато старинных и заплесневелых; тогда как на стороне партии движения был дух времени, жизненное развитие и таланты» [V, 191].

Пользовался юный Виссарион и библиотекой С. М. Колесниковой, о которой также до сего времени не упоминалось в белинковедческих работах. О ней пока имеются весьма ограниченные сведения. В одном из домов Чем-

бер., ревизских сказках за 1811 и 1834 годы его фамилия нигде не указывается. Видимо, он прибыл в уездный город из другой местности. В одном из писем, адресованных В. Г. Белинскому, Константин Григорьевич сообщал: «К нам приехал знакомый нам с тобой Степан Матвеев Котельников, который служит в конторе по питейной части и ходит ко мне нередко или как позволит досуг, и я с ним толкую о том и сем, как известный литератор, и беру у него книги, равно и он у меня. Он же... с тобою видеться и поговорить хотел, то спрашивает о твоем к нам приезде». В другом письме Константин Григорьевич делился впечатлениями о статьях, прочитанных в «старом номере «Московского журнала» за 1791 год, который взял у С. М. Котельникова. Особенно восхитили автора корреспонденции «Письма русского путешественника» — издателя журнала Н. М. Карамзина. «С каким удовольствием, — писал К. Г. Белынский, — я их читал, перечитывал и несколько отрывков списывал! Также он указывал, какие материалы его заинтересовали в журналах «Сына отечества» и третьем номере «Вестника Европы» за 1811 год[1].

Нетрудно понять, что с неменьшим любопытством штудировал подобные издания старший сын штаб-лекаря. Именно в этих журналах помещались критические статьи А. Т. Болотова, И. И. Дмитриева, В. А. Жуковского, И. М. Муравьева-Апостола, Н. И. Гнедича, К. Н. Батюшкова, П. А. Вяземского. Их полемические выступления помогали лучшему ученику А. А. Грекова глубже понять роль литературы в жизни общества, более объективно судить о значении творчества того или иного писателя.

Но юный Виссарион не только много читал, заучивал наизусть, «неутомимо, денно и нощно» списывал привлекшие внимание произведения в огромные книги. В той же ревизии на стихотворения А. А. Коптева, отрывки из которых приводил: «Природа дала мне самое чувствительное сердце и сделала меня поэтом, ибо, еще будучи учеником уездного училища, я писал баллады и думал, что они не хуже баллад Жуковского, не хуже «Рансы» Карамзина, от которой тогда сходил с ума».

Однако ни одна из них не сохранилась, как не дошли

---

[1] См.: Литературное наследство, т. 57, с. 70, 98.

до нашего времени его детские стихи и те тетради, которые вел В. Г. Белинский. Лишь единственное свидетельство, оставленное в упомянутой выше рецензии, позволяет судить о той окраске, какую носили эти стихотворные опыты. Они, пояснял Виссарион Григорьевич, ничем не отличались от «творений господина Коптева», были написаны «в точно таком же роде... чисто классическом и совершенно чувствительном» [1, 251].

По всей вероятности, в период обучения в уездном училище юный Виссарион уже обладал и своей библиотечкой. По дошедшим до нас письмам видно, что как в семье штаб-лекаря, так и секретаря уездного суда П. П. Иванова все сыновья с ранних лет начинали приобретать книги лично для себя, для удовлетворения своих запросов, исходя из литературных интересов. Так, в письме от 15 января 1832 года Константин Григорьевич сообщал старшему брату о том, что одиннадцатилетний Никанор «собирает себе библиотеку, для которой сделан ему большой сундук», куда можно поместить не менее семидесяти книг.

О необходимости и целесообразности иметь личную библиотеку Виссарион Григорьевич вскоре после отъезда из Чембара весьма пространно и чисто дружеска детства и юности А. П. Иванову. «Алексей Петрович,— писал он,— очень радуюсь, что ты имеешь у себя бессмертные творения Жуковского: они есть самое лучшее украшение твоего шкапчика. Желаю, чтобы чтение оных было одним из первейших потребностей души твоей, чтобы они были пищею твоего ума, сердца и воображения; чтобы они доставляли тебе те чистые, небесные удовольствия, те возвышенные, благородные восхищения, которые только может доставлять душе образованной человека все высокое, все изящное! Умножай свою библиотеку,— но не для того только, чтобы иметь много книг, но чтобы просвещать свой разум, образовывать сердце, чтобы творческими произведениями великих гениев возвышать свою душу. Опять повторяю, пленяйся всем благородным, люби все изящное!» [XI, 21].

Эти строки исключительно ценны для характеристики молодого В. Г. Белинского, его взглядов на книгу. К тому же приведенная выдержка из письма А. П. Иванову окончательно рассеивает бытующие в некоторых белинсковедческих работах сомнения и всякие оговорки относительно того, имелись ли собрания книг в доме секре-

таря уездного суда и были ли у юного Виссариона дополнительные источники их получения.

То, что в Чембаре юный Виссарион уже располагал определенной суммой различных изданий, удостоверяют и другие источники. Во-первых, в письмах к родным он неоднократно напоминал о пересылке ему тех или иных книг. Например, в письме Петру Петровичу и Федоре Степановне Ивановым от 13 января 1831 года В. Г. Белинский просил их сказать брату Константину Григорьевичу, чтобы тот при первом же случае постарался переправить книги «Древнюю российскую вивлиофику» и «Journal des Debats», то есть «Журнал прений».

Во-вторых, важным подтверждением высказанного предположения может служить личная библиотека великого критика, бережно хранимая после его смерти И. С. Тургеневым. В ней имелось свыше двухсот изданий, относящихся к восемнадцатому — началу девятнадцатого века. Безусловно, часть из них была приобретена еще в Чембаре. Кстати, в описи библиотеки числится и названная выше «Древняя российская вивлиофика».

В-третьих, косвенными доказательствами могут служить в статьи и рецензии В. Г. Белинского, где он упоминает о прочитанных в детстве книгах. Причем в некоторых случаях передается не только их содержание, но и говорится о внешнем виде, качестве бумаги, иллюстрациях, шрифте. Такие подробные сведения можно было дать в основном о тех изданиях, которые находились под рукой, хорошо запомнились.

И каждый томик, каждый журнал, по определению самого Виссариона Григорьевича, прочитанные в башенке-светелке или где-то, уединившись в тенистом саду, примыкавшем к родному дому, открывали перед ним мир новых восприятий, заставляли по-иному всматриваться в окружающую действительность, в какой-то мере определяли призвание, заставляли обосновывать свое место в жизни. Поэтому весьма характерно, когда в одной из статей он прямо указывал, что «с отроческих лет по страсти» стал заниматься «русскою литературою и русским языком» [IX, 470].

Но формирование взглядов будущего революционного демократа заключалось не только в процессе штудирования всевозможных изданий и изучения учебной программы. Еще с большей пристальностью, чем раньше,

он всматривался в ту среду, которая его окружала.

В летнее время семья Г. Н. Белинского навещала своих родственников — помещиков Влазневых. Здесь юный Виссарион жадно слушал воспоминания о конце 100-летнего создата суворовских времен, видел заплесневелую чужой кровью крепостных крестьян. Не раз он был свидетелем наказания этих людей за ослушание или невыполнение барщинных работ.

Произвол и самоуправство «власть имущих» сын штаб-лекаря мог наблюдать и в самом Чембаре. Широкую огласку получило дело о кончине Кутушевой — жены чембарского капитан-исправника. За пролитый горшок молока она насмерть запорола свою дворовую женщину Емельяновну и, чтобы скрыть преступление, повесила ее в петлю. Судья А. И. Брюхатов, такой же крепостник, как и полицейский чиновник Кутушев, все следствие свел к самоубийству. Причем Г. Н. Белинский не был приглашен для осмотра трупа, и его заключение не фигурировало на суде, что противоречило всем существующим положениям. В результате нарушения процессуальных норм княгиню оставили на свободе, и она должна была понести лишь «церковное покаяние».

Кугушевы жили недалеко от Ивановых, которые знали истинность происшедшего события. Знала о совершенном беззаконии и семья штаб-лекаря. Может быть, и случай глубоко запал в душу Виссариона Григорьевича. Спустя несколько лет в письме Е. П. Ивановой он особо подчеркивал: «Вы очень меня обрадовали известием, что прекратили все сношения с Кугушевыми. Признаюсь: я этого не ожидал... Вы сделали самое лучшее дело в своей жизни, прервав все связи с этими людьми» [XI, 22]

По роду службы Григорию Никифоровичу приходилось часто выезжать в села уезда. В делах губернской врачебной управы и чембарского земского суда сохранилось около двухсот его рапортов, которые говорят о жестоком обращении с землепашцами. Так, 1 октября 1823 года он докладывал в Пензу о том, что «свидетельствовал тело крестьянина Павла Иванова села Никольского, Яковлевского уезда, тоншки Ареньевой и нашел следующее: на левой стороне лобной части три пятна, продолговатые в длину на полвершка, в ширину — четверть вершка... Под левым глазом прокол длиною в вершок и шириною — в четверть вершка. На шее виден кровавый ру-

бел. От [illegible] ран отравления Павел Иванов и скончался.[1]

В том же году 27 ноября штаб-лекарь доносил в Пензу: «в присутствии [illegible] стряпчего Власиева свидетельствовал скоропостижно умершего крестьянина [illegible] Абрама Алексеева, на теле которого по осмотру наружных знаков к отнятию жизни не оказалось, кроме изнурения снего...»[2] От [illegible] скончались в деревнях графа Разумовского Василий Иванов и Петр Скворцов, в селах Мяче и Невежкине — Евдоким Семенов и Иван Куравлев[3].

Помещики разоряли крестьян, доводили их до нищенского состояния. Об этом вынуждены были сообщать в своих рапортах даже официальные лица. «Проезжая по Чембарскому уезду, — писал в докладной записке на имя [illegible] губернатора [illegible] по случаю поручения [illegible], [illegible] Бога хранимыя, [illegible] Москову, замечено, что крестьяне находятся в изнурительном положении от недостатка хлеба и если довольствуются им, то составляют из лебеды и прочих растений, чего также скоро не будет»[4].

Жгучие вопросы социального неравенства и произвол властей волновали сына штаб-лекаря. Он видел глумление над народом со стороны крепостников-помещиков и чиновничье-полицейского аппарата. К тому же «на Виссариона,— вспоминал Д. И. Иванов,— сильно действовали рассказы отца и городские слухи о разных проделках чинов полиции. Его сильно возмущала тирания помещиков с крепостными людьми»[5].

Под влиянием крепостной действительности В. Г. Белинский, живя в Чембаре, писал: «Неужели человек во все продолжение своей жизни непременно должен страдать? Неужели [illegible] существо, которого мы называем богом, посылает людей на землю, как колодников на каторгу? Неужели его благость так ограничена, что он не хочет сделать свое лучшее творение счастливым *здесь* и *там*?..» [1, 462, 463].

---

[1] ГАПО, ф. 291, оп. 1, д. 6, л. 176.
[2] Там же, л. 205
[3] Там же, л. 108, 109, 111, 141
[4] Очерки истории Пензенского края. Приволж. кн. изд-во, Пензен. отд-ние, 1973, с. 132.
[5] В. Г. Белинский в воспоминаниях современников, с. 56.

В доме Ивановых юный Виссарион мог видеть своего дедушку Никифора Трифонова, которому было в то время около восьмидесяти лет. Характеризуя его, Екатерина Петровна вспоминала позже, что это был священник «благочестивой, святой жизни, его считали за праведника... он жил в келье и постоянно молился. Это был инок». По всей вероятности, навещал Чембар и брат штаб-лекаря — Андрей Никифорович, служивший священником в селе Белинке. В клировых ведомостях его аттестовали не всегда положительно. В одной из них говорится, что он находился под следствием, но по какому делу и за какие проступки, в документе не указано[1].

Не раз, видимо, в уездный город приезжала также сестра Григория Никифоровича — Ксения, которая была замужем за священником Саввой Ефимовым. В сохранившихся архивных материалах он характеризуется «поведения пьяного», «знания средственных», «прилежания в отправлении положенной службы «худого».

В Государственном архиве Пензенской области находится масса материалов по духовным особам, которые связаны с Чембарским уездом. Нередко для выяснения случившихся происшествий назначался Г. И. Белинский. Например, его заключения имеются в следственных делах «Об убийстве крестьянином села Клюзей Савелием Степановым дьячка села Аргамакова Василия Степанова», «Об убийстве священником села Пачелмы Ивановым посада Бологовых крестьянина Спиридона Терентьева»[2].

В последнем из них штаб-лекарь писал: «1822 года мая 15 дня... по сообщению Чембарского земского суда свидетельствовал с дворянским заседателем Пушкаревым. Спиридона Терентьева. По снятию с него одежи, на теле оказались следующие знаки: на правой руке ниже плеча рана, проникнутая до кости... длиною в полвершка. И оной руки близ ручной кисти кости переломлены. На левой руке таковой же прокол... пальцы от ударов в пятнах разной величины. То же самое на обоих ногах... От чего при описанных выше знаков и смерть ему Терентьеву наступила...»

Не мог не знать юный Виссарион и о таких поступках туземных лиц, как «О драке священника Иванова с зем-

---

[1] В. Г. Белинский. Сб. документов, с. 136

[2] ГАПО, ф. 34, оп. 1, д. 309, л. 17—18; д. 310, л. 12, 255

ком и пономарем села Полян», «О пьянстве и других проступках священника села Аргамакова», «О причинении разных обид священнику Васильеву пономарем Кузьминым села Куликовки», «О пьянстве и других проступках священника Андрея Трифонова села Тархова», «О недоразумении среди церковников сел Мачи и Полян», «О пьянстве дьячка г. Чембара Семена Федорова», «О пьянстве и воровстве церковнослужителей», «О поборах священников с прихожан»[1]. Были ему известны и [illegible] крестьян к церковнослужителям. В фондах Чембарского уездного суда можно встретить расследования «О [illegible] дьячка Ивана Никифорова», «О сожжении дома священника села Мачи», «О крестьянине Иване Алексееве и жене его Афимье Ивановой... в отступлении от веры христианской».

Все эти дела проходили через руки П. П. Иванова. Их, безусловно, обсуждали как в доме секретаря уездного суда, так и доме Григория Никифоровича. П. П. Иванов указывал в своих мемуарах: «Смотритель Греков, [illegible]ачей Велиж[illegible] и штаб-лекарь Бе[illegible] составляли триумвират закадычных друзей, сходившихся почти ежедневно и любивших покалякать и о старине, и современном им быте, как собственном, так и личностей, живших в городе и его уезде».

Кстати, следует заметить, что Г. Н. Белынский поддерживал близкие отношения и с другим учителем. Константин Григорьевич писал старшему брату: «В первом классе ныне новый учитель... Его фамилия Удинцов (Иван Андреевич), знает хорошо по-латыни, по-французски, по-немецки изрядно... Он с нами знаком... Судит об учености и других предметах умно, что я слышал из разговора его с папенькой, когда он у нас обедал»[3].

К предметам довольно важным», обсуждавшимся у Ивановых или в своем доме, старший сын штаб-лекаря прислушивался, может быть, с большим интересом, чем Константин Григорьевич. Не обходили в подобных беседах «закадычные друзья» и тех дел о «духовных лицах», которые приводились выше. И вполне допустимо, что в известнейшем письме к Н. В. Гоголю великий критик, го-

---

[1] См.: ГАПО, ф. 182, оп. 1, дд. 546, 7[illegible] 866, 950, 1054, 1057, 1161, 1163, 1166, 1167, 1168, 1181.

[2] ГАПО, ф. 34, оп. 1, дд. 183, 316, 319.

[3] Литературное наследство, с. 78, 109.

воря о духовенстве, невольно отразил в какой-то мере впечатления, вынесенные из далекого детства.

Вспоминая, видимо, своего деда, В. Г. Белинский писал, что «несколько отдельных, исключительных личностей, отличавшихся тихою, холодною, аскетическою созерцательностью, ничего не доказывают. Большинство же нашего духовенства всегда отличалось только толстыми брюхами, теологическим педантизмом да диким невежеством...» [X, 215].

В Чембаре юный Виссарион видел и самых именитых крепостников во главе с Александром I. О приезде его императорского величества в Пензу знали уже в конце 1823 года. На имя губернатора поступали [illegible] ные уведомления о пути следования царя, местах отдыха и ночлега, о приведении в порядок ямских станций, ремонте мостов и т. д.

5 июня 1824 года В. Г. Великопольский докладывал Ф. П. Лубяновскому о том, что из уездного казначейства на покупку сменных лошадей «для экипажей царствующих особ отпущено ямщикам чембарским 679, [illegible] ским — 696 и мочаленским — 736 рублей ассигнациями»[1].

В делах архива находится записка и о пребывании Александра I со свитой в Чембаре. В ней указано: «...в Сенчинне они изволили останавливаться в [illegible] ции: для Высочайшего путешествия тамже пока [illegible] няли лошадей... В Чембар прибыли в шестом часу пополудни... 30 августа, в день тезоименинства, его Императорское Величество были удостоены представлением служащих чиновников г. Чембара, а именно: городничий, уездный судья с заседателями, земский исправник и секретарь, городовой штаб-лекарь, экспедитор Чембарской почтовой экспедиции, народного училища смотритель, чембарский уездный предводитель и благородное дворянство. После чего Государь Император изволил шествовать к литургии, по окончании оной и по выходе из храма божия... отправился в путь...»[2]

В свиту его императорского величества входили начальник главного штаба генерал-лейтенант барон Дибич, командующий 2-м пехотным корпусом генерал от инфантерии князь Горчаков и другие высокопоставленные лица. Среди них находился президент Медико-хирурги-

---

[1] ГАПО, ф. 5, оп. 1, д. 1047, л. 11
[2] Там же, л. 112

ческой академии лейб-медик Я. В. Виллие — автор известного научного труда, которым когда-то был награжден в стенах учебного заведения Григорий Никифорович Белинский. Возможно, что он здесь не только встречался с сочинителем «Фармакопеи», но и разговаривал с ним, вспоминая годы, проведенные в Медико-хирургической академии и на Балтийском флоте.

Для размещения царя и его свиты отвели лучшее кирпичное здание, которое занимали уездные власти. На вопрос Двойта: «Кто пекся о благоустройстве казенного дома?» — городничий Лозовский ответил: «Дворяне Чембарского уезда, под непосредственным попечением предводителя Мосолова». С ним, как видно из архивного документа, беседовал Александр I, спрашивал его о военной службе и отставке.

Но В. Г. Белинскому запомнились не помпезность, с какой встречало дворянство царя, не та пышность, которая парила в уездном городке, не иллюминация, осветившая разукрашенными цветами прилегающую к Никольской церкви площадь, не четкий строй почетного караула. Ему запомнилось другое. Позже в письме Д. П. Иванову он указывал: «Помнишь ли ты, как отличались, как мило вели себя гвардейцы-кавалеристы, в царствование Александра, которого мы с тобою видели собственными глазами за год или за два до его смерти? Помнишь ли ты, как они нахальствовали на постоях, увозили жен от мужей, из одного удальства, были ужасом и страхом мирных граждан и безнаказанно разбойничали» [XI, 149].

Таким образом, годы пребывания Виссариона Григорьевича в училище явились важным этапом на пути его дальнейшего умственного и нравственного развития, переходным рубежом от детства к юности. Причем, рассматривая особенности развития того или иного подростка, великий критик писал: «Неужели человек в 14 лет — уже юноша? И время от 14 до 16 лет не составляет ли переходный период детства к юношеству? Кроме того, не случается ли, что один и в 18 лет смотрит ребенком, а другой в 14 обнаруживает интеллектуальную зрелость юноши?» [X, 137]. Последние слова целиком и полностью относятся к автору приведенных строк. Он действительно был «развит, как заметил И. И. Лажечников, не по годам». Впереди его ожидала Пенза, ее гимназия, новые ступеньки к самосовершенствованию.

В ПЕНЗЕНСКОЙ ГИМНАЗИИ

Губернский город приветливо встретил юного Виссариона. Положенные вступительные экзамены он выдержал успешно и был зачислен учеником первого класса гимназии, которая размещалась в двухэтажных кирпичных строениях, выходивших окнами на Никольскую, Московскую и частично Троицкую улицы. Почти напротив находилось красивое здание дворянского собрания. На гребне оборонительного вала, местами совсем разрушившегося, раскинулись помещения присутственных мест, а выше, через кафедральную площадь, виднелись дома губернатора и главы пензенской епархии.

Известный писатель-романист М. Н. Загоскин, выросший на пензенской земле, в своем произведении «Искуситель» так писал о городе на Суре: «...Я сам обезумел от удивления, смотря на длинную, обставленную высокими домами улицу, которая шла в гору и оканчивалась на вершине холма площадью. Мы ехали по Московской улице. Боже мой, что за дома! Каменные, расписанные разными красками, с лавками, балконами, с итальянскими окнами, в два и даже в три этажа. Что шаг, то новое удивление: вот зеленый дом с красною кровлею и огромными белыми столбами, вот розовые палаты с палевыми обводами около окон; вот дом совершенно пестрый, на воротах голубые львы с золотою гривою — какое великолепие!..»

Наряду с богатыми особняками в описи числились сотни домов мещан, мелких чиновников. У Гамбовской и Московской застав, Кузьмо-Демьянской, за ярмарками и площадью и вдоль берегов речек Пензы, Мокши тянулись, как отмечал М. Н. Загоскин, «ряды лачужек, одна другой безобразнее, в которых ютилась городская голытьба».

До начала учебного года, который начинался 1 августа, Григорий Никифорович подыскал для Виссариона

квартиру. Она находилась недалеко от гимназии: на Верхней Пешей улице, «довольно видной и чистой, — как свидетельствовал Д. П. Иванов, — застроенной каменными домами и выходившей на соборную площадь».

Хозяином В. Г. Белинского оказался пожилой вдовец, небогатый мещанин Я. А. Петров. Он занимался мелочной торговлей и основной доход получал с жильцов. В большом деревянном доме с мезонином проживал с семьей сын Иван Яковлевич, преподавший в гимназии рисование. Справа от этого дома во дворе с фруктовым садиком стояли три флигеля. В одном из них занимали просторную комнату семинаристы А. С. Голубинский — сын умершего протоиерея и М. С. Мереднанов, отец которого служил дьяконом. Они считались лучшими учениками семинарии, но стремились вырваться из духовного звания. Впоследствии оба юноши поступили в Казанский университет, получили звание лекарей первого разряда с обязательной службой в армии. Вместе с ними квартировали братья В. Г. и Н. Г. Соколовы, уроженцы Саратовской губернии, а также мелкий чиновник удельной конторы К. И. Вздвиженский.

Виссарион поселился по соседству с этой демократичной молодежью в другом флигеле, где занял отдельную комнату. Ее меблировка в отличие от домашней была несколько непривычна и проста. У стены стояла деревянная, выкрашенная в красный цвет кровать. Рядом притулился такой же незатейливый стол. Здесь же имелось несколько убогих стульев и перекошенная белая скамейка; на стенах — полки для книг и тетрадей. Позже, воскрешая в памяти годы пребывания в Пензе, В. Г. Белинский сетовал: «Учась в гимназии, я жил в бедности, скитался не по своей воле по сквернейшим квартирушкам...» [XI, 49].

В следующем учебном году вместе с Виссарионом стал жить прибывший после окончания уездного училища Д. П. Иванов. В своих мемуарах Дмитрий Петрович свидетельствовал: штаб-лекарь, конечно, нуждался в деньгах, передавал их Виссариону несвоевременно, «но сын его... был вполне обеспечен в главных своих нуждах». Он располагал большим запасом белья, как носильного, так и постельного, будничным и праздничным платьем, обувью, всеми учебными пособиями и принадлежностями.

Далее автор воспоминаний указывал: «Хозяин наш, Петров, сам любивший вкусно и плотно покушать, кор-

мил нас хорошо: горячее, которое составляли попеременно щи, суп или похлебка, борщ, лапша, всегда приготовлялось из свежей и лучшей провизии, с крепким мясным наваром или бульоном; мясо, подаваемое к горячему блюду, всегда заранее вынималось из горшка и слегка поджаривалось, от того было вкуснее и имело [illegible] нам с Виссарионом. Сверх этого мяса... подавалось особенное, жаренное с картофелем, и при нем огурцы; иногда в летнее или осеннее время жаркое состояло из белых свежих грибов или так называемых маслят... Все посты стол приготовлялся из соленой и свежей рыбы и грибов... Чай с молоком и без него, пили вприкуску, причем давался увесистый ломоть белого хлеба... За такое далеко не бедное содержание вместе с квартирой мы платили баснословно дешевую... невероятную цену: всего семь или восемь рублей в месяц порознь с каждого из нас...»[1]

С первых же дней окружающая обстановка напомнила В. Г. Белинскому о встрече с И. И. Лажечниковым. Здесь юный чембарец мог более подробно узнать о той деятельности, которой занимался Иван Иванович, будучи одновременно директором гимназии и народных училищ.

До его назначения в Пензу учебные заведения губернии возглавлял заслуженный дворянин А. Н. Данилевский. Безликий, лишенный малейшей инициативы, он больше всего заботился о сохранении благополучия своей многочисленной семьи, угодничал перед начальством, сеял склоки среди преподавателей вверенных ему гимназии. В результате она пришла в упадок.

В письме от 10 февраля 1820 года на имя попечителя Казанского учебного округа М. Л. Магницкого губернатор Ф. П. Лубяновский извещал: «...В сем круге службы, равно как и во всяком, все главнейшее зависит от людей, без искусства и доброй воли коих, самые добрые учреждения мало пользы принесут. Настоящий директор здешней гимназии исполнен усердия, но в глубокой старости трудно готовить себя к месту. Я поставил в виду господина визитатора Микшеева для сего звания титулярного советника Родищева, известного мне по любви к наукам и добрым правилам. Он мог бы, кажется, с большею пользою занять сие место»[2].

---

[1] В. Г. Белинский в воспоминаниях современников, с. 81, 82

[2] ЦГА Тат. АССР, ф. 92, оп. 1, д. 1051, л. 2.

Здесь шла речь о ком-то из сыновей первого русского революционера, писателя и философа А. Н. Радищева. Трудно сказать, почему Ф. П. Лубяновский несколько изменил написание фамилии. По-видимому, он знал М. Л. Магницкого как консерватора и мракобеса, которому хорошо был известен автор «Путешествия из Петербурга в Москву». Оба его сына Василий Александрович и Николай Александрович бывали в Пензе, сопричислялись с местным обществом. Последний из них поддерживал связи с поэтами В. А. Жуковским, К. Н. Батюшковым, П. А. Вяземским, составил биографию своего отца, напечатанную в шестом номере «Русской старины» за 1872 год. Он занимался переводами произведений немецкого романиста А. Лафонтена, в 1801 году издал известное в свое время «богатырское исполинское» «Альпина Новгородского и Чурила Пленкович», оказавшее, видимо, в какой-то мере влияние на поэму А. С. Пушкина «Руслан и Людмила».

Может быть, Ф. П. Лубяновский познакомился с Н. А. Радищевым еще в Петербурге и потому рекомендовал его на должность директора гимназии. Однако М. Л. Магницкий с ответом не спешил. Лишь через четыре месяца он направил губернатору короткую записку. В ней говорилось: «При отношении Вашего превосходительства от 10 февраля сего года, в коем рекомендуете для директорской должности, если бы открылась вакансия, титулярного советника г. Радищева, не приложен его послужной список. Почему покорнейше прошу Вас, милостивый государь мой, доставить мне оный для сведения и него надлежащего употребления в свое время»[1].

Когда М. Л. Магницкий писал эти строки, он уже знал о занятии должности, ибо еще в конце мая получил от А. Н. Данилевского рапорт о его отставке и направил в Петербург ходатайство о назначении ему пенсиона. Безусловно, Ф. П. Лубяновский понял смысл короткой записки и 29 июня направил попечителю округа ответ. «По отношению Вашего превосходительства от 8 сего месяца, — писал губернатор, — титулярный советник г. Радищев на требование от него и служного списка отозвался, что по обстоятельствам своим он не может ныне вступить в службу»[2].

---

[1] ЦГА Тат. АССР, ф. 92, оп. 1, д. 1051, л. 3
[2] Там же, л. 4, 5, 6.

Об освободившемся месте в Пензе узнал И. И. Лажечников. Поскольку в литературоведческих работах о его определении директором народных училищ губернии существуют разночтения, а порой допущены явные библиографические ошибки, приведу частично, лишь бы в развлечении, те документы, которые удалось обнаружить в архивах. 16 сентября он направил ходатайство министру М. Л. Магницкому, в котором доказывал, что нельзя занять должность директора училища в Воронеже, а предложили Херсон. Но так как обстоятельства его не соответствуют сему назначению, то и принять оного места не могу. Поэтому просил попечителя учебного округа направить его просителем на вакансию в Пензу. Рекомендовал И. И. Лажечникова известный знаток старины, начальник Московского архива коллегии иностранных дел А. Ф. Малиновский[1].

В. С. Нечаева в своем исследовании указывает, что будущий писатель-романист, оставаясь на военной службе до 1819 года, занимал привилегированное положение любимого адъютанта при графе Остен-Сакене[2]. Этого никак не могло быть. Во-первых, Д. Е. Остен-Сакен родился в 1790 году и в войне против Наполеона участвовал простым офицером, без всяких титулов. Во-вторых, в графское достоинство он возведен лишь после окончания Крымской войны, то есть в 1856 году.

Единственный пока обнаруженный послужной список И. И. Лажечникова, составленный в 1820 году, позволяет устранить и другие неточности. В графе «сколько роду лет» показано: 29. Следовательно, он родился не в 1792, а в 1791 году. В этом же документе сказано, что с 1804 по 1812 год Иван Иванович числился сначала студентом, а потом актуариусом в Московском архиве коллегии иностранных дел; затем вступил в Московское ополчение, из которого 24 декабря 1812 года в звании прапорщика переведен в гренадерский полк. 2 марта 1813 года назначен шефским адъютантом к генерал-адъютанту принцу Мекленбургскому Карлу, 14 апреля 1814 года — адъютантом к генерал-майору Полуехтову, где получил звание подпоручика. 18 февраля 1818 года переведен адъютантом к генералу от инфантерии графу Остерману-Толстому и 22 декабря 1819 года «уволен к статским делам». За проявленную храбрость во многих

[1] ЦГА Тат. АССР, ф. 92, оп. 1, д. 1047, л. 1, 2, 3.
[2] Нечаева В. С. Указ. соч., с. 97.

[illegible] награжден орденом Святой Анны 4-й степени и серебряной медалью[1].

В рапорте на имя М. Л. Магницкого, поданном 25 ноября 1820 года «от исправляющего должность директора [illegible] Пензенской губернии отставного гвардии-поручика И. И. Лажечникова», заключалась просьба о выдаче [illegible] «прогонных денег» к месту следования. В январе [illegible]ющего года он прибыл в Пензу. Ознакомившись с делами, Иван Иванович направил в Казань «подробное донесение о состоянии Пензенской гимназии».

О [illegible]ленному учебному заведению, докладывал и вновь директор, принадлежат два каменных дома с необходимыми пристройками. В верхнем этаже одного из них находятся четыре классные комнаты, а в нижнем этаже располагаются уездное и приходское училища. В другом доме «устроены комнаты для учителей и кладовая для продажной библиотеки». Все здания «носят на себе мрачную печать разрушения». В гимназии нет залы, кабинетов физики, математики, натуральной истории, библиотечной комнаты. «Книги не распределены по отделениям; нравственные, исторические и ученые творения перемешаны с романами, хранятся в неудобных шкафах...

Учебная часть находится в еще большем запущении. Число учеников весьма незначительно: их только 29. В третьем и четвертом классах не бывает более трех. Родители приписывают неохоту отдавать детей своих в гимназию беспорядкам в ней по учебной и нравственной частям. Впрочем при малейшей надежде их на лучшее устройство опять можно ожидать значительного приращения учеников.

В следующих разделах донесения И. И. Лажечников обстоятельно характеризовал преподавание каждого предмета. Лишь по математике, физике и рисованию ученики имеют успехи порядочные. По остальным же дисциплинам знания ниже средственных. В заключение он писал: «Сколько учебная часть, столько и нравственная пренебрежена. Худые поступки учителей, несогласия их и доносы друг на друга не могли быть хорошими примерами для учащихся. Покорность, порядок, чистота нравов и любовь к ближним чуждались пензенского учебного заведения, предназначенного для образования ума

[1] ЦГА Тат. АССР, ф. 32, оп. 1, д. 1047, л. 39, 40. Как видим, и в послужном списке Остен-Сакен не указан.

и сердца здешнего юношества». И на учителей и учеников никогда не вступала в хижины бедных, в тюрьмы и больницы; рука их, вместе с сердцем, никогда не спешила подать помощь страждущему человечеству[1].

Сравнительно за короткое время своего директорства Иван Иванович сумел расширить помещения, переоборудовать и отремонтировать их. Он обратил особое внимание на оснащение кабинетов учебными пособиями, методику преподавания и привлечение новых, знающих свое дело учителей. С 19 августа 1821 года старшими преподавателями стали Н. С. Дмитриевский и С. И. Васильев. Первый из них вел латинский язык, а второй — российскую и всеобщую историю, российскую и всеобщую географию, а также теорию статистики. В ноябре 1822 года в гимназии появился один из опытнейших педагогов, учитель естественной истории М. М. Попов. Из Тобольской гимназии был приглашен в июле 1821 года старший преподаватель поэзии и риторики В. І. Яблоновский. Новым экстраординарный профессор Г. С. Суровцев отзывался как о человеке, который «в течение сего времени не успел приобрести усердием, добротою, нравственностию своего доверия и благорасположения ни в городе, ни среди учащихся»[2].

В этом же отчете «визитатор» высоко оценил проделанную Иваном Ивановичем работу. «Гимназический дом, — докладывал он, — содержится в опрятности, чистоте и устройстве, которые делают честь распоряжениям и хозяйству директора Лажечникова. Физический кабинет и библиотека расположены в довольно обширной зале для публичных собраний... Классные комнаты разукрашены, чисты и удобны»[3].

Однако гость из Казани остался недоволен некоторыми действиями директора. Еще В. С. Нечаева обратила внимание на занятия Ивана Ивановича и под видом христианских и литературных бесед создать при гимназии литературное общество. «В 1821 году, — указывает она, — Лажечников разработал подробные «правила» этих бесед...» И ниже, после комментирования «всех сторон будущего общества», пишет: «Дальнейшая судьба этого начинания нам неизвестна, но самый факт это очень важен»[4].

---

[1] ЦГА Тат. АССР, ф. 32, оп. 1, д. 1047, л. 39, 40.
[2] ЦГА Тат. АССР, ф. 92, оп. 1, д. 1651, л. 21.
[3] Нечаева В. С. Указ. соч., с. 166.

Действительно, такое общество было организовано. Именно в нем-то и усомнился «ученый муж». В отчете ревизора М. Л. Малышевского сообщалось: «При гимназии открыта христианско-литературная беседа, для которой выписывается разных журналов и газет на гимназическую сумму более нежели на 200 рублей в год, а пожертвования от членов оной, как обязались вносить по 10 рублей, было в прошлом, т. е. 1823 году, только 120 рублей. Такая несообразность прихода с расходом для сей беседы в ученом заведении, в которое посторонние лица за малую плату собираются для удовлетворения, может быть, одного любопытства, читать журналы и газеты, узнавать политические новости, не представляет никакой выгоды, и, по чему мнению, чтобы напрасно не тратить деньги гимназические, должно сие собрание вовсе прекратить, если члены беседы не покажут чего-нибудь лучшего и полезнейшего»[1].

Правда, когда Г. С. Суровцев готовил свое донесение, И. И. Лажечников уже директором училищ Пензенской губернии не работал, ибо в конце 1823 года получил назначение в Казань[2]. Но ему, писал один из воспитанников гимназии, она вместо была обязана как внутренним устроением ее, так и отчетливым преподаванием предметов. Он строго следил и за учениками, и за наставниками, посещал часто классы во время учения и, как бы заменяя учителя, делал сам вопросы, уясняя ученикам рождавшиеся недоумения или что-либо трудно понимаемое, и поселял в памяти учеников любовь к науке и ко всему изящному»[3].

Порядок, установленный И. И. Лажечниковым, оказывал благотворное влияние и на последующую деятельность гимназии. Преподаватели и новый директор были, что им не придется краснеть за свое учебное

---

[1] ЦГА Тат. АССР, ф. 92, оп. 1, д. 1651, л. 25

[2] ГАПО, ф. 81, оп. 1, д. 4. «Об определении медико-хирурга Галкина директором Пензенских училищ». В этом деле говорится: «Удовлетворить жалованием бывшего директора Пензенской гимназии Лажечникова по 11 декабря 1823 года включительно...» Однако во всех энциклопедиях, в примечаниях к книге «В. Г. Белинский в воспоминаниях современников» и других изданиях указывается его уход из Пензенской гимназии в 1821 году, что не соответствует действительности.

[3] Исторический очерк Пензенской 1-й гимназии с 1804 по 1871 г. Составил П. П. Зеленецкий. Пенза, 1889, с. 21—25.

заведение, когда его посещал Александр I. В рапорте попечителя учебного округа от 22 сентября 1824 года говорилось: «...Государь император осчастливил гимназическим посещением, осматривал классы и [illegible] и обратил милостивое внимание на выдержа Пенза, представленных в карнавах учителя Петрова, и ученические сочинения. Во все время бытности Его Императорского Величества в гимназии директор Галкин имел счастие удостоиться многих вопросов, относящихся как до гимназии, так и до прежней его флотской службы»[1].

Этот директор пробыл в гимназии недолго, до октября 1825 года. Но его биография могла заинтересовать сына штаб-лекаря. Н. А. Галкин на шлюпе «Мирный» — легком парусном судне, которым командовал известный флотоводец М. П. Лазарев, совершил кругосветное путешествие в составе первой антарктической экспедиции под руководством выдающегося мореплавателя Ф. Ф. Беллинсгаузена. В течение 1819—1821 годов русские моряки исследовали южные границы Мирового океана, открыли десятки островов и материк Антарктиду. Возможно, что В. Г. Белинский слышал рассказы о занимательном и вместе с тем смелом плавании. Позже он будет весьма высоко оценивать книги, посвященные подобным темам, напишет три рецензии на сборник «Всеобщее путешествие вокруг света».

Н. А. Галкина сменил надворный советник А. Г. Киселев, книголюб, человек высокой культуры, впоследствии учредитель и попечитель первой в Пензе общественной библиотеки. Однако Александр Григорьевич не смог «работать» с мракобесом и приверженцем всего передового М. Л. Магницким и в феврале 1826 года подал в учебный округ рапорт с просьбой освободить его от занимаемой должности по болезни[2]. Вместо него с марта 1826 года «означенную должность» поручили исправлять старшему учителю Н. С. Дмитриевскому[3]. Таким образом, юного гимназиста окружали не только «тупицы, педанты, буквоеды», как об этом писали некоторые белинско-

---

[1] ЦГА Тат. АССР, ф. 92, оп. 1, д. 1795, л. 10.

[2] ЦГА Тат. АССР, ф. 92, оп. 1, д. 1820, л. 3, 5, 6.

[3] В. С. Нечаева в своем исследовании [с. 170] указывает: «Осенью 1825 г. Дмитриевский был назначен исправляющим должность директора и занимал ее с 10 октября 1825 г. до 23 марта 1828 г., т. е. почти все годы учения Белинского в гимназии». Приведенные архивные документы не подтверждают такую трактовку.

веды, но и люди знающие, трезво смотревшие на окружающую среду.

Наиболее передовые лица из числа дворян, разночинной интеллигенции, служащих губернских заведений объединялись в кружки, создавали своего рода оппозицию местным «Скалозубам, Фамусовым, Сквозникам-Дмухановским и им подобным. Об этом свидетельствуют многие архивные документы. В частности, гвардии-ефрейтор-чембарец мог слышать рассказы о поручике Елисе Елисаветове, сутящемся за первые разговоры и находящегося по высочайшему повелению под строгим секретным надзором», о бдительном наблюдении, «учиненном по прапорщиком Черкасовым, об отношении корнета гвардии [illegible] Маслова о доставлении сведений о коллежском регистраторе Тезикове», о рапорте «исправляющего должность Московского обер-полицмейстера о надзоре за студентом Лебедевым, отбывшим в Пензу[1]. С братом последнего Клавдием Лебедевым В. Г. Белинский учился в одном классе и постоянно дружил

Надо вспомнить и о том, что в городе на Суре почти четверть века квартировал Пензенский пехотный полк, в котором служили будущие декабристы поручики П. Ф. Громницкий и Н. Ф. Лисовский, подпоручики П. Д. Мозган и А. Ф. Фролов, капитан А. И. Тютчев, майор М. М. Спиридонов и другие. Они поддерживали связи с определенными кругами дворянства, бывали на вечерах и, безусловно, находили сторонников своих убеждений. Особенно этим гостеприимством мог пользоваться П. Ф. Громницкий, который родился, провел годы детства и отрочества в Керенском уезде. После перевода Пензенского пехотного полка в 1823 году на Украину он переписывался с родными и, видимо, с кем-то из служащих губернского центра. Поэтому не удивительно, что при допросах его спрашивали: «Существовала или была существовать она из управ злоумышленников в Пензе?»

Были в Пензе и другие близкие к кругу декабристов люди. В архивах пока не удалось обнаружить более достоверных источников. Но 9 августа 1826 года на имя шефа жандармов А. Х. Бенкендорфа поступило от его сотрудника М. М. Фока очередное сообщение о негласном надзоре. В нем говорилось: «Слух о сборищах у

---

[1] ГАПО, ф. 5, оп. 1, д. 1124, л. 6, 7, 9, 11, 13.

довы *Рылеевой*, о которых я упоминал в предыдущих моих письмах, вызван был следующим фактом: Г-жа *Малютина*, узнав, что вдова Рылеева уезжает в Пензу, обратилась к военному губернатору с просьбой о возвращении ей бумаг, касающихся опеки ее детей, одним из которых был покойный Рылеев. Вследствие этого полицейский офицер, в сопровождении поверенного Малютиной, коллежского асессора *Сигова*, отправился к Рылеевой за означенными бумагами. Это-то обстоятельство и подало повод говорить о сборищах...

Между дамами, две самыя непримиримыя и всегда готовыя разрывать на части правительство, — княгиня *Волконская* и *генеральша Коновницина*. Их частные кружки служат средством для всех недовольных, и нет брани злее той, какую оне извергают на правительство и его слуг»[1].

Из приведенного документа видно, с какими мыслями и настроениями собиралась в Пензу Н. М. Рылеева, урожденная Тевяшева. Трудно предполагать, у кого она надеялась найти приют, какие решить вопросы в этом городе. Однако со всей уверенностью можно сказать, что Наталья Михайловна имела адресата надежного, который, несмотря на жестокие преследования за связь не только с декабристами, но и их семьями, готов был разделить с ней постигшее горе — ведь К. Ф. Рылеева казнили 13 июля 1826 года.

О вольнолюбивых настроениях какой-то части местного общества писал и Ф. Ф. Вигель. Побывав ранее во многих городах России, он был поражен несвойственным духом Пензы, где, по его словам, ему в первый раз пришлось услышать насмешки над религией, хулы на бога и эпиграммы на богородицу. Причем, свидетельствовал мемуарист, подобные мнения высказывали люди, которые были «совершенно неучи». Автор «Записок» был крайне удивлен тем, что «либерализм и безверие так рано забрались в такое захолустье, когда ни в Киеве, ни в Петербурге и Москве он даже об этом не разумел». И далее, излагая свои наблюдения, Ф. Ф. Вигель писал: «Я не хочу быть пророком, но, судя о будущем по прошедшему и настоящему, и теперь уверен... что если б когда-нибудь (помилуй нас боже) до дна раскалывалась

[1] Эпоха Николая I. Под редакцией М. О. Гершензона. М., 1910, с. 128.

Р[illegible], если б западные ветры нагнали на нее свирепую бу[illegible] то первые ее валы вздыматься будут в Пензе[illegible]

Рассматривая конкретные условия, в которых находилось знакомое Ф. Ф. Вигелю общество, можно сделать вывод, что его суждения имели под собой надлежащую основу. Пензенская губерния являлась средоточием самых отвратительных по жестокости условий жизни помещиков. Постоянно усиливалась эксплуатация крепостных крестьян, их притеснения. Не в лучшем положении находились многие разночинные слои населения. Из [illegible] на лучшие общественные борцы молодые люди, впитывавшие в себя передовые идеи. Это [illegible] захватывало и наиболее прогрессивно мыслящих представителей дворянства, которые видели всю несостоятельность и нетерпимость крепостного рабства.

Поэтому вполне естественно, что в числе декабристов было около полутора десятка дворян, связанных с пензенским краем. Среди них братья А. П. и П. П. Беляевы, И. Н. Горсткин, выросшие в Чембарском уезде, Н. А. Панов, братья А. В. и А. В. Веденяпины, П. Ф. Громницкий, И. А. Анненков, А. А. Тучков, С. И. Кривцов и другие. Кроме того, в восстании на Сенатской площади и особенно в выступлениях декабристов на Украине участвовали пензенские крестьяне, одетые в солдатские шинели. Так, рядовые Пензенского полка Петр Гульбин, Иван Бо[illegible], Андрей Муркин были привлечены к ответственности [illegible] с полковником С. И. Муравьевым-Апостолом [illegible] руководителем Южного общества декабристов. В приговоре военно-судебной комиссии говорилось, что они выслушивали от него «дерзновеннейшие поношения на службу, начальство и на особу государя императора, с выражением согласия содействовать в его преднамерениях» и «подговаривать к тому прочих своих товарищей» [2].

До сего времени нет прямых указаний, которые бы подтверждали знакомство В. Г. Белинского в пензенский период его жизни с событиями на Сенатской площади и Украине. Однако можно безошибочно сказать, что через старших товарищей, особенно через отца, он мог и знать о выступлении декабристов и понять их идеи.

---

[1] Вигель Ф. Ф. Указ. соч., ч. I, с. 215, 216.

[2] Восстание декабристов. Материалы и документы. Т. I—IX. М.—Л., 1925—1958, т. IV, с. 377, 378

Во-первых, Г. Н. Белынский, обслуживая по совместительству Керенский уезд, по своему положению был познакомиться с командиром 12-го Черского драгунского полковником А. М. Булатовым — прославленным участником Отечественной войны 1812 года, награжденным за храбрость, многие ранения золотой саблей и орденами. Он прибыл из Петербурга в Керенск в начале 1821 года. Здесь его жена Елизавета Ивановна безнадежно заболела. По всей вероятности, в ее лечении участвовал и чембарский штаб-лекарь, но спасти жизнь молодой женщине не удалось. На ее могиле Александр Михайлович выстроил новую церковь.

Во время военных учений 2-го корпуса под Пензой Александр I объявил А. М. Булатову благодарность «за умелое командование полком»[1]. Вместе с полковым лекарем Емельяновым Григорий Никифорович неоднократно свидетельствовал больных и умерших «нижних чинов и обывателей» уездного городка[2].

Будучи в Керенске, Александр Михайлович поддерживал постоянную переписку с П. И. Пестелем, К. Ф. Рылеевым, П. Г. Каховским, С. П. Трубецким, Н. А. Бестужевым, Н. А. Пановым. О связях старшего сына с каким-то обществом стало известно отцу, генералу Михаилу Леонтьевичу Булатову. Отправляясь к месту службы в Омск, он побывал в Керенске и в одном из писем к среднему сыну сообщал отсюда: «Александра вразумил, будет помнить урок и забудет своих масонов»[3].

Однако беседы отца «не вразумили» А. М. Булатова. Преданный избранному делу, оставив на попечение бабушки, урожденной Каринской, малолетних дочерей Пелагею и Анну, он без всякого разрешения покинул полк и отбыл в Петербург. 3 декабря у него в доме состоялось совещание, на котором присутствовали Н. А. Панов, А. Н. Сутгоф, Н. А. Бестужев. А спустя некоторое время в Керенске стала известна его дальнейшая судьба. 15 декабря А. М. Булатов был арестован и заключен в Петропавловскую крепость. На допросах никого не выдал. Опасаясь, что при жестоких пытках или очных ставках может назвать других, не известных следственной комиссии лиц, Александр Михайлович 19 января 1826 года покончил жизнь самоубийством.

---

[1] ГАПО, ф. 5, оп. 1, д. 1047, л. 124.
[2] ГАПО, ф. 291, оп. 1, д. 6, л. 6, 16, 191.
[3] Русская старина, январь, 1887, с. 206, 207, 216.

Не исключено, что Григорий Никифорович знал также родителей П. Ф. Громницкого, а возможно, и их сына. Его отец Федор Григорьевич занимал в Керенске должность земского судьи. Когда оставил гражданскую службу, постоянно проживал или в уездном городке, или в селе Артамасс, где находилось его небольшое имение.

Мог Г. Н. Белынский встречаться и с братьями Беляевыми. Александр Петрович и Петр Петрович зиму с 1824 на 1825 год проводили у матери в селе Ершове, в котором их отец ранее работал управляющим в имении графа А. К. Разумовского. Офицеры Балтийского флота, бывали в Чембаре, могли заинтересовать штаб-лекаря рассказами о знакомых сослуживцах, жизни военных моряков.

Во-вторых, в средине июля 1826 года в газете «Русский инвалид, или Военные ведомости», которую выписывали в Чембаре и Пензенской гимназии, штаб-лекарь и его старший сын прочитали приговор, вынесенный верховным уголовным судом декабристам. Среди многих, подвергнутых строжайшему наказанию, лишенных чинов и дворянского звания, встречались знакомые фамилии П. Ф. Громницкого и Н. А. Анненкова, приговоренных к двадцати годам каторжных работ, А. П. и Н. Н. Беляевых — к двенадцати годам каторги и каждого с последующим поселением в Сибири.

Г. Н. Белынский горел желанием собрать более подробные сведения об осужденных. Он бывает в Ершове, посещает поселки в Керенск и, наконец, в село Голодяевку, удаленную от Чембара на сорок с лишним верст, а не на «3—4 версты», как пишут В. С. Нечаева и, ссылаясь на ее монографию, другие авторы.

Здесь за всю свою службу штаб-лекарь, судя по его отчетам, никогда ранее не бывал, а посылал сюда старшего ученика А. Г. Герасимова. Но вот в свое имение 8 августа 1827 года прибыл состоящий под строгим полицейским надзором член Союза благоденствия Н. Н. Глебов. И штаб-лекарь нарушил установившиеся маршруты. Он забирается в один из самых удаленных уголков уезда. До сих пор этот факт в ряде белинсковедческих работ брался под сомнение, ибо не было точных документальных подтверждений. Однако в делах губернской врачебной управы удалось обнаружить рапорт от 27 сентября 1828 года, в котором Григорий Никифорович сообщал, что в течение «апреля, мая, июня,

ноли делал прививки предохранительной оспы в городе Чембаре и сельце Голодяевке»[1].

Безусловно, Г. Н. Белинский встречался с политическим декабристом, причем неоднократно. Видимо, и содержание бесед с ним удовлетворяло штаб-лекаря, так как не случалось еще, чтобы он на протяжении четырех месяцев отправлялся в одно село, да к тому же столь отдаленное.

Обо всем услышанном Г. Н. Белинский рассказывал, по всей вероятности, сыну Виссариону, давал ответы на возникавшие вопросы. Если вспомнить о мемуарах Д. П. Иванова, то можно предположить, что штаб-лекарь обсуждал случившиеся события с А. А. Грековым, который по неосторожности мог в училище выразить симпатию участникам восстания на Сенатской площади. И вот эти беседы и связь с Г. Н. Белинским послужили, вероятно, основанием для «виньетки» В. Я. Булгарина характеризовать смотрителя училища «неизвестностию».

Григорий Никифорович не только доверительно сообщал старшему сыну «о разных проделках чинов и полиции», «о смелом поступке лучших сынов Родины, выступивших во имя благоденствия народа», но и учил его осторожности, умению скрывать свои непозволительные мысли. Даже позже, когда В. Г. Белинский находился в Москве, отец не раз напоминал ему пословицу: «Ешь пирог с грибами, да держи язык за зубами». В другом письме предостерегал о том, что ходить «к толстосумой Владыкиной можно», да должно помнить, «и у стен уши бывают». Говоря современным языком, эту конспирацию Виссарион Григорьевич соблюдал всегда.

Вот почему во всей белинсковедческой литературе ставится вопрос: «Как случилось, что великий критик нигде не высказал своего отношения к декабристам?» Некоторые авторы считают подобную проблему неразрешимой, ибо В. Г. Белинский якобы не имел ясных представлений о событиях на Сенатской площади. Пожалуй, наоборот, он не только был осведомлен об этих событиях, но и высоко ценил идеи участников движения 14 декабря 1825 года. На наш взгляд, именно о них столь сочувственно говорил Виссарион Григорьевич в «Литературных мечтаниях». Рассматривая развитие русской словесности и общественной мысли в двадцатых годах, он пи-

---

[1] ГАПО, ф. 291, оп. 1, д. 8, л. 434.

сы... «Итак, период *Никитинский* был ознаменован движением жизни в высочайшей степени. В это десятилетие мы перечувствовали, перемыслили и пережили всю умственную жизнь Европы, эхо которой отдалось к нам через Балтийское море». От этого десятилетия, столь живого и деятельного, столь обильного талантами и гениями, уцелел едва один Пушкин и, осиротелый, теперь с грустью видит, как имена вместе с ним взошедшие на горизонт нашей словесности, исчезают одно за другим в пучине забвения... В самом деле, где же теперь эти юные надежды, которыми мы так гордились? Где эти имена, о коих бывало только и слышно? Почему они все так внезапно смолкнули?..» [I, 70, 71]. И с горечью добавлял: «..теперь из них

Иных уж нет, а те далече,
Как Сади некогда сказал!»

Так отдал начинающий критик дань почтения тем людям, которые вселяли надежды на лучшее будущее и которыми гордилось молодое поколение. Вместе с ним разделяли подобные мнения его некоторые соученики. Сразу же по прибытии в гимназию он особенно сдружился с Дмитрием Калининым. Вопреки существовавшим обычаям, сын штаб-лекаря сел с юношей из крепостных крестьян за одну парту. Они были сверстниками, их объединяла любовь к простому народу, роднила общность демократических настроений. Судя по отметкам, Д. Калинин являлся способным и подготовленным учеником, но по каком-то причине остался в первом классе на второй год. Однако и здесь в ведомости с 1 августа по 25 декабря 1826 года его успехи и поведение оценены высшим баллом — четверкой[1]. И все же дальше в гимназии оставался он не мог, так как на основе царского рескрипта «в учебных заведениях должны были находиться лица свободных состояний».

С симпатией, безусловно, относился В. Г. Белинский к Николаю Корнжину, который сначала именовался в документах воспитанником Василия Александровича, а потом Николая Александровича Радищевых. Он так же, как и Д. Калинин, был одного возраста с Виссарионом и мог заинтересовать последнего творениями отца своих благодетелей. Возможно, именно через него будущий

[1] В. Г. Белинский. Сб. документов, с. 167.

революционный демократ познакомился с [illegible] в то время под строжайшим запретом книги «Путешествие из Петербурга в Москву», узнал более подробные сведения о нелегкой судьбе ее автора, его посмертных изданиях.

В гимназии В. Г. Белинский учился не всегда ровно и с переменными успехами, хотя здесь условия были значительно лучше, чем в уездном училище. Для иллюстрации преподаваемых предметов имелось 126 серебряных и бронзовых медалей, монет и жетонов, 694 единицы «минералов, окаменелостей из царства животного и растительного мира, раковин и кораллов». Эти [illegible] хранились в специальных шкафах, стоявших в парадном зале. Учитель математики и физики имел в своем распоряжении около восьмидесяти приборов, при помощи которых демонстрировал те или иные опыты, на уроках географии, истории, в зависимости от изучаемых тем, применялось около сорока карт, чертежей, а также глобусы, картины, атласы.

Гордостью гимназии являлась фундаментальная библиотека. В ней, как отмечалось в отчете, на 10 августа 1827 года насчитывалось свыше [illegible] названий различной литературы, в том числе: «...богословских 39 экземпляров, математических — 40, исторических — 122, путешествий и землеописания — 81, по природоведению — 68, философии — 51, законоведения — 55, [illegible] словесности — 96, словесности — 179, романов — 62 экземпляра». Кроме того, учащиеся могли пользоваться ста тридцатью комплектами журналов и газет[1].

С первых же дней В. Г. Белинский проявил полное безразличие к урокам священников И. Дубовского, Ф. Островидова и Д. Жмакина. С одной стороны, это объяснялось тем, что учебная программа по закону божьему почти ничем не отличалась как по объему, так и по содержанию от училищного курса. С другой стороны,

[1] ЦГА Тат. АССР, ф. 92, оп. 1, д. 2505, л. 62, 83, 84. В. С. Нечаева, ссылаясь на «Исторический очерк Пензенской 1-й гимназии с 1804 по 1871 г.», составленный П. П. Зеленецким, пишет: «К 1828 г., когда Белинский расстался с гимназией, всего в библиотеке было 913 названий, а количество доходило до 3000» [с. 197]. Здесь допущена явная ошибка. Такое число названий отмечалось именно в отчете 10 августа 1827 г., т. е. на день ревизии В. Я. Булыгина. А к уходу Белинского — конец декабря 1828 г.— прибавилось еще почти 40 названий.

преподавание этого предмета было весьма слабым. Д. И. Иванов отмечал в своих воспоминаниях: «Буквальное заучивание катехизиса и священной истории Ветхого и Нового Завета вменялось в непременную обязанность гимназиста... В бытность мою в гимназии сменилось трое законоучителей... Они... произносили в качестве объяснений целые проповеди перед своими учениками и более всего для собственного самоуслаждения, не заботясь о том, усвоены ли эти толкования смиренными слушателями, и в конце концов довольствовались знанием мертвой буквы учебника»[1].

Из гимназических ведомостей видно, что в первом классе Виссарион почти половину уроков закона божьего пропустил, в графе «успехи и поведение» проставлена двойка. Подобная же история повторялась и во втором классе. Например, за январь и февраль 1827 года он ни на одном из десяти уроков не присутствовал. В графе «успехи» стоит единица, а поведение оценено двойкой[2].

Несколько лучше обстояло дело с математикой. Преподаватель Я. П. Ляпунов, имевший за плечами богатый опыт, любивший и знавший свой предмет, был уже стар, разбит параличом и в силу этого не мог без посторонней помощи передвигаться по классу. Поэтому чаще всего Яков Прохорович диктовал свои объяснения, а кто-то из лучших учеников записывал их на доске. И хотя у В. Г. Белинского не было особой склонности к точным наукам, однако его знания на протяжении всех лет пребывания в гимназии позволяли держать ежегодные испытания по математике и переходить в следующий класс, а впоследствии сдать по этому предмету экзамен при поступлении в Московский университет.

Значительно ровнее у него шел латинский язык, который преподавал Н. С. Дмитриевский — выпускник Казанского университета. Николай Степанович старался развивать интерес к своему предмету, умел, по словам мемуариста, в иную пору, и кстати, освежить слушателей «среди скучных по своему содержанию занятий какой-нибудь остротой, шуткою, вызывавшею общий смех и на мгновение нарушавшею обычный строгий порядок». Но, несмотря на это, он, судя по отчетам и ведомостям гимназии, слабо владел методикой, насаждал схоласти-

---

[1] В. Г. Белинский в воспоминаниях современников, с. 61, 65.
[2] В. Г. Белинский. Сб. документов, с. 165, 166, 177, 182.

ку, не отступал от тех положений, которые были зафиксированы в учебнике Н. Ф. Кошанского. И вполне естественно, что Григория Никифорович, как уже говорилось ранее, выражал неудовлетворенность и учением латыни в Пензенской гимназии.

Высшие оценки В. Г. Белинский получал по трем предметам, которыми увлекался, считал их своим призванием. До наших дней сохранилась книга «Руководство к механике и гидравлике для народных училищ Российской империи», оставшаяся, видимо, неприкосновенным бременем в библиотеке учебного заведения за неимением покупателей. Однако ее ценность заключается в другом. На обратной стороне обложки с приложением сургучной печати сделана надпись: «Пензенской гимназии ученику 2-го класса Виссариону Белинскому за благонравие и успехи из логики и риторики, истории и географии, дана в торжественном собрании июня 26 дня 1827 года».

По этому случаю Д. П. Иванов оставил весьма пространную запись. «Награда была дана,— удостоверял он,— за успехи только по четырем предметам, об остальных не упоминается, потому что учение по ним не заслуживало публичной похвалы; однако же оно было настолько удовлетворительно, что не мешало назначению награды... Поощрить Белинского начальство и педагогический совет считали необходимым не по одному ходатайству преподавателей этих предметов, но и по личному убеждению в дарованиях и прилежном достоинстве ученика»[1].

По перечисленным в надписи подаренной книги дисциплинам Виссарион считался едва ли не самым успевающим гимназистом. А в отчетах по классу российской словесности он назван среди «отличнейших учеников». Весьма глубокие знания у него были в изучении славянского языка, статистики и природоведения, или, по тогдашней терминологии, естественной истории[2].

Как свидетельствовали авторы воспоминаний, сын штаб-лекаря, обладая редкой памятью, которой всегда отличался, легко усваивал положенную программу. К тому же по своей обширной начитанности он приводил на уроках риторики, русской словесности множество других

---

[1] В. Г. Белинский в воспоминаниях современников, с. 68, 69.
[2] См.: В. Г. Белинский. Сб. документов, с. 232, 203, 190 и 205.

примеров, далеко выходящих за рамки официальных учебников.

Следует отметить еще одну характерную особенность, свидетельствующую об особом прилежании гимназиста к урокам В. Е. Яблонского, а позже — Г. М. Шапошникова. В. Г. Белинский критически относился как к учебным пособиям, так и всей системе преподавания логики, риторики и русской словесности. [illegible] поиски новых методов постижения этих дисциплин на более [illegible] основе, на [illegible] теоретических положений и самой практики.

3 июля 1837 года в письме Д. П. Иванову Виссарион Григорьевич указывал: «...теперь обдумываю план большого сочинения под названием «Полный курс словесности для начинающих». Он будет состоять из нескольких частей или отделений: изданная мною грамматика будет составить первую часть; во второй будут заключаться *низший* синтаксис... третью часть составит *высший* синтаксис... В особенной части изложится... теория стихосложения вообще и русского в особенности. Эстетика и хрестоматия займут несколько частей».

Подводя итог своих планов и намерений, В. Г. Белинский писал в заключение: «Еще будучи в гимназии, я мечтал о сочинении этой книги; теперь настало время, потому что мысли мои об этих предметах созрели, и я почитаю себя способным на выполнение такого важного дела. Мне хотелось бы приняться за это... но без логики я как без рук. Бога ради, милый мой, достань где-нибудь поскорее и вместе с грамматикой Греча... пришли» [XI, 139].

В приведенном письме раскрывается и другая сторона интересов Виссариона — это вопросы эстетики. Уже в гимназии у него развивается критический подход к оценке литературных произведений не только с точки зрения содержания, но и формы. Он стремится познать законы, по которым развивается искусство, саму природу художественного творчества, своеобразие слога того или иного писателя, поэта, элементы выразительности речи, ее логическую и стилевую окраску. Поэтому вполне естественно, как удостоверяет Д. П. Иванов, никто лучше В. Г. Белинского не обладал прелестью и увлекательностью рассказа. Он слыл в гимназии за природного оратора, маленького Перикла, философа. Причем его отличало остроумие, умение искусно пользоваться пословица-

ми, поговорками, меткими высказываниями, отрывками из басен и стихотворений.

Чарующий облик молодого чембарца выразился в своих письмах-воспоминаниях М. М. Попов — один из образованнейших учителей. «Во время бытности Белинского в Пензенской гимназии, — свидетельствовал Михаил Максимович, — преподавал я естественную историю... По летам и тогдашним отношениям излишним он был неразлучен мне, но не помню, чтоб в Пензе с кем-нибудь другим я так душевно разговаривал, как с ним, о науках и литературе...

Дома мы толковали о словесности; в гимназии он, с другими учениками, слушал у меня естественную историю. Но в Казанском университете я шел по филологическому факультету, и русская словесность всегда была моей исключительной страстью. Можете представить себе, что иногда происходило в классе естественной истории, где перед страстным, еще молодым в то время, учителем сидел такой же страстный к словесности ученик. Разумеется, начинал я с зоологии, ботаники или орнитогнозии (минералогии — *Н. М.*) и старался держаться этого берега, но с средины, а случалось и с начала лекции, от меня ли, от Белинского ли, бог знает, только естественные науки превращались у нас в теорию или историю литературы. От Бюффона-натуралиста я переходил к Бюффону-писателю, от Гумбольдтовой географии растений к его «Картинам природы», от них к поэзии разных стран, потом... к целому миру в сочинениях Тацита и Шекспира, к поэзии в сочинениях Шиллера и Жуковского... А гербаризации? Бывало, когда отправляюсь с учениками за город, во всю дорогу, пока не дойдем до засеки, что позади городского гулянья, или до рощей, что за рекой Пензой, Белинский пристает ко мне с вопросами о Гете, Вальтере Скотте, Байроне, Пушкине, о романтизме и обо всем, что волновало в то доброе время наши молодые сердца».

Воспроизводя в памяти свои прежние наблюдения за любимым воспитанником, М. М. Попов писал, что и в годы учения Виссарион обнаруживал больше всего способность к критике, душою его мыслей, разговоров всегда были суждения о писателях. «Еще в гимназии, — констатировал Михаил Максимович, — он пробовал писать стихи, повести прозой — дело туго, не клеилось, написал грамматику — не то вышло. Принялся за критику и — по-

нило писать... После того... ни жажда денег, ни слава быть стихотворцем или беллетристом — ничто уж не совлекло его с избранного пути... Он родился, жил и умер критиком»[1].

Эти строки из воспоминаний М. М. Попова в значительной мере подтверждаются самим В. Г. Белинским. «Бывши во втором классе гимназии,— указывал он,— я писал стихи и почитал себя опасным соперником Жуковского, но времена переменились. Вы знаете, что в жизни юноши всякий час важен: чему он верил вчера, над тем смеется завтра. Я увидел, что не рожден быть стихотворцем... Рифма мне не дается... и я нашелся принужденным приняться за смиренную прозу. Есть довольно много начатого — и ничего оконченного и обработанного...» [XI, 36].

Здесь ярко просматривается взыскательный подход к собственноручным сочинениям. Для юного Виссариона творчество В. А. Жуковского казалось пройденным этапом, следовательно, и стихи, написанные в таком же плане, не могли увидеть свет. Их нельзя было посылать, считал В. Г. Белинский, не только «в альманах, где собирается все отличное, но даже и в «Дамский журнал».

Обширная гимназическая программа заставляла умело распределять время на подготовку уроков и другие дела. По свидетельству Д. П. Иванова, у сына штаб-лекаря не пропадала даром ни одна минута; он или читал, или списывал что-нибудь прочитанное в тетрадь, или беседовал с дельными людьми, или предавался в одиночку размышлениям.

Выработке такого трудолюбия в немалой степени способствовало и постоянное общение с семинаристами, с которыми квартировал гимназист у Я. А. Петрова. Рассказывая в записке А. Н. Пыпину о прошедшей юности, Дмитрий Петрович удостоверял, что, видя перед собой суровую жизнь этих закаленных в нужде тружеников, умевших довольствоваться самыми малыми средствами, терпеливо переносивших всякого рода лишения, он и Виссарион постепенно учились безропотному перенесению житейских невзгод, мужали и крепли духом, запасались той силой, без которой невозможна никакая борьба.

Особенно важны сообщения мемуариста о том, какую пользу приносили Виссариону оживленные споры и

---

[1] В. Г. Белинский в воспоминаниях современников, с. 38, 39, 43.

беседы семинаристов, касавшихся философии, богословия, общественной и частной жизни. Во время этих бесед он не только выступал в роли внимательного слушателя, а принимал в них деятельное участие. «От таких прений,— делал вывод Д. П. Иванов,— возрастала и развивалась та неотразимая диалектическая сила, которою всегда отличался Белинский и против которой действительно трудно было устоять»[1].

Важную роль в эволюции эстетических воззрений Виссариона и его взглядов на жгучие проблемы социального неравенства играл театр, которым ведал помещик В. Г. Гладков. В спектаклях участвовали приглашенные сюда крепостные люди. Оценивая их мастерство, П. А. Вяземский писал, что они ничем не хуже ведут и чувствуют себя на сцене по сравнению с актерами императорского театра в Москве[2].

Гладковский театр за годы своего существования (1806—1829) создал богатый репертуар, насчитывавший в своем активе свыше ста пьес комедий, драм, трагедий и опер. Среди них можно отметить «Амфитрион», «Жорж Дандин», «Лекарь поневоле», «Мещанин во дворянстве» Мольера; «Ложный стыд», «Милосердные братья», «Немецкие мещане», «Примирение двух братьев» А.-Ф. Коцебу; «Бригадир», «Недоросль» Д. И. Фонвизина, «Отходки или Утро вечера мудренее» Н. М. Муравьева-Апостола; «Хвастун», «Чудаки» Я. Б. Княжнина; «Севильский цирюльник» Бомарше, «Дмитрий Самозванец», «Стелла и Трувор», «Хорев» А. П. Сумарокова; «Альзира или Американцы» Вольтера; «Эдип в Афинах» В. А. Озерова; «Отелло» В. Шекспира; «Калиф на час» Буальдье; «Мельник, колдун, обманщик и сват» А. О. Аблесимова[3].

Пензенский театр считался общедоступным. Ложи занимала губернская знать, в партере можно было видеть средней руки чиновников, местных Добчинских и Бобчинских, галерею распределялись гимназисты, семинаристы и мелкий служивый люд. Театр, по словам Д. П. Иванова, соединял в себе все самое лучшее. Страсть к нему проявлялась не только у Виссариона, но

---

[1] В. Г. Белинский в воспоминаниях современников, с. 85.
[2] Вяземский П. А. Сочинения. СПб, 1884, т. IX, с. 73.
[3] См.: Молебнов М. Пензенский крепостной театр Гладковых. Пенз. кн. изд-во, 1955, с. 41, 42, 43, 44, 45, 47, 49, 53, 54.

и у всех учащихся и молодежи. Чтобы попасть на любимые спектакли, отказывались и приберегались деньги, присланные из дома или полученные за частные уроки, даваемые какому-нибудь купеческому отпрыску.

В памяти В. Г. Белинского сохранились неизгладимые впечатления о пензенской Мельпомене. Будучи уже в Петербурге, он писал: «Театр! театр! каким магическим словом был ты для меня во время оно! Каким невыразимым очарованием потрясал ты тогда все струны души моей и какие дивные аккорды срывал ты с них!.. В тебе я видел весь мир, всю вселенную, со всем их разнообразием и великолепием, со всею их заманчивою таинственностию!.. Сердце бьется редко и глухо, дыхание замерло на устах,— и на волшебной сцене все так чудесно, так полно очарования; молодое, неискушенное чувство так всем довольно, и — боже мой! — с какою полнотою и не выходишь, бывало, из театра, сколько впечатлений выносишь из него!.. Даже и днем, если случится пройти мимо безобразного и неопрятного театра в губернском городе, — с каким благоговейным чувством смотришь, бывало, на этот «великолепный» храм искусства, — снять перед ним шапку как-то стыдно при людях, а остаться с покрытой головою казалось непростительною дерзостью...» [VIII, 519, 520].

Здесь же автор приведенных строк подчеркивал, что в театре он видел не только тряпичные облака, разрисованные на холсте моря, деревья, не только слушал пленительные звуки музыки, но и видел людей, саму жизнь. И все это, по его признанию, оказывало на него огромное влияние, давало массу впечатлений, заставляло по-другому смотреть на окружающий мир.

Крепостные актеры и актрисы находились в полной власти барина. Они, по выражению Ф. Ф. Вигеля, представляли собой «какие-то страдальческие фигуры», у которых «на лицах, сквозь румяны и белила, были заметны синие пятна». Самодур-помещик бил их «не на живот, а на смерть», если ему не понравился спектакль или было «туманное настроение». Об этом же говорил и П. А. Вяземский. Больше всего, возмущался он, побывав в театре Гладкова, что пьяный помещик имеет право терзать своих подданных за то, что они дурно играли или чем-то не угодили ему.

О глумлениях над «российскими рабами» В. Г. Белинский узнал, по его словам, «после, когда уже расстался

с губернским балаганом, то есть в Чембаре. Он с б[illegible] в сердце писал: «Я и не подозревал тогда, что часть этих актеров была не служителем, а идолом искусства, и полное имела право смотреть на сцену, как на барщину...» [VIII, 521].

Но «об униженных и оскорбленных» создателях духовных ценностей, их таланте Виссарион Григорьевич всегда отзывался с теплотой. Сразу же по приезде в Москву, он спешил поделиться с родными впечатлениями, оставшимися после посещений театра, в немногих строках раскрыть мир своих восприятий с позиций эстетической оценки игры актеров. «Я был,— сообщал старший сын отцу и матери,— четыре раза в театре... Видел в ролях Отелло и Карла Моора знаменитого Мочалова, первого, лучшего, трагического московского актера, единственного соперника Каратыгина. Гений мой слишком слаб, слишком ничтожен, недостаточен, чтобы достойно описать игру сего неподражаемого актера, сего необыкновенного гения, сего великого артиста драматического искусства. Впрочем, другие трагические актеры, за исключением двух или трех, очень худо играют; например: роль Едельмоны и Амалии играла Рыкалова по-пензенскому худо, а по-московскому скверно...» [XI,19].

Но самым важным источником пополнения знаний для В. Г. Белинского продолжали оставаться книги. Поэтому на протяжении многих лет исследователи его жизни и творчества неоднократно пытались установить, какие из них он мог читать в Пензе, найти, в первую очередь, опись книжного фонда гимназической библиотеки. Попытка В. С. Нечаевой решить возникшую проблему не увенчалась успехом. Пробовали обнаружить в архивохранилищах соответствующие источники и пензенские краеведы, однако поиски также не привели к желаемым результатам.

Начиная сбор материалов для задуманной книги, мне пришлось перелистать еще десятки дел как в местном, так и других архивах, находящихся в Москве, Ленинграде, Казани. Но полного каталога обнаружить не удалось. И тогда невольно возник другой вопрос: «А не сохранились ли сами книги в библиотеках Пензы?» Надежды на удачу, конечно, почти никакой не было. И все же следовало этим делом заняться

В течение нескольких месяцев шел просмотр старых книг, на которых могла стоять характерная печать Пен-

пенской гимназии. В итоге удалось выявить около трех тысяч томов, принадлежавших когда-то этому учебному заведению, в том числе свыше тысячи книг, изданных в XVIII веке и первой трети XIX века. Все эти драгоценные реликвии удалось почти полностью переправить в Государственный музей-усадьбу В. Г. Белинского, где они были включены в основную экспозицию. Часть же изданий до сего времени находится в областной библиотеке имени М. Ю. Лермонтова и библиотеке Пензенского областного краеведческого музея.

Следует прежде всего сказать, что в гимназической библиотеке богато были представлены творения А. П. Сумарокова, В. А. Озерова, М. М. Хераскова, Г. Р. Державина, Н. М. Карамзина, И. И. Дмитриева, И. Ф. Богдановича, Н. И. Гнедича, Я. Б. Княжнина. Судя по сохранившимся книгам, учащиеся могли пользоваться сочинениями М. В. Ломоносова, В. К. Тредьяковского, А. Д. Кантемира, И. И. Хемницера, К. Н. Батюшкова. Наибольший интерес, безусловно вызывали у читателей произведения, увидевшие свет в двадцатых годах. Среди них поэмы и стихотворения А. С. Пушкина, В. А. Жуковского, Е. А. Баратынского, П. А. Вяземского, И. И. Козлова, А. А. Дельвига, басни И. А. Крылова, литературно-критические статьи А. Ф. Мерзлякова, А. А. Бестужева-Марлинского, О. М. Сомова.

Несомненную пользу гимназисту-чембарцу приносили книги, принадлежавшие перу менее известных авторов, но также сыгравших существенную роль в развитии его литературно-критического склада. Наибольшее число различных пометок можно видеть на страницах изданий А. Ф. Воейкова, А. Е. Измайлова, В. С. Филимонова, Н. Ф. Остолопова, И. И. Давыдова, Н. П. Николаева, С. П. Крашенинникова, А. А. Перовского, М. Н. Муравьева, Н. Я. Озерецкого, А. С. Шишкова.

Очень разнообразен раздел античной и западноевропейской литературы. В первую очередь обращают на себя внимание произведения Гомера, Тацита, Вергилия, Цицерона, Софокла, Овидия и других древнегреческих и римских поэтов, драматургов, мыслителей. Некоторые из них были изданы на языке оригинала, а большая часть в переводе на русский язык.

В стенах гимназии у юного Виссариона могло сложиться весьма четкое представление о немецкой, французской и английской литературе. Наряду с изданиями

И.-В. Гете, Ф. Шиллера, А.-Ф. Коцебу, И. Канта, К. М. Виланда, А. Ламартина, Ж. Лафонтена, А. Томасена, Ф. Фенелона, П. Скаррона, Ж. Флориана, С.-Ф. Жанлис, В. Шекспира, С. Ричардсона, Вальтера Скотта, Дж. Байрона в библиотеке учебного заведения имелись журнальные статьи о литературных течениях в Западной Европе.

Виссарион Григорьевич, будучи гимназистом, постоянно следил за литературной полемикой, которая велась на страницах «Вестника Европы», «Сына отечества», «Московского вестника», «Московского телеграфа». Вспоминая то время, он писал: «*Классицизм* и *романтизм* — вот два слова, коими огласился Пушкинский период нашей словесности; вот два слова, на кои были написаны книги, рассуждения, журнальные статьи и даже стихотворения, с коими мы засыпали и просыпались, за кои дрались на смерть, о коих спорили до слез и в классах и в гостиных, и на площадях и на улицах!» [I, 67].

И далее, определяя роль, которую сыграли указанные выше периодические издания в формировании его образа мыслей, В. Г. Белинский особо подчеркивал: «Что скажу я о *журналах* тогдашнего времени? Неужели умолчу о них? Они в то время получили такую важность в глазах публики, возбуждали к себе такое живое участие!.. Скажу, что почти все они, волею и неволею, умышленно и неумышленно, способствовали к распространению у нас новых понятий и взглядов; мы по ним учились и по ним выучились» [I, 86].

В книжных шкафах учебного заведения хранились и другие периодические издания. Они являлись своего рода ключом к познанию истории развития русской литературной критики, позволяли определить степень ее влияния на современников и потомство, развитие читательских вкусов, а также на творчество самих писателей.

Но самым надежным источником, позволявшим наиболее достоверно судить о круге чтения сына штаб-лекаря в гимназические годы, могли бы служить его записные книжки. К сожалению, о них почти ничего не известно. 28 июля 1913 года на страницах «Пензенских ведомостей» появилась статья «Школьная тетрадка Белинского». Автор этой публикации А. В. Кутузов писал: «я хотел бы обратить внимание исследователей Белинского» на одну тетрадку, которая вот уже более десяти лет «хра-

нится в Пензенской Общественной библиотеке имени М. Ю. Лермонтова... В рукописи 50 страниц мелкого убористого письма... У большинства стихотворений указан автор, а у некоторых — даже журнал, откуда оно взято, с точным обозначением года, нумера и страницы его».

Рукопись начинается тремя заглавными листами. На первом листе: «Собрание разных стихотворений. Тетрадь IX». На третьем листе помечен год — 1828. В конце записей книжки указано: «Сии стихотворения собраны Виссарионом Белинским, учеником Пензенской губернской гимназии III класса, октября месяца». Дальнейшая судьба записной книжки остается невыясненной.

Перечень стихотворений, указанных в статье А. В. Кутузова, полностью привела в своем исследовании В. С. Нечаева. Однако неизвестные источники, которыми пользовался В. Г. Белинский, остались нерасшифрованными. Решить в какой-то мере эту проблему помогли книги, находящиеся в гимназической библиотеке. Например, элегия К. Н. Батюшкова «На развалинах замка в Шонгине» была выписана из «Пантеона русской поэзии» [часть первая, СПб, 1814]. Оценивая элегию, Виссарион Григорьевич впоследствии писал: «...как все в ней выдержано, полно, окончено! Какой роскошный и, вместе с тем, упругий, крепкий стих!» [VII, 249]

Из «Пантеона русской поэзии» [часть первая, СПб, 1814] юный школьник выписал также послание К. Н. Батюшкова к В. А. Жуковскому и П. А. Вяземскому «Мои пенаты». Это произведение привлекло его внимание яркостью стиха, человечностью и гуманностью. Также восторженно отозвался он о стихотворении «Пробуждение», которое выписал в свою тетрадку из «Вестника Европы» [№ 11, 1816].

А. В. Кутузов привел в опубликованной статье анонимное обращение «К Груше»:

За яблоко отец людей
Утратил рай, утратил душу;
Но мне ль хулить поступок сей?
Я сам бы отдал все за Грушу

И это четверостишие напечатано в «Пантеоне русской поэзии» [часть первая, СПб, 1814, с. 137] под рубрикой «Мадригалы». Не исключена возможность, что стихотворения В. В. Капниста «На смерть друга моего», С. Е. Раича «Друзья», П. М. Кудряшова «Песня» («О касаточ-

ка, о птичка ласточка»), «Любовь», эпиграмма Д. В. Давыдова. Рассуждает он хоть туго, анонимные диалоги «Старик и юноша» выписаны тоже из «Пантеона русской поэзии». В предисловии его издатель П. А. Никольский указывал: «Все собрание будет состоять из двенадцати книжек, или отделений. В каждой книжке будут помещены все известнейшие роды поэзии по следующему порядку: оды духовныя, торжественныя, нравственныя и анакреонтическия, послания, сатиры, элегии, идиллии, сказки и повести, басни, песни и романсы, эпиграммы, эпиграммы и надписи и, наконец, отрывки из поэм, трагедий и комедий».

Бесспорно, такое издание вызвало у сына штаб-лекаря большой интерес. Он не только выписывал из выходивших регулярно книжек те или иные произведения, но и получал глубокое представление о лучших творениях многих русских писателей.

Еще большую ценность представляет записная книжка юного Виссариона, которая хранится в Отделе рукописей Государственной публичной библиотеки имени М. Е. Салтыкова-Щедрина. Бывший владелец указанной реликвии П. П. Рыбкин на страницах «Русского архива» за октябрь 1900 года ознакомил читателей с приобретенной находкой, но при расшифровке авторов стихотворений допустил ошибки. Некоторые из них повторил М. Я. Поляков в монографии «Виссарион Белинский. Личность — идеи — эпоха».

Между тем полная аннотация этой записной книжки ни в одной публикации не давалась. Учитывая исключительную важность такого уникального источника для раскрытия круга чтения юного Виссариона, попытаемся хотя бы кратко рассказать о содержании его единственной из многих тетрадок пензенской поры, дошедшей до наших дней.

Во-первых, во всех ранее появлявшихся статьях говорилось о том, что данная записная книжка по времени относится к 1828—1830 годам, с чем никак нельзя согласиться. На титульном листе ясно проставлена дата: «Записная книжка Виссариона Белынского. 1828».

Во-вторых, он не указал ни одного источника, откуда выписывал стихотворения, а фамилии в ряде случаев обозначил лишь одной — тремя буквами, хотя хорошо знал, кому какие произведения принадлежат.

Всего в записной книжке двадцать семь стихотворе-

ния П. при жизни изданными А. С. Пушкиным — «Пересада» [«Полярная звезда» на 1824 г.], «Послание к А.» [«Полярная звезда» на 1825 г.], «Демон» [«Северные цветы» на 1825 г.]; Н. М. Языковым — «Родина», «Отрывок из повести: Разбойники», «К***» [«Полярная звезда» на 1825 г.]; по два: Е. А. Баратынским — «Девушка, которой имя было Аврора» и «Елисейские поля» [«Полярная звезда» на 1825 г.], Ф. Н. Глинкой — «Ворожба. Народное предание» [«Полярная звезда» на 1825 г.] и «Темное воспоминание» [«Полярная звезда» на 1825 г.], П. А. Плетневым — «Первые цветы» [«Полярная звезда» на 1824 г.] и «Юность» [«Полярная звезда» на 1825 г.], Е. П. Зайкевским — «Весна» и «Абазия» [«Полярная звезда» на 1825 г.]; по одному: К. Н. Батюшковым — «Карамзину», М. П. Загорским — «Элегия», М. А. Дмитриевым — «Лес» [«Полярная звезда» на 1824 г.], К. П. Масальским — «Весна. Идиллия Мелеагра», В. И. Григорьевым — «Нашествие Мамая» («Песнь Баяна»), П. А. Вяземским — «С. Н. и С. Н. Чернышевым в проезд их через Москву» [«Полярная звезда» на 1825 г.], В. А. Жуковским — «Мщение» [еженедельник «Новости литературы» — приложение к газете «Русский инвалид» 26 января 1824 г.]. Кроме того, не удалось пока полностью расшифровать отрывок из «Илиады» в переводе Н. И. Гнедича, стихотворения В. Н. Олина «Ральф», М. Лисиной — «Быль», «Майская роза» и два анонимных стихотворения — «Талисман», «Семик. Отрывок из отрывка».

Таким образом, из двадцати семи стихотворений девятнадцать выписаны из самого передового и лучшего альманаха, который издавали А. А. Марлинский-Бестужев и К. Ф. Рылеев. В некоторых исследованиях высказываются сомнения в том, что могла ли Пензенская гимназия выписывать столь вольнодумный орган декабристов в период диктаторства попечителя Казанского учебного округа монархиста М. Л. Магницкого. Казалось бы, подобные недоумения вполне оправданы. Но раньше уже говорилось о прогрессивно настроенных директорах Н. И. Лажечникове, Н. А. Галкине, А. Г. Киселеве. Они стремились укомплектовать библиотеку лучшими для того времени изданиями. Так, в отчете гимназии за 1824 год указано: «кроме учебных пособий поступило: сочинения Дмитриева, теория словесности Мерзлякова, сочинения Державина в 5-ти частях, басни

Хемницера, сочинения Богдановича в 4-х частях, Естественная история о животных Езерцковского в 2-х частях, Полярная звезда на 1824 год, 1-я часть греческих классиков, изданных Мартыновым, Казанский вестник...»[1].

Из гимназической библиотеки сохранился экземпляр «Полярной звезды» на 1825 год, который теперь экспонируется вместе с другими книгами в Государственном музее-усадьбе В. Г. Белинского. Причем он не сразу был обнаружен. Чья-то добрая рука, опасаясь всяких ревизий, догадалась переплести его вместе с альманахом «Северные цветы» на 1825 год. Следовательно, у гимназиста-лицеиста постоянно было это вольнолюбивое издание декабристов под рукой. Кстати, следует отметить, что и в девятую тетрадь гимназист-чембарец выписал из «Полярной звезды» на 1824 год пять стихотворений.

Из сказанного выше можно сделать вывод: уже в Пензе В. Г. Белинский хорошо знал произведения писателей-декабристов. Его волновали поэтические произведения К. Ф. Рылеева, ежегодные обзоры русской словесности А. А. Марлинского-Бестужева. Он зачитывался в то время проникнутыми гражданской патетикой стихами П. А. Вяземского, Н. М. Языкова, В. Н. Григорьева, Ф. Н. Глинки.

Позже, рассматривая влияние «Полярной звезды» на развитие русской словесности и общественной мысли, Виссарион Григорьевич в силу цензурных условий ограничился таким суждением: «...многие светлые мысли, часто обнаруживающееся верное чувство изящного, и все это, высказанное живо, пламенно, увлекательно, оригинально и остроумно, — составляют неотъемлемую и важную услугу Марлинского русской литературе и литературному образованию русского общества. Не забудем также, что он был первый, сказавший в нашей литературе много нового, так что все, писавшееся потом в «Телеграфе», было повторением уже сказанного им в его литературных обозрениях» [IV, 34].

В гимназической библиотеке имелись многие другие альманахи. Среди них выделялись «Мнемозина», «Северные цветы», «Урания». Интересовали юного Виссариона «Невский альманах», «Альбом северных муз», «Комета», «Радуга», «Альциона». Определяя их историческую роль, В. Г. Белинский указывал, что в двадца-

[1] ГАПО, ф. 81, оп. 1, д. 4, л. 25.

тых годах публика была в восторге от избытка литературных сокровищ. И эти сокровища заключались в книжках небольшого формата, наполненных отрывками из поэм, драм, повестей. И далее он подчеркивал: «Вспомните, сколько, бывало, шума и радости производило появление «Северных цветов»! А что было в них? Две-три новые пьесы Пушкина или Жуковского, которые, конечно, были бы жемчужинами перлами во всяком роде изданиях; но вместе с ними с восторгом равно детским читались, перечитывались, учились наизусть и переписывались в тетради стихотворения и других поэтов...» [VIII, 49].

В альманахах страстный книгольеб находил и открывал новых для себя авторов, критически воспринимал их произведения. Мы помним, свидетельствовал Виссарион Григорьевич, первую повесть В. Ф. Одоевского «Эладий, картину из светской жизни», напечатанную в «Мнемозине», которая обратила тогда на себя общее внимание и всех удивила мастерством изображения реальной действительности. Так же восторженно он отзывался, на основе юношеских впечатлений, о повести М. П. Погодина «Нищие», отразившей реальную картину народной жизни.

В Пензе сын штаб-лекаря впервые познакомился с бунтарской поэзией А. И. Полежаева. Покорил его юношеское воображение бессмертное творение А. С. Грибоедова «Горе от ума». Оно, как констатировал сам В. Г. Белинский, «ходило в рукописи по всем краям обширного русского царства».

Постоянную связь поддерживал гимназист с теми товарищами, у которых имелись библиотеки. Из воспоминаний современников видно, как он навещался за книгами к одноклассникам Клавдию Лебедеву, Алексею Максимову, учителю М. М. Попову.

Но по ряду обстоятельств в 1828 году Виссарион не стал держать переходные экзамены. Осенью же явился в гимназию с опозданием. Оказавшись опять в третьем классе, он по всем основным предметам получает высшие оценки, однако, выехав в декабре на рождественские каникулы, остался в Чембаре. В январе 1829 года, — указывал в своих мемуарах Д. И. Иванов, — в гимназических ведомостях о нем было отмечено, что за нехождением в класс не рекомендуется, а в феврале того же года он был вычеркнут из списков».

СНОВА В ЧЕМБАРЕ

В белинсковедческой литературе причина ухода сына штаб-лекаря из гимназии до сих пор остается невыясненной. Некоторые авторы пишут о том, что он не мог примириться с порядками, установленными новым директором Г. А. Прокоповичем, при котором начались [illegible] для гимназистов строгости, вплоть до наказания розгами и заключения в карцер. Другие исследователи связывают возвращение В. Г. Белинского в родной дом среди учебного года с намерением самостоятельно подготовиться к поступлению в университет.

Однако, на наш взгляд, имелись еще некоторые обстоятельства, побудившие его расстаться с гимназией. Сохранилось два письма, которые по своим мотивам в какой-то мере созвучны. 12 мая 1829 года А. Ф. Максимов, гимназист Виссарионова «маленьким философом, оригиналом, большим своим дружищею», свидетельствовал: «При входе в класс, я невольно ищу тебя и не нахожу, тебя нет более, злоба и несправедливость людей изгнала тебя из гимназии и лишила оную лучшего украшения» [1].

Другая корреспонденция самого В. Г. Белинского. 9 октября 1829 года он писал родителям: «Я думаю, что в раздем *преславном* Чембаре очень удивляются, что я принят в императорский Московский университет *студентом*. Впрочем, я очень мало дорожу мнением чембарцев. Ежели меня не умели оценить в *Чембаре*, то оценили в *Москве*. Я думаю: *всем вестимо*, что между Чембаром и Москвою есть небольшая разница и что между чембарскими жителями и московскими профессорами есть *маленькое расстояньице...*» [XI, 19].

---

[1] В. Г. Белинский и его корреспонденты. Под редакцией проф. Н. Л. Бродского. М., 1948, с. 190.

В чем же «не умели оценить» сына штаб-лекаря в Пензе и особенно в Чембаре? Какая связь могла быть между приведенными выше письмами? Чтобы ответить на возникшие вопросы, следовало выявить дополнительные документы. Речь шла о каком-то одном деле, решение которого зависело от уездного и губернского начальства. И такое дело, видимо, касалось предполагавшейся вакансии в местном уездном училище, в котором произошли существенные перемены.

Н. И. Лобачевский, занявший должность ректора Казанского университета, 6 октября 1827 года доложил попечителю учебного округа М. Н. Муравьеву-Пушкину, что «...штатный смотритель и учитель 2-го класса Чембарского уездного училища Греков 4 сентября умер».

Великий ученый-математик привлек большое внимание к семье Аврама Алексеевича. 25 ноября он направил попечителю округа отношение «об исходатайствовании пенсии жене покойного штатного смотрителя Грекова Надежде Алексеевне... и выдаче ей единовременного пособия в сумме годового жалования мужа».

Спустя почти три месяца помощник министра народного просвещения Елизарий Языков прислал в Казань подтверждение о полученных документах. Наряду с этим он просил сообщить: «...находится ли в живых означенный в послужном списке Аврама Грекова шестилетний сын его Павел, проживает ли вдова штатного смотрителя в Чембаре и из каких сумм намерены выплатить им пособие». 23 марта 1828 года Н. И. Лобачевский дал утвердительные ответы на интересующие вышестоящее начальство вопросы, а относительно денежных средств написал, что они должны выделяться «из пенсионных сумм, назначенных высочайшим утверждением в 7-й день сентября 1805 года по докладу Главного правления училищ на основе статьи 10».

После еще ряда запросов, уточнений, справок министр народного просвещения А. С. Шишков уведомил М. Н. Муравьева-Пушкина о подписании соответствующих бумаг. Однако дело на этом не закончилось. 11 февраля 1829 года ректор Казанского университета снова напомнил о своих хлопотах. В рапорте на имя попечителя учебного округа он указывал: «...Пензенская казенная палата не получила предписания г-на министра финансовых дел о выдаче вдове и сыну Грекова 1100 рублей, и оных они до сего времени не получили». Прошло два с

половиной жалованья, и Николай Иванович вынужден был написать отрешенный запрос. Только после энергичных требований семьи А. А. Грекова выдали и положенное пособия[1].

Чтобы не оставлять училище без руководства, совет университета 4 октября 1827 года назначил на место А. А. Грекова действительного студента И. П. Тукальского. Работать приходилось в трудных условиях. При случившемся еще ранее пожаре здание учебного заведения сильно пострадало, и занятия проходили в малоприспособленном каменном доме. Новый смотритель, которого впоследствии Константин Григорьевич Белинский окрестил «сентиментальным модником», не проявлял особой инициативы в восстановлении здания. Может быть, исходя из этих обстоятельств, В. Рубашевский решил уйти в отставку. Узнав о его намерениях, В. Г. Белинский, по всей вероятности, попытался занять должность учителя первого класса.

Потребовались соответствующие рекомендации. И здесь бывший семинарист мог припомнить свои трения со штаб-лекарем в период обучения в училище Спасовей. Д. П. Иванов писал в воспоминаниях: «Рубашевский был страстный любитель наказаний, розог... Благородное негодование на этот жандармский Вассариус возбудило энергические жалобы, со стороны Григория Никифоровича».

Позицию, занятую В. Рубашевским, мог поддержать кто-то из представителей уездной администрации. Не зная, В. Г. Белинский необходимой, возможно, поддержки у директора народных училищ губернии Г. А. Прозорова, хотя в некоторых случаях, судя по архивным документам, в уездные училища назначались гимназисты, не закончившие полного курса учебного заведения. Такое отношение к своему воспитаннику и могло породить те гневные строки, которые приводились из письма А. Ф. Максимова.

Если гимназическое начальство проявило к сыну штаб-лекаря несправедливость и злобу, то совершенно иные отношения у него сложились с определенным кругом молодежи. Даже из немногих, сохранившихся до нашего времени писем, полученных им в Чембаре, можно

---

[1] ЦГА Тат. АССР, ф. 92, оп. 1, д. 2215, л. 4, 10, 12, 14, 18, 27

видеть, какое уважение питали к В. Г. Белинскому его [illegible] кашники. Так, А. Иванисов, выходец из богатой ку[illegible]ской семьи, который любил книги и сам пробовал сочинять стихи, 13 июня 1829 года писал: «Любезный [illegible]г Виссарион Григорьевич! Письмо ваше я получил... [illegible]нь вам благодарен за сии немногие строки; мне при[illegible]ать, что вы меня еще не вовсе забыли...» 4 июля [illegible] послании свидетельствовал: «Писать к вам я всегда буду с удовольствием, мне очень приятно беседовать с вами, но вы меня не забывайте своими письмами... Книги ваши мне присланные, исполняя ваше желание, я дам для прочтения П. Я. Попову... В письме своем (из Москвы. — *П. М.*) брат свидетельствует вам свое почтение и просит, чтобы я вам сказал, что, по словам вашего приятеля Григорьева, с которым он виделся, для поступления в университет ничего почти не нужно, кроме хороших познаний во французском языке».

И далее А. Иванисов сообщал о том, что в Пензу прибыли поэты генерал-майор герой-партизан Денис Ва[illegible] Давыдов и князь Петр Андреевич Вяземский. «Я был счастлив, — делился своими мыслями корреспондент, — каждый день на ярмарке я их видел по два раза в день, слышал их разговор, и вы можете себе представить, в каком я был восторге!.. Ярмарка уже кончилась, и они, надо думать, скоро уедут... но до отъезда я еще надеюсь их увидеть».

Особо почтительное отношение к В. Г. Белинскому проявлял А. Ф. Максимов. 12 мая 1829 года он писал: «Любезный друг Виссарион Григорьевич!.. я всегда помню [illegible] друга [illegible] Белинского, помню то счастливое время, когда, беседуя с оным, я наслаждался со[illegible] [illegible] [illegible] [illegible] Не забыть тебя кажется для меня делом невозможным, сверхъестественным, превосходящим силы мои».

Такой же теплотой, благодарностью за добрую по[illegible] [illegible] [illegible] Саратовской губернии, семинариста Н. Г. Соколова. «Я всегда чувствую, — признавался он, — что ваше присутствие столько было для меня полезно, что все то, что я находил в вас, теперь для меня служит уроком. Не почтите слова мои словами лести: вы сами советовали мне избегать сего подлого порока. Вы знаете сколько я расположен к вам, а потому верьте и сему, что я действительно говорю то, что чувствую».

Можно умножить подобные примеры из других писем. Они заставляют утверждать, что уже в Пензе отец штаб-лекаря стоял во главе небольшого кружка молодых людей, у которых пользовался непререкаемым авторитетом. Своей человечностью честностью, обширными знаниями он снискал их любовь, помогал им избавляться от подлых пороков, быть искренними во взаимоотношениях. И никому, свидетельствовал А. Ф. Максимов, нельзя было с такой смелостью открыть свои мысли, никто не мог подать лучших и полезнейших советов и никто не принимал большего участия в судьбе нашей, как В. Г. Белинский.

Эти прекрасные душевные качества, приобретенные в годы детства и юности, В. Г. Белинский пронесет через всю свою короткую жизнь. О них, в первую очередь, будут позже с такой же правдивостью отзываться многие мемуаристы, в том числе А. И. Герцен, И. С. Тургенев, И. А. Гончаров, И. И. Панаев, А. Я. Панаева, А. В. Орлова и другие.

Будучи в стенах родного дома, юноша оказался выше всех сложившихся перипетий. Он с еще большей настойчивостью занимается литературой, ведет переписку с пензенскими товарищами, обменивается с ними, как указывал А. Иванисов, произведениями новейших поэтов, получает необходимые книги и журналы «Московский вестник», «Вестник Европы», «Московский телеграф», следит за полемикой, касающейся философско-романтических проблем в развитии русской изящной словесности. Он увлекается переводами Дж. Байрона, Ф. Шиллера, с неменьшим интересом читает произведения А. А. Марлинского-Бестужева, Д. В. Веневитинова, вносит в записные книжки только что увидевшие свет стихи В. И. Туманского, А. И. Полежаева, Н. М. Языкова, А. С. Хомякова, А. Д. Илличевского, С. Н. Марина и других поэтов.

Но кумиром для В. Г. Белинского являлся А. С. Пушкин. Еще в Пензе он не пропускал ни одного нового стихотворения Александра Сергеевича, появлявшегося в альманахах, антологиях, журналах или рукописных списках. Позже Виссарион Григорьевич сам писал о том, что ему трудно было из мира напряженно-торжественной поэзии Г. Р. Державина, бедной содержанием, лишенной всякой виртуозности, перейти в мир поэзии А. С. Пушкина, столь светлой, ясной, прозрачной, определенной, вы-

решенно-сьоботи я, и лиои содержания, заставляющей вглядываться в природу, вдумываться в жизнь и во внутреннее, тайное святилище собственной души. И даже великий критик признавался: «Только постепенное духовное развитие в лоне пушкинской поэзии могло сорвать меня от глубоко вкоренившихся впечатлений детства и довести до сознания тайны, сущности и значения истинной поэзии» [V, 535].

В Чембаре В. Г. Белинский получил присланные из Пензы главы романа «Евгений Онегин», поэмы «Граф Нулин», «Полтава», наизусть заучивал такие произведения, как «Цыганы», «Бахчисарайский фонтан», «Кавказский пленник», множество мелких стихотворений. Он не стоя еще мог оценить пятистопные безрифмованные стихи, какими был написан «Борис Годунов», отрывки из которого появились тогда в «Московском вестнике».

Уже в тот период сын штаб-лекаря видел в творчестве Александра Сергеевича все грани жизни русского общества. Читая его, говорил Виссарион Григорьевич, «было превосходным образом воспитать в себе человека, и такое чтение особенно полезно для молодых людей обоего пола.

О своих чувствах, возникших под влиянием произведений гениального поэта, В. Г. Белинский писал: «Он пел, и как изумлена была Русь звуками его песен: и не диво, она еще никогда не слыхала подобных; как жадно прислушивалась она к ним: и не диво, в них трепетали все нервы ее жизни! Я помню это время, счастливое время, когда в глуши провинции, в глуши уездного городка, в летние дни, из растворенных окон носились по воздуху эти звуки, подобные *шуму волн* или *журчанию ручья...*» [I, 72].

Словом, как в Пензе, так и в Чембаре продолжалось формирование литературно-эстетических взглядов будущего трибуна-публициста. Здесь одаренный от природы юноша повсюдно, в процессе упорного труда развивал свои способности, запоминал массу материала из всего прочитанного, критически его оценивал.

Страстного поклонника творений А. С. Пушкина глубоко волновала творческая фантазия того или иного писателя, характерные приемы в обрисовке образов, событий. В этом отношении представляют значительный интерес строки, непосредственно принадлежавшие самому Виссариону, занесенные им в записную книжку

1828 года. «Человек, — указывал он, — имеет природную наклонность слушать повести. Басня подстрекает его любопытство и тешит воображение».

Если внимательно проанализировать основополагающую статью В. Г. Белинского «Литературные мечтания», сразу обратившую на себя внимание читающей России, то вполне станет заметен тот фундамент, на котором она построена. Возможно, что в нее вошли те записи, которые вел сын штаб-лекаря в Чембаре и Пензе, о которых отзывался, как «о многом начатом, но не оконченном, не обработанном». Такое предположение вытекает из самой сути композиции статьи. В ней начинающий критик в порядке подтверждения рассуждений неоднократно обращается к прошлому, то есть к чембаро-пензенскому периоду своей жизни, как бы напоминает читателям о том, что «его мечтания» складывались на протяжении ряда лет.

Именно с ретроспективных позиций начал В. Г. Белинский свою статью. «Помните ли вы, — писал он, — то блаженное время, когда в нашей литературе пробудилось было какое-то дыхание жизни, когда появлялся талант за талантом, поэма за поэмою, роман за романом, журнал за журналом, альманах за альманахом; то прекрасное время, когда мы гордились настоящим, так лелеяли себя будущим...» И тут же восклицал: «О доброе старое время!»

Далее Виссарион Григорьевич указывал: «Карамзин — вот актер нашей литературы, который еще при первом своем дебюте, при первом своем появлении на сцену, был встречен и громкими рукоплесканиями и громким свистом!.. Вот имя, за которое было дано столько кровавых битв... И давно ли еще умолкли эти бранные вопли, этот звук оружия, давно ли враждующие партии вложили мечи в ножны и теперь силятся объяснить себе, из чего они воевали? Кто из читающих строки сии не был свидетелем этих литературных побоищ, не слышал этого оглушающего рева похвал преувеличенных и бессмысленных, этих порицаний, частию справедливых, частию нелепых?..»

Восстанавливая в памяти события давно минувших дней, он снова обращался с вопросом. «Помните ли вы, чего стоили Мерзлякову его критические отзывы о Хераскове? Помните ли, как пришлись г. Каченевскому его замечания на «Историю государства российского»?..

И опять, раскрывая личные отношения к творчеству Н. М. Карамзина, критик свидетельствовал: «Кто из нас не утешался в детстве его повестями, не мечтал и не плакал с его сочинениями? А ведь воспоминания детства так сладки, так обольстительны...»

Через несколько страниц вновь встречаемся с прошлым. «Князь Вяземский, — констатировал автор «Литературных мечтаний», — писал стихами и прозою... Его критические статьи... были необыкновенным явлением в свое время». И почти здесь же В. Г. Белинский продолжал: «Помню, что в каком-то чувствительном журнале, кажется, в 1813 году, было напечатано, что в Англии явился новый поэт, Байрон, который пишет в каком-то *романтическом роде...*»

Подобные примеры неединичны. И все они свидетельствуют о том, что в «Литературных мечтаниях» ярко прослеживаются те познания в области русской, западноевропейской и античной словесности, которые В. Г. Белинский приобрел в детстве и юности. Поэтому не случайно под своими «мечтаниями» он поставил: «Чембар. 1834, декабря 12 дня».

Достоверно известно, что в 1834 году Виссарион Григорьевич в своем родном городке не был. И дата «12 декабря 1834 года» тоже не отражает время создания «Литературных мечтаний». Скорее всего, она свидетельствует о сдаче в набор последнего, десятого, раздела статьи, которая публиковалась на страницах еженедельника «Молва» с 21 сентября по 29 декабря 1834 года. «Чембар» носит не только символическое понятие, но имеет под собой и какую-то реальную основу.

В уездном городке продолжалось увлечение театром. Д. И. Иванов свидетельствовал, что у них в доме во время зимних и летних каникул устраивались спектакли, в которых участвовали семинаристы А. С. Голубинский, М. С. Меридианов, братья Ивановы и Белынские. В массовых сценах были заняты канцеляристы уездного суда, казначейства. Ставились довольно серьезные вещи. Чембарцам запомнилась опера А. И. Аблесимова «Мельник, колдун, обманщик, сват», в которой В. Г. Белинский исполнял роль отца Анюты. Арии свои он передавал речитативом, так как к пению не имел способностей.

Но особенно покорила местных любителей Мельпомены постановка трагедии В. Шекспира «Отелло». Роль

Яго выпала на долю Виссариона, который с большим старанием готовился к спектаклю. «Он просил других, — свидетельствовал Д. П. Иванов, — выслушать его монологи, сходился с Голубинским (Отелло) для повторения с ним сцен; сопровождая речь свою приличными телодвижениями, становился перед большим зеркалом и вообще исполнял роль свою с большим одушевлением».

«Пока шли ежедневные репетиции, — вспоминал Дмитрий Петрович, — дамские члены наших семейств усердно заботились о приготовлении костюмов: все шали и платки обращались в плащи и мантии, на голове Отелло, кажется, красовался берет со страусовым пером... мавр был вооружен неподдельною саблею и деревянным кинжалом... Роли были разучены превосходно, и представление пьесы привело в восторг городскую публику»[1].

Любили в семьях П. П. Иванова и Г. Н. Белинского святочные маскарады. Виссарион заранее готовился к ним, почти всегда наряжался простым русским мужиком. В суконном чапане, в теплой кучерской шапке с заломом, в кожаных рукавицах и бородатой маске его трудно было узнать. И лишь голос, как писал мемуарист, хотя искусно измененный, да походка выдавали юношу. Под смех и рукоплескания окружающих он пел нескладные песни, гримасничал, и шуткам не было конца.

Нередко в гостеприимном, наполненном молодежью доме Петра Петровича Иванова устраивались танцевальные вечера. В большой моде тогда были матрадуры, котильоны, мазурки, менуэты и другие, теперь забытые танцы. Танцевать Виссарион научился еще до поступления в гимназию. Как свидетельствуют современники, по своей сутуловатости и неуклюжести, он не отличался красотой в движениях и больше ходил скорым шагом, чем танцевал; а затейливое соло в кадрили выделывал так же отчетливо, как на танцевальных уроках.

Но чаще всего в доме П. П. Иванова можно было слышать оживленные споры о литературе, прочитанных журналах, о новых стихах. Екатерина Петровна, Алексей Петрович и Николай Петрович также увлекались книгами, как и Виссарион Григорьевич. Позже он писал им: «Сколько лет, сколько зим прошло с того времени, как я имел сладостное для меня удовольствие быть вместе с вами! Это время, это незабвенное время пред-

---

[1] В. Г. Белинский в воспоминаниях современников, с. 92

ставляется моему воображению в каком-то туманном отдалении и как бы в каком-то приятном сне... Надеюсь и верю, что ваше ко мне расположение нисколько не изменилось, что оно так же постоянно и твердо, как и те чувства любви и привязанности, которые я с давнего времени привык питать к вам и которые погаснут вместе с огнем моей жизни».

В другом письме В. Г. Белинский с чувством глубокого признания благодарил своих друзей детства и юности за милые сердцу весточки о родном крае. «Они, — подчеркивал автор листовки, — перенесли меня под небо Чембара; они мне живо представили то счастливое время, когда я жил с вами вместе; они мне напомнили наши разговоры, суждения и споры; все ожило в моей памяти. Как сладостны эти воспоминания...» [XI, 20, 21].

Наиболее тесные отношения у В. Г. Белинского сложились с двоюродной племянницей Екатериной Петровной Ивановой, которая была на пять лет старше его. Но разница в возрасте не мешала их дружбе. Готовясь к поступлению в университет, он в течение зимы и весны 1829 года брал у нее уроки французского языка. Она прекрасно играла на рояле, и нередко сын штаб-лекаря слушал в ее исполнении произведения А. А. Алябьева, Л. Бетховена, В. Моцарта, однако признавался, что музыку понимает плохо.

Часто в Чембаре сын штаб-лекаря встречался с А. С. Голубинским и М. С. Мериднановым. Они помогали ему в изучении греческого языка и, в свою очередь, просили его, как свидетельствовал Д. П. Иванов, выслушать «творения пера своего». Он знакомил их с новыми журнальными статьями по вопросам литературы, философии, делился с ними мнениями о прочитанных книгах. Не исключена возможность, что эти молодые старшие люди под влиянием его бесед не пошли по стопам родителей, а стали медиками.

Не оставался В. Г. Белинский безразличным и к окружающей действительности. С еще большей пристальностью, чем в детстве, он вглядывался в жизнь простых людей. Его постоянно интересовали обычаи, быт, духовные богатства и традиции народа. В базарные дни он выходил на площадь перед домом и любил бродить среди многочисленных возов, нагруженных лаптями, кожами, холстами, гончарной посудой и другими изделиями домашнего ремесла; слушать многоголосую крестьян-

скую речь, богатую меткими и образными выражениями, наслаждаться русской песней, которую часто можно было слышать в исполнении странствующих певцов. Позднее Виссарион Григорьевич писал, что «народная песня привлекала его внимание силою выражения, бесконечностью чувства, то бешено веселого, размашисто-удалого, то грустного, заунывного, но всегда крепкого, могучего, которому тесно и на улице, и на площади, которое просит для разгула дремучего леса, раздолья Волги-матушки, широкого поля».

Продолжал он общаться и с «поселянами», многие из которых были его сверстниками или чуть старше, бывать вместе с ними в близлежащих селах. Вполне понятно, что впечатления, сложившиеся раньше, теперь обретали более рельефную форму, позволяли глубже понимать мысли, стремления, нужды и заботы людей из податного сословия, видеть их уклад жизни. Все это оставляло неизгладимый след в восприимчивой душе юноши.

Вращаясь среди простолюдья, В. Г. Белинский усваивал народную речь, обогащал свой словарный запас, запоминал меткие выражения, пословицы, поговорки. Если даже бегло проанализировать лексику его писем и литературных произведений, то можно заметить сотни слов из крестьянского говора. В статьях, рецензиях, эпистолярных источниках великого критика встречаются такие понятия, как «попутал окаянный», «опять подкрутилась каналья», «нагольный тулуп», «голые или сапоговые сапоги», «картошка трава поганая, проклятая», «вышлю вам наволоки и тюфяк», «обволокивание головок», «подкладка подметок», «мужики в зипунах и лаптях», «женщины носят коты», «в горнице широкие лавки», «он на то и алистратор, чтоб взятки брать, говорят наши мужички о подьячем», «мыкаться по белому свету», «пареная репа» и тому подобные выражения.

Впоследствии, борясь за реальное отражение жизни в литературе и искусстве, великий критик для большей аргументации неоднократно приводил сцены из крестьянского обихода, усмотренные на чембарской земле. Обличая тех писателей и поэтов, которые стремились идеализировать и приукрашивать быт крепостных поселян, он с сарказмом писал: «Если вы видели в деревнях «рекенских девушек», то знаете, как грациозно они пляшут, и знаете, что они пляшут не в башмачках, а в котах, а иногда и в лаптях, в сарафанах, которые вовсе не гра-

тяжело перерезывают поперек им грудь, с головами, умащенными коровьим маслом, с красными и заскорузлыми руками, не знакомыми с мылом; знаете, как богаты они золотыми лентами и другими жемчугами; знаете, что такое «российский» пастушок и его свирель...» [IX, 298—299].

Вместе с тем В. Г. Белинский понимал и другое. Его волновал удел обездоленных, задавленных нуждой крепостных крестьян, особенно женщин и детей. И когда он в своих статьях, рецензиях, обзорах, памфлетах касался всюду народных судеб, то говорил на основе пережитого, перечувствованного, десятки, а может, и сотни раз виденного в детстве и юности. Словно приговор звучали его слова о том, что семейный быт должен быть одним из главнейших предметов публицистики. «Как можно, — советовал критик, — больше статей об обращении с детьми, о необходимости часто мыть их, беречь от грязи, от простуды, об уходе за больными! Сколько умирает детей оттого, что за ними дурно смотрят во время оспы, кори. Топится печка, в избе сверху дым; внизу холод — дверь отворена: как тут уцелеть и взрослому больному и родильнице, которая, сверх того, вчера родила, а сегодня таскает дрова и воду!..»

Но чем больше В. Г. Белинский присматривался к жизни простых людей, тем сильнее омрачались его мысли. Он повседневно сталкивался с несправедливым отношением к ним как со стороны крепостников-помещиков, так и администрации. Здесь, во глубине России, словно в зеркале, отражались все недуги, присущие «стране рабов, стране господ».

В начале девятнадцатого века на имения помещиков Чембарского уезда постоянное воздействие стало оказывать развитие товаро-денежных отношений. Как и во многих других вотчинах, здесь дворяне в погоне за получением доходов расширяли запашку за счет общинных земель, увеличивали оброк и непомерно усиливали барщинную эксплуатацию.

Не в лучшем положении находились и государственные крестьяне. Если в среднем сбор податей с души мужского пола за 1818—1837 годы в России составлял около трех рублей, то в Чембарском уезде этот показатель был в четыре с лишним раза выше. Значительные средства из собранных податей шли на содержание «высочайшего двора». Ежегодно на всевозможные балы, приемы тра-

тились колоссальные состояния. Только за приданое и вознаграждение их императорским высочествам великим княжнам было ассигновано из царской казны три миллиона рублей, добытых потом и кровью крестьян.

Бесправие и нищета народных масс наблюдались по всей России, что видно не только из обличительной мемуарной литературы, но и из официальных документов. В середине двадцатых годов штаб-лекарь Г. Н. Белинский получил брошюру, разосланную министерством внутренних дел. В ней рассказывалось об изобретении аптекарем Бранденбургским, «как выпекать хлеб с примесью мха». Причем в наставлении было сказано: «Хлеб таковой признан не только не вредным, но и выгодным к приуготовлению», и потому должен рассматриваться как «вспомогательное средство к прокормлению народа».

Крестьянские массы не мирились с жестокостью и эксплуатацией. Многие из них писали жалобы, в ряде случаев открыто не подчинялись помещикам. Особенно такие выступления усилились после событий на Сенатской площади Петербурга в декабре 1825 года. Они, как правило, носили более массовый и затяжной характер, часто подавлялись воинскими командами.

Именно такие явления наблюдались в Чембарском уезде. С 1826 по 1830 год длилось неповиновение властям жителей села Невежкино. Постоянное недовольство проявляли крестьяне Плетневки, Балкашина. Здесь протест против произвола крепостников-помещиков выражался даже в том, что некоторые парни, чтобы избавиться от рекрутчины, наносили себе тяжелые раны.

С 1826 по 1829 год продолжались волнения крестьян помещика Богданова. В подавлении этого движения крепостных участвовала воинская команда 9-го стрелкового полка. Длительный период наблюдались «волнения» и «беспорядки, чинимые крестьянами» в селах Кевдо-Вершина, Каштановка и других[1].

Об этих событиях В. Г. Белинский хорошо знал, так как его отец по долгу службы освидетельствовал раненых, убитых и изувеченных крестьян. Многое он слышал от П. П. Иванова, через руки которого проходили уголовные дела о расправе с провинившимися «российскими рабами».

---

[1] См.: ГАПО, ф. 34, оп. 1, дд. 390, 391, 392.

В Государственном архиве Пензенской области хранятся десятки документов, рассказывающих о различных формах борьбы трудового люда со своими угнетателями. Чаще других встречаются первоисточники «о бегстве крестьян от своих благодетелей», «отрезании руки, пальцев», «умышленном повреждении нижних конечностей», чтобы избавиться от рекрутских наборов, о наказании «за отступление от религии», «подачу жалоб» и прочие провинности [1].

Например, широко в Чембарской округе стала известна расправа над Максимом Петровым — грамотным и развитым человеком. Он был женат на дочери прапорщика А. С. Тугучевой, имевшей дворянское звание. Но помещик Дубасов, имение которого находилось в селе Пачелма, по соседству с небольшим владением П. П. Иванова, подложным путем зачислил Петрова в крепостное состояние, нещадно издевался над ним, пять раз бил батогами. Не выдержав истязаний, он решил на законных основаниях добиваться вольной от барина и отправился пешком в столицу, уповая на милость «высших властей». Однако в Керенске был пойман Дубасовым, закован в цепи и подвергнут жесточайшему избиению.

А. С. Тугучева подала на помещика-живодера прошение в суд. Для производства нужно было медицинское заключение о нанесенных Максиму Петрову телесных повреждениях. Такой документ выдал Г. Н. Бельинский. В нем указывалось: «Учиненной в Чембарском суде резолюции на представленном при прошении от прапорщицы Тугучевой, взята ее отыскивающим от господ Дубасовых вольности дворовом человеке Максиме Петрове в присутствии суда мною боевые знаки осмотрены и свежих знаков на нем не имеется. А оказались только на голове задней стороны опухоли, напоенное на груди небольшое крововатое пятно. В этом я, штаб-лекарь, удостоверяю, что действительно оные последовали от ударов. Дворовый же человек Петров при сем свидетельстве заявил, что шишки и знаки последовали от побоев господина его, который, дабы оные зажили, держал его в оковах и на стеной собачьей цепи с лишком две недели, и потому за столь долго прошедшим времени и свежесть их быть не может» [2].

---

[1] ГАПО, ф. 34, оп. 1, дд. 118, 305, 334, 336, 349, 376, 387.
[2] ГАПО, ф. 34, оп. 1, д. 383а, л. 4, 7, 11.

По настоянию П. П. Иванова суд признал Максима Петрова свободным человеком. Но лихоимство и подкупы сыграли свою роль. Поэтому дело Дубасова запросили вышестоящие инстанции.

О коррупции значительной части служителей чембарского суда свидетельствуют многие факты. Подобные явления наблюдались и в других органах губернского правосудия». О них хорошо знали не только П. П. Иванов, Г. Н. Бельинский, но и каждый чиновник. Брат В. Г. Белинского — Константин Григорьевич, поступивший после окончания уездного училища в Чембарский суд, не раз сообщал в письмах о злоупотреблениях стряпчих, копиистов и других сослуживцев. В своих посланиях он указывал: «У нас в Чембаре такая идет кутерьма, что и говорить нельзя: члены и секретарь Земского суда отданы под суд... исправник и заседатель А. Крынский вышли в отставку... В Пензенском уездном суде судья и заседатель отрешены от должности... Стряпчий Васильев и Петр Брычев уволены министром юстиции от своих должностей за неправильное произведение следствия об убитой деревни Топорихи крестьянской женке Фроловой своим мужем, ибо они, не пригласив медицинского чиновника для освидетельствования женки, показали в следствии, что она убита лошадью, а между тем Васильев взял 500 рублей с подсудимого».

В последней истории сказалась, видимо, позиция, занятая лекарем Г. Н. Бельинским. В архивах пока не обнаружено его донесение в вышестоящие инстанции о самоуправстве указанных чиновников по судебному надзору. Но из писем Константина Григорьевича видно, что в Чембар выезжал губернатор, который «нагонял порядком стряпчего Васильева». И здесь же автор эпистолы восклицает: «К счастью его, что папеньки не было дома!»

Однако истинные виновники и прямые соучастники совершаемых злоупотреблений служебным положением нередко отделывались порицаниями или уходом в отставку. А чаще всего их переводили из одного уезда в другой. Вместо них страдали честные люди, кто стоял на стороне закона. Такая участь постигла Н. А. Дьячкова, с которым В. Г. Белинский был в дружеских отношениях, уважал его за честность, прямоту суждений. Это о нем с горечью писал Константин Григорьевич: «Вот бедняк-то, невинно

страдает». И далее свидетельствовал: «Ныне, видно, кто больше трудится, тот и виноват...

Правитель когда в правление, он только что пописывает, с утра до темной ночи и с места иногда не сходит, а другой только взятки берет».

Произвол властей отразился и на службе П. П. Иванова. Его дочь Екатерина Петровна сообщала В. Г. Белинскому: «Получено предписание от губернатора, чтоб отцу... перевесть в Керенск. Представьте себе, каково старику, служившему с таким усердием и ревностью сорок лет, понести такое оскорбление и переносить это по клевете мерзавцев, опять каково получать наказание... тому, который... даже самим Сперанским ставился в пример по деятельности».

Давая характеристику местному чиновничеству, брат Виссарион Григорьевич с болью в сердце сообщал отцу: «В суде служащие низкие люди, которые не умеют ценить и понимать достоинства человека, отличного от них благородством чувствований, поступками и имеющего обо многом понятие и рассудок разумного существа, отличать дурное от хорошего, вредное от полезного»[1].

Не в меньшей мере, чем Константин Григорьевич, о всей гнусности царского судопроизводства знал также его старший брат. Эти впечатления детства и юности в какой-то мере нашли отражение в знаменитом письме к Н. В. Гоголю. Обличая продажность чиновничьего аппарата, В. Г. Белинский указывал: Россия является страной, где «нет не только никаких гарантий для личности, чести и собственности, но нет даже и полицейского порядка, а есть только огромные корпорации разных служебных воров и грабителей» [X, 213].

Таким образом, чембаро-пензенский период жизни В. Г. Белинского имел для него очень важное значение. Здесь под влиянием окружающей среды формировалось его мировоззрение, складывались антикрепостнические убеждения. Благодаря упорному труду по самообразованию он глубоко изучил всю русскую изящную словесность, имел широкое представление об античной и западноевропейской литературе, а также получил основы знаний в области философии и эстетики.

Впереди была Москва, университет.

[1] Литературное наследство, т. 57, с. 125, 129, 155, 173.

ПОСЛЕДНИЙ ПРИЕЗД

В своем исследовании В. С. Нечаева указывает, что, возможно, в конце лета 1829 года В. Г. Белинский прибыл в Пензу, и пока вопрос с отъездом в Москву был решен, он помогал М. М. Попову вести уроки словесности в первом классе гимназии. Но эти занятия якобы продолжались около двух недель. Вероятно, пишет автор исследования, «во второй половине августа, вернее в числа 20-го», узнав об отъезде Н. Н. Владыкина в столицу, сын штаб-лекаря поспешил присоединиться к нему, «согласившись выдать себя за крепостного лакея при своем родственнике, только бы добиться своей цели — стать студентом Московского университета»[1].

Однако вся эта концепция, в которой проводится мысль о безразличии Г. Н. Белинского к участи своего сына и его дальнейшей учебе, ничего общего не имеет с действительными фактами. На самом деле В. Г. Белинский последний раз навестил Пензу в конце июля или в первых числах августа. Здесь он пробыл несколько дней и вернулся во Владыкино. Отсюда вместе с Н. Н. Владыкиным 10 или 12 августа (а не 20-го) выехал в «первопрестольную». Уже 1 сентября В. Г. Белинский сообщал родителям: «...приехал я в Москву 22 числа, экзамены уже начались, я жду исполнения вашего обещания прислать свидетельство, наконец приходит 30 число, и я теряю терпение. Пензенской гимназии учитель М. М. Попов дал мне рекомендательное письмо к бывшему директору Пензенской гимназии Лукерья Савельевна (Владыкина.— *П. М.*) дала мне письмо к генералу Дурасову, он очень ласково меня принял и обещался покровительствовать...»

Не имея на руках соответствующего документа,

---

[1] Нечаева В. С. Указ. соч., с. 252, 253, 254, 424.

В. Г. Белинский пояснял в письме: «Без свидетельства, которое мне так нужно, как мужику пачпорт, и самое мое пребывание в Москве опасно. Если б на заставе я не сказался лакеем Ивана Николаевича, меня бы остановили» [XI, 9, 10].

Отец задержал пересылку свидетельства о рождении сына по не зависящим от него причинам. Оно было выслано 10 августа. Но многие члены дворянского собрания находились в отъезде. Лишь в самом конце месяца удалось собрать двадцать пять их подписей, подтверждающих, что у покойного уездного штаб-лекаря... сын Виссарион действительно рожденный от него прошлого 1811 года мая 30 числа, который нигде в службе еще не находился...»[1]

Направляя эту грамоту, Г. Н. Белынский писал: «Виссарион Григорьевич! Не лишнее подробно описать затруднения на определение в университет, с своей стороны старался преодолеть к тому препятствия, в случае остановки в каких-нибудь документах, чтоб не потерять тебе года, коли на лекции тех предметов, по какой части ты желаешь учиться».

Наконец, получив ожидаемую бумагу, Виссарион Григорьевич с радостью известил отца и мать о «принятии его в число студентов» и что «оному обязан не покровительству и стараниям кого-нибудь, но собственно самому себе». Далее в письме говорилось: «Хотя Лажечников и просил обо мне двух профессоров, но его просьба потому осталась недействительна, что в то время, когда я держал экзамен, вместо их другие были назначены экзаменаторами. Генерал Дурасов тоже в сем случае мне нимало не помог. Впрочем, он тем сделал мне большую пользу, что собственноручною расписокою поручился в том, что я буду всегда ходить в форменном платье и поведением своим не нанесу никакого начальству беспокойства» [XI,14].

Первые успехи прибавили сил. В. Г. Белинский находит время для посещения лекций, чтения литературы. Его можно было видеть на выставках, в анатомическом и физико-математическом кабинетах, где он изучает богатейшие коллекции минералов, птиц, знакомится с электрическими машинами, оптическими приборами, историей развития отечественной техники. Обо всем увиденном

[1] В. Г. Белинский. Сб. документов, с. 242.

студент-чембарец спешил поделиться с родными, знакомыми. В одном из писем к родителям он указывал: «Я был в Музеуме императорского Московского университета. Что сказать о нем: это есть небольшое царство очарования. Почти все, что есть удивительного и достойного внимания в природе, все там находится. Всех же богатее собрание минералов и птиц. Видел университетскую библиотеку; она занимает четыре просторные комнаты; там стоят алебастровые бюсты великих гениев: Ломоносова, Державина, Карамзина... Жалко, что между помянутыми бюстами великих писателей стоят бюсты — площадного Сумарокова, холодного, напыщенного и сухого Хераскова...» [XI, 19, 20].

Об интеллектуальном уровне развития юного чембарца, широте его взглядов, глубине знания истории, образности и яркости языка свидетельствуют письма, которые он адресовал Екатерине Петровне, Алексею Петровичу Ивановым и родителям. Каждое послание — это маленькая повесть или новелла, проникнутые духом любви к прошлому своего народа.

Говоря о первых ощущениях, возникших под влиянием знакомства со столичными достопримечательностями, В. Г. Белинский писал: «Из всех российских городов Москва есть истинный русский город, сохранивший свою национальную физиогномию, богатый историческими воспоминаниями, ознаменованный печатью священной древности, и за то нигде сердце русского не бьется так сильно, так радостно, как в Москве».

Совершая путешествие по улицам и площадям Москвы, он с восхищением свидетельствовал: «Какие сильные, живые, благородные впечатления возбуждает один Кремль! Над его священными стенами, над его высокими башнями пролетело несколько веков... Вид их погружает меня в сладкую задумчивость и возбуждает во мне чувство благоговения. С почтением смотрю я на их старинную архитектуру. Вид их переносит меня в священную древность, в милую русскую старину...

Монумент Минина и Пожарского стоит на Красной площади, против Кремля. Пьедестал оного сделан из цельного гранита и вышиною будет не менее четырех аршин. Статуи вылиты из бронзы. Пожарский сидит, опершись на щит, а Минин перед ним стоит и рукою показывает на Кремль. На передней стороне пьедестала вылито из бронзы изображение людей обоих полов и всех

возрастов, приносящих на жертву отечеству свои имущества. Вверху его изображения находится следующая краткая, но выразительная надпись: «Гражданину Минину и князю Пожарскому благодарная Россия».

Читая приведенные строки, мы видим, насколько В. Г. Белинский уже в этом возрасте умел замечать прекрасное, ценить шедевры зодчества и монументального искусства. А заключительная часть послания раскрывает перед нами его высокий патриотизм, те взгляды на историю, которые сложились на чембарской земле.

«Когда я прохожу мимо этого монумента, — признавался сын штаб-лекаря,— когда я рассматриваю его, друзья мои, что со мною тогда делается! Какие священные минуты доставляет мне это изваяние! Волосы дыбом поднимаются на голове моей, кровь быстро стремится по жилам, священным трепетом исполняется все существо мое, и холод пробегает по телу» [XI, 30, 31].

Как в Чембаре и Пензе, В. Г. Белинский старается использовать каждую минуту для пополнения своих знаний, расширения кругозора. Время, указывал он в одном из писем, драгоценно, тратить его в пустых занятиях или развлечениях есть непростительное преступление. Мы должны беспрестанно учиться, изо всего извлекать полезные уроки.

И такими полезными уроками для него являлись театральные представления. В первые же дни пребывания в столице сын штаб-лекаря побывал на нескольких спектаклях. Прочитав очередную весточку от матери, он отвечал: «Вы меня еще в прежнем письме упрекали в том, что я был в театре, а не был во всех соборных и приходских церквях. Театр мне необходимо... посещать для образования своего вкуса и для того, чтобы, видя игру великих артистов, иметь толк в этом божественном искусстве. Я пошел по такому отделению, которое требует, чтобы иметь познания во всех изящных искусствах. И потому я прошу вас уволить меня от правоучений такого рода: уверяю вас, что они будут бесполезны» [XI, 35].

В театре молодой студент познакомился с некоторыми «даровитыми, по его определению, юношами». Среди них выделялся своими умственными способностями П. Я. Петров, впоследствии известный лингвист, знаток восточных языков. Уже в то время он отличался образованностью, начитанностью, писал стихи, занимался пе-

рсолами. «Мы часто,— сообщал 20 декабря 1829 года В. Г. Белинский в Чембар,— бываем вместе; судим о литературе, науках и других благородных предметах и всегда расстаемся с новыми идеями и новыми мыслями. Вот дружба, которою я могу по справедливости хвалиться!»

Приведенные в письме факты говорят о многом. Во-первых, они еще раз свидетельствуют о том, что сын штаб-лекаря прибыл в Москву с прочным запасом знаний и мог вести с новыми товарищами беседы по литературно-философским вопросам на равных правах. Во-вторых, эти сведения оспаривают высказывания, которые содержатся в ряде белинсковедческих работ, о якобы «провинциализме» юного чембарца, его «ученичестве» в кругу студенческой молодежи, и особенно кружке Н. В. Станкевича.

Характерно в данном отношении и другое высказывание В. Г. Белинского. В письме к Е. П. Ивановой он констатировал: «Надобно иметь большую разборчивость в выборе даже знакомых, не только друзей, ибо мы всегда неприметно, нечувствительно и притом невольно перенимаем у людей, с которыми имеем частое обращение, ухватки, привычки и даже самый образ мыслей. Я где-то читал, что один мудрец древности (не могу упомнить его имени, кажется, Сократ) говорил молодому человеку: скажи мне, с кем ты дружен, и я узнаю и образ твоих мыслей и образ твоего поведения».

Именно с позиций «древнего мудреца» подходил Виссарион к выбору новых друзей и товарищей, с которыми ему пришлось делить радости и горести во время пребывания в университете на положении «казеннокоштного» студента. Особенно часто в своих письмах он жаловался на материальную обеспеченность. В связи с этим некоторые белинсковеды обвиняли штаб-лекаря в «черствости», «скупости», «нежелании помочь сыну деньгами». Поэтому-де «Белинский должен был с тяжелым сердцем упрашивать отца прислать новую сумму...»

Чтобы убедиться в несостоятельности подобных мнений, не надо рыться в архивах. В данном случае достаточно обратиться к переписке самого Виссариона Григорьевича. В письме от 10 сентября 1829 года он сообщал о своих расходах и указывал, что только на всякие покупки у него ушло более сотни рублей. А несколько позже он писал: «По ветрености, а более по неопытности, истратил данную мне сумму денег, которая в моих гла-

лах казалась огромною, неистощимою. 11 ноября отец высылает ему еще сто рублей. Таким образом в течение двух с половиной месяцев штаб-лекарь израсходовал почти одну треть своего годового жалования, составлявшего 665 рублей на ассигнации.

Посылались деньги и позже. Но не научили в семье Виссариона бережному их расходованию. В мае 1830 года, обращаясь с очередной просьбой «о содействовании», он, между прочим, указывал, что еще «в октябре дал одному детине взаймы 15 ассигнаций», но этот шельмец до сего времени «долга не вернул и никогда не вернет». Должен ему с сентября, по словам старшего сына штаб-лекаря, «5 ассигнаций Н. Н. Великий и все обманывает обещанием отдать». «Еще один студент,— писал В. Г. Белинский,— мне должен был 25 ассигнаций», но у которого часть забрал по мелочам, а «12 ассигнаций, не знаю, скоро ли отдаст».

Конечно, юному чембарцу хотелось получше одеться, почаще бывать в театре, купить лишние книги, но материальное состояние штаб-лекаря нельзя сравнивать даже с каким-нибудь мелкопоместным дворянином, не говоря уже о такой помещице, как Е. А. Арсеньева — бабушка М. Ю. Лермонтова, которая могла отвести внуку «на развлечения» или покупку хороших скакунов не одну тысячу рублей.

Знакомясь достопримечательностями Москвы, посещая театр, бывая в доме П. Я. Петрова, шумно споря в небольшом кружке друзей, сын штаб-лекаря не забывал Чембар. «Папенька,— обращался он к отцу,— сделайте одолжение, давайте Константину Григорьевичу денег на пересылку по почте его ко мне писем... Когда я жил в Пензе, то и тогда дорожил всякою строкою, полученною из дома, то кольми паче в Москве».

Огромную радость доставляли ему весточки от Алексея Петровича и Екатерины Петровны Ивановых. Отвечая на их послания, начинающий студент уведомлял: «Благодарю вас, друзья мои, благодарю сокрушно: вы подарили меня несколькими минутами блаженства. Я читал, перечитывал, прятал и опять читал ваши письма... Счастлив тот, кого любят и кто способен любить! Я это только теперь узнал. Ах! мысль, что за несколько сот верст живут люди, которых судьба моя занимает, которые меня любят, обо мне думают и, что всего важнее, жалеют о разлуке со мною, это приятная мысль, эта сла-

дочная уверенность делает меня счастливым: она украшивает жизнь мою» [XI, 21, 22].

С приближением летних каникул В. Г. Белинский начинает мечтать о поездке в Чембар. Еще в самом начале мая 1830 года он уже сообщил о том, что пензенцы — прежние его соученики по гимназии — намерены нанять несколько кибиток и ехать обозом до Нижнего Ломова, который будет местом расставания. «Некоторые, — уведомлял родителей старший сын, — останутся в оном, другие поворотят на Пензу, а я на благословенный Чембар». Ему не хочется, по его словам, лишиться счастья видеться с отцом и матерью, родными и знакомыми.

В первой половине июля В. Г. Белинский снова вернулся в родной дом. В. С. Нечаева, посвятившая десятки страниц характеристике семьи штаб-лекаря, утверждает, что постоянное пьянство отца, усилившееся еще в период обучения Виссариона в уездном училище, в тому времени приняло особенно безобразные формы. Основываясь на письмах 1830—1835 годов, она перенесла сообщаемые в них факты на более ранний период. Автор монографии о детстве и юности великого критика рисует Г. Н. Белинского до предела опустившимся человеком, который якобы отвращал от себя старшего сына, вызывал в нем протест против родительского деспотизма. Наряду с этим, констатировала В. С. Нечаева, в семье штаб-лекаря царствовали «грубость нравов, крепостнические замашки, пошлость быта и интересов» [1].

Действительно, переписка В. Г. Белинского с родными является основным источником для характеристики взаимоотношений, сложившихся в семье штаб-лекаря на протяжении 1829—1835 годов. Причем каждая корреспонденция рассказывает о тех или иных явлениях, которые относились к определенному времени. Если проанализировать письма Виссариона Григорьевича, родителей, брата Константина, Петра Петровича и Екатерины Петровны Ивановых до 1831 года, то ни в одном из них мы не найдем ни единого слова о выпивках Г. Н. Белинского. Наоборот, почти все они свидетельствуют о его занятости работой. Он обслуживал не только Чембарский уезд, но выезжал в Нижний Ломов, проводил медицинские освидетельствования, представлял экспертные заключения в суды. В связи с этим надо сказать,

[1] Нечаева В. С. Указ. соч., с. 111, 112, 271, 324 и др.

ти, вопреки мнениям В. С. Нечаевой, штаб-лекарь не мирился со деятельностью администрации, покрывавшей акты тирании и произвола. На почве этого у него возникли трения с местными чиновниками, князьями и помещиками. И не случайно П. П. Иванов 18 января 1850 года в письме В. Г. Белинскому указывал: «Кутушевы все смотрят сентябрем на наших». Чем-то, видимо, крепко оборчил Григорий Никифорович капитана-исправника — главу полиции уезда.

Отец проявлял заботу о старшем сыне. 11 октября 1829 года он писал: «Не теряй напрасно время... учись, не ленись, после тебе слюбится, и не будешь об оном жалеть. Между прочим, не забывай необходимо правила хорошего или, лучше сказать, благородного образа жизни...

При сем посылаю тебе денег ассигнациями сто рублей; употреби их на необходимые надобности и остаток береги, ты знаешь семейные нужды мои».

5 сентября Г. Н. Белынский в очередном послании писал: «Виссарион Григорьевич! Посылаю тебе при сем тридцать пять рублей ассигнациями, распорядись, сколько нужно дать на дорогу для лошадей, опиши, сколько стало туда. Если денег сих мало будет, пиши, я пришлю еще. С семейством своим остаюсь благополучным. Твой отец Григорий Белынский».

Весьма важным для характеристики штаб-лекаря является его письмо к старшему сыну от 6 февраля 1831 года. В нем говорилось: «По приезде моем из Пензы в Чембар, как в первом, так и последнем, не имел свободных для расеряриться надлежащим образом. Теперь начинаю дышать свободнее и спешу тебя потешить двадцатью рублями с тем, чтоб ты и эту сумму умел ценить...

Опиши мне обстоятельнее и вернее о несовершенно еще отличном колере в Москве, нашедшем ими с наших городов отправили много съестного, и нам ничего не оставили... Мне хотелось увериться в расположении и полном удовлетворительном смысле твоего сочинения собственными глазами...

При сем прилагается Никалаево письмо, которое он недели три сочинял и недаром — читай! — и удивляйся позднему литературному сему гению!.. Нельзя ли его письмо отдать в цензурный комитет и напечатать в журнале для образцового подражания...

Мать твоя здорова. Сестра и весь дом, слава богу. Остаюсь твой доброжелательный отец Григорий Белинский».

Проявлял он интерес и к первым литературным произведениям старшего сына, которые появились на страницах «Листка». 12 июня 1831 года Константин Григорьевич сообщал брату о том, что папенька с большим удовольствием читал «твою пиесу «Русская быль» и, может быть, мысленно благодарил небо; равно маменька и я очень сему радуемся».

Во время летних каникул 1831 года Д. П. Иванов часто посещал семью штаб-лекаря. 14 августа под свежим впечатлением он уведомлял В. Г. Белинского: «Домашние твои все живы и здоровы; в вашем доме обуял всех одна только болезнь, похожая на холеру, и более всех страждет твой папенька, она известна мне под именем тщеславие дворянства: с чином коллежского асессора она водворилась у вас в доме».

Высочайшее повеление о присвоении Г. Н. Белинскому чина коллежского асессора, которым приобретался потомственное дворянство, было подписано 7 августа 1830 года. Но об этом документе в Чембаре узнали несколько позже. 22 января 1831 года старший сын писал: «Любезный папенька, Григорий Никифорович! С искреннею радостию спешу поздравить вас с получением отличия, не схваченного, а заслуженного вами. Желаю, чтобы вы с такою же честию носили его, с какою и заслужили» [XI, 46].

Однако в семье штаб-лекаря действительно назревал кризис. И начался он как раз с того времени, когда Д. П. Иванов сообщал своему другу о водворившемся в доме «тщеславии дворянством». 6 сентября мать Мария Ивановна уведомляла В. Г. Белинского: «Отец твой недели с три пьет в мертвую голову и меня поносит и ругает всячески...» Но к этому сообщению, на наш взгляд, следует отнестись с осторожностью. Сохранилось письмо самого отца от 4 сентября, в котором он пишет: «Виссарион Григорьевич! О болезни твоей я имел сужденне и нашел, что оная происходит от твоей неосторожности. От чистого сердца желаю тебе посланные при сем двадцать пять рублей ассигнациями употребить в пользу облегчения твоей болезни.

Я слышал, что ты табак покуриваешь без всякой причины или надобности. В твоих летах предаваться такому

лишеству... невозможно, умеренное и необходимое, для моего нынешнего состояния и возраста, желаю поберечь себя...

На этой же странице имеется приписка М. И. Белинской, которая сообщает сыну о готовящейся для него посылке с теплым бельем, но ничего не говорит о пьянстве мужа. Дошло до нашего времени и письмо Константина Григорьевича, тоже датированное 4 сентября. В нем указывается: «Ныне как папенька подал на имя государя императора просьбу 14 августа о перемещении его в город Елатьму, то ежели не замедлит ее, а придется папеньке, чтоб он туда ехал, то посему я и не знаю, куда мне переходить — туда в уездный суд, или в Тамбов в казенную палату, или в Саратов, где служит Константин Васильевич Великопольский по контрольному отделению, куда он меня и звал». Как видим, и здесь ни слова не сказано о поведении отца.

Затем в письме от 18 ноября 1831 года М. И. Белинская сообщала старшему сыну: «Отец опять поговаривал послать тебе денег, но у него теперь нет, то и погоди несколько... Бабушка, сестра тебе кланяются; мы все, слава богу, здоровы, живем по-прежнему, понемногу, шумим, бранимся, сраимся». Спустя ровно девять месяцев 18 августа 1832 года она снова жаловалась В. Г. Белинскому, высказывала обиды на мужа, но здесь же оговаривалась: «Прошу тебя, мой друг, не огорчайся моим нахождением и домашним расстройством, и прошу тебя, не говори отцу в его пожелании, чтобы он не догадался, что я тебе писала».

Подобная оговорка не случайна, ибо Мария Ивановна не отличалась уравновешенностью характера, была злонравна, вспыльчива и нередко, видимо, как это видно и из писем Виссариона Григорьевича, преувеличивала факты, возводила мелкие неурядицы во что-то нетерпимое. В подтверждение приведем сообщение Константина Григорьевича тоже от 18 августа 1832 года. В письме к старшему брату он указывал: «Папенька с масленицы самой вина никакого не пьет, кроме полпива, и то редко, от которого иногда, принесши вечером, бранится с мамонькою, которая, слушавши твое письмо, была тронута справедливостью твоих слов, касающихся до нее и нашего семейства».

Эти примеры ярко говорят о разных точках зрения по существу затронутого вопроса.

Однако этот переломный момент наступил в конце 1832 года. К этому периоду у штаб-лекаря сложились крайне обостренные отношения с местным чиновнично-полицейским аппаратом. Он обнажал продажность дворянских заседателей, стряпчих, открыто говорил о непорядках в судопроизводстве, но поддержки не получал. Все это усиливало обстановку. Григорий Никифорович опять решил бежать из Чембара. 10 декабря 1832 года жаловался сообщал старшему сыну о том, что отец отказался лечить влиятельного помещика, предводителя дворянства уезда, бывшего судью П. А. Мосолова и «хочет нынешнюю зиму ехать в Пензу и просить губернатора, чтобы позволили ему перейти в армию или в какие-нибудь дальние города».

Местные дворяне объявили Г. Н. Белинского сумасшедшим, распространяли о нем ложные слухи. И человек не выдержал, надломился. 6 марта 1833 года Мария Ивановна сообщала В. Г. Белинскому: «Про отца тебе скажу, что он с пятого или седьмого числа генваря пил запоем... но в начале февраля совершенно остепенился и о сю пору в добром здоровье и тихо лето в нашем доме». Но 17 июня она снова сообщала о пьянстве мужа. 19 октября Константин Григорьевич писал: «В доме у нас все по-прежнему. Папенька, как и прежде, пьет...», 22 января 1834 года — «Папенька занимается делами Бахуса», 5 июня — письмо матери — «отец пьет с месяц умеренно, после этого опять запьет запоем; тут-то мученье наше, хоть все со двора беги...»

Словом, приведенные примеры свидетельствуют о том, что к моменту прибытия В. Г. Белинского на каникулы в Чембар в доме штаб-лекаря не могло быть тех явлений, о которых так пространно пишет В. С. Нечаева. Его приезд совпал с другими волнующими событиями, которые странно потрясли восприимчивую душу юноши. Он оказался свидетелем жестокой расправы с крестьянами села Невежкино.

Как уже указывалось, это было одно из самых затяжных по своей длительности выступлений народных масс России конца двадцатых годов прошлого века. Еще в период восстания декабристов на Сенатской площади Петербурга Григорий Гфимов распространил слухи о том, что с крепостных государственных крестьян сбор податей якобы отменен. Под воздействием его агитации сто тридцать хозяйств отделились от сельского общества,

не желая платить, по их мнению, излишние поборы, и отказались выполнять положенные повинности.

В село Невежкино уездные власти направили своих медиаторов. Григорий Ефимов на основе постановления земского суда был наказан плетьми. Однако крестьяне не смирились. Они подавали прошения губернатору, сенатору Горголи, посылали всем миром ходоков с жалобами в Москву, в которых рассказывали о своей тяжкой жизни, приводили конкретные примеры жестокого обращения местных чиновников с людьми. Но власти мер к виновным не принимали.

В феврале 1830 года доведенные до отчаяния крестьяне учинили расправу со старостой и его племянником. Для следствия в село Невежкино выехал дворянский заседатель Чембарского суда Симанский с воинскими чинами, который устраивал в домах подозреваемых в убийстве крестьян погромы, бил стекла, ломал печи, вскрывал сундуки, избивал женщин... «Неповинующиеся» же мужики, вооруженные пиками, вилами, топорами, скрылись из села. Они устроили засаду и напали на Симанского, когда он возвращался в Чембар. В тяжелом состоянии его доставили к Г. Н. Белынскому. В следственных делах имеется акт медицинского освидетельствования, подписанный штаб-лекарем. В этом документе указывалось, что крестьяне нанесли дворянскому заседателю несколько ран на голове, ногах, «от каковых он, Симанский, находится в крайнем изнеможении сил, отчего и слов от него понять невозможно».

События, разыгравшиеся в Невежкине, вызвали серьезную тревогу у губернского начальства. На подавление бунта и поимку преступников были брошены воинская команда и свыше двухсот пятидесяти понятых. Крестьяне, окруженные в местном лесу, не выдержали неравного по силам сражения. После нескольких залпов они вынуждены были сложить оружие и сдаться. Двое раненых крестьян умерли через день, а для лечения других вызывался в Невежкино Г. Н. Белынский, но он послал вместо себя лекарского ученика.

Комиссии военного суда, которая заседала в Чембаре в первых числах августа 1830 года, то есть в то время, когда В. Г. Белинский находился на каникулах в родном доме, был предъявлен еще один документ, подписанный штаб-лекарем. В свидетельстве указывалось, что у подсудимой села Невежкино крестьянки Авдотьи Мартыно-

вой действительно внизу мочки левого уха рубец, по ровности его сращивания приметно, что произошло от разорвания». Так Г. Н. Белинский подтверждал те раны, которые наносил крестьянам Симинский во время своего пребывания в Невежкине. В результате комиссия высшего суда вынуждена была признать его действия «противоречащими закону». Однако 7 августа суд вынес жестокое постановление: трое крестьян приговаривались к повешению, остальные — к наказанию шпицрутенами[1].

В семье штаб-лекаря и в доме секретаря уездного суда горячо обсуждали случившееся. Впервые здесь, в затерявшемся среди лесов и перелесков небольшом городке, именем закона провозглашалась смертная казнь над простыми людьми, которые пытались защитить свои права, свое элементарное достоинство.

Гудел над городом колокол. Резала ухо частая дробь барабанов. Молча склонили головы убитые горем осужденные. Роптала собравшаяся на соборной площади городская чернь — ясашные крестьяне.

По-иному стал смотреть на окружавшую действительность и старший сын штаб-лекаря. По впечатлениям увиденного и пережитого В. Г. Белинский начал писать свою знаменитую драму «Дмитрий Калинин», пропитанную антикрепостническим духом и борьбой за право свободы и равенство человека. Она по силе обличения крепостного рабства и некоторым совпадениям текстологических деталей близка к радищевскому «Путешествию из Петербурга в Москву».

Пожалуй, ни в одном другом произведении, написанном в первой половине прошлого столетия, не обнажались так ярко социальные противоречия, как в драматической повести В. Г. Белинского. Нельзя без содрогания слушать рассказ старого слуги помещицы Лесинской Ивана. «Как покойный-то барин... изволил кончиться,— жаловался он,— нас стали мучить, как скотов каких; коли учнут напрасно взыскивать, не моги рта разинуть, не моги пикнуть в оправдание,— на конюшню, да и только, уж порют, порют, как собак каких. А если кто захворает, да доложат барыне, так только и услышишь: «Вишь, какой благородный, вишь, какой дворянин! Еще хворать вздумал; полечите-ко его хорошенько орапельником!» Ну, такое житье, что хоть околевай, да и только, али ложись живой в мать сыру землю; могуты на-

[1] В. Г. Белинский. Сб. документов, с. 151, 152, 153

шей не стало... Иной охотник собак лучше кормит, как нас барыня...»

И далее, при встрече с Дмитрием Калининым, умудренным жизнью Иван, повидавший на своем веку «добрых и злых господ», снова говорит о положении крестьян в вотчине после смерти старшего Лесинского. «Барыня,— сетовал слуга,— так начала тиранствовать над нами, что не дай господи такого житья лихому татарину ни здесь, ни на том свете: и била, как собак, и отдавала в солдаты, и пускала по миру, отнимала хлеб, скот, осматривала клети, ломала коробьи, обирала деньги, холст; кто малость в чем-нибудь провинится, так ушлет в дальние вотчины,— да всего и пересказать нельзя. На каторге колодникам лучше житье-то, чем нам грешным у барыни».

В этой драме устами своего героя Дмитрия В. Г. Белинский спрашивает: «Неужели эти люди для того только родятся на свет, чтобы служить прихотям таких же людей, как и они сами?.. Кто дал это гибельное право — одним людям порабощать своей власти волю других, подобных им существ, отнимать у них священное сокровище — свободу? Кто позволил им ругаться правами природы и человечества? Господин может, для потехи или для рассеяния, содрать шкуру с своего раба; может продать его, как скота, выменять на собаку, на лошадь, на корову, разлучить его на всю жизнь с отцом, с матерью, с сестрами, с братьями и со всем, что для него мило и священно! Милосердный боже! отец человеков! ответствуй мне: твоя ли премудрая рука произвела на свет этих змиев, этих крокодилов, этих тигров, питающихся телами и мясом своих ближних и пьющих, как воду, их кровь и слезы!» [I, 498—499].

Эти страстные и смелые слова, обличающие крепостное право, очень близки к словам декабриста В. Ф. Раевского. Он также со всем негодованием писал о крепостных порядках России. «Кто дал человеку право называть человека моим и собственным? По какому праву тело и имущество и даже душа оного может принадлежать другому? Откуда взят закон торговать, менять, проигрывать, дарить и тиранить подобных себе человеков?»

О подлецах, беззаконниках, которые попирают право граждан и питаются их кровью, писал журнал «Беседующий гражданин». С ним В. Г. Белинский был знаком еще в Чембаре. Являясь органом «Общества друзей словес-

ных наук», в которое входил А. Н. Радищев, этот журнал призывал лучших представителей литературы вооружиться «стрелами в пользу истины и добродетели и против тиранов, разрушающих благо общества». «Нападайте на сии чудовища, которые питаются кровью народа и истощением граждан!.. Сорвите маску с сих беззаконников, с сих подлецов, с сих лицемеров, с сих обманщиков!» [1]

Однако драма «Дмитрий Калинин» не подражательное произведение. «Издавая в свет мою драматическую повесть,— писал автор в предисловии к ней,— я чувствую всю важность моего поступка и поэтому почитаю за нужное отдать моим читателям отчет в оном... выразить этот внутренний мир самого себя, этот мир собственных мыслей и чувствований». И далее В. Г. Белинский указывал, что основой этих «мыслей и чувствований» явилось: «Чтение поэтов, чтение истории, углубление в самого себя, печали, радости, восторг, равнодушие, волнение страстей, порыв к чему-то неопределенному, тоска по чем-то неведомом, размышление о человеке, о непонятной смеси доброго и злого, высокого и низкого» [I, 419—420].

Таким образом, глубокое познание литературы и истории, пристальное наблюдение за развитием русского общества, жизненный опыт и связанные с ним радости и горести дали тот богатый материал, который В. Г. Белинский изложил в «Дмитрии Калинине».

Многие лица драмы взяты с натуры, как указывал Виссарион Григорьевич в письме к отцу. Но им автор придал обобщенный характер, свойственный эпохе двадцатых годов девятнадцатого века. Жестокая помещица Лесинская — это собирательный тип вроде Мосоловой, Давыдовой, княгини Кутушевой, которых можно было видеть не только в «дворянских гнездах» Пензенской губернии, но и по всей России.

Стоны крепостных, их жалобы на «собачью жизнь», грозные возгласы: «Эй, люди! Сюда! Что же вы, болваны, али ослепли? Несите веревки, кандалы, цепи!», чтобы ковать отступника и нарушителя барской воли,— разве это свойственно только Лесинской? Во многих крупных и мелких поместьях крепостнической России встречались Лесинские, Салтычихи, Коробочки, Плюшкины и им подобные.

---

[1] Беседующий гражданин, 1789, ч. I, февраль, с. 169

Автор драмы старался найти ответ на вопрос, как же быть дальше, что же делать, чтобы восстановить правду и честь. Терпеть и страдать, творить молитвы и просить облегчения всевышнего? Нет! Когда законы противны правам природы и человечества, правам самого рассудка, то человек может и должен нарушать их — делал вывод герой произведения.

Наряду с обличением крепостничества, тех порядков, которые были присущи николаевской России, В. Г. Белинский затронул в своем произведении другие важные стороны жизни русского общества. В первую очередь это касалось морально-этических вопросов. В драматической повести автор наделил высокими человеческими достоинствами простых людей, показал их честность, гуманность, сострадание к таким же труженикам, как и они сами. Вместе с тем через все произведение красной нитью проводится мысль о разложении и деградации представителей «благородного сословия». Был один добрый барин, и тот умер. Его место занимают жестокие крепостники — сыновья Андрей и Петр Лесинские, чванливые, недалекие в умственном развитии, пропитанные ненавистью к своей «крещеной собственности».

Впервые в русской литературе В. Г. Белинский коснулся проблемы эмансипации женщин, той проблемы, которая спустя полтора десятилетия займет важное направление в творчестве ряда писателей, поэтов, художников, деятелей театрального искусства. В драматической повести автор вывел прекрасные образы Рунечки и Софьи Лесинской, стремящихся к образованию, выступающих против домостроевских устоев и сословных предрассудков, готовых пожертвовать своими интересами ради участи простых людей.

И наконец, в произведении В. Г. Белинского весьма отчетливо звучат антирелигиозные мотивы. В лице Сидора Андреевича автор показал лицемера и ханжу, готового под покровом «священного писания» найти любое оправдание насилию и глумлению над крепостными крестьянами. А в монологах Дмитрия Калинина не только берется под сомнение, но и прямо отрицается существование «всевышнего».

До сих пор среди белинсковедов идет спор о времени создания драмы «Дмитрий Калинин». Одни из них считают, что она была написана в течение сентября — декабря 1830 года, когда В. Г. Белинский уже находился в

Москве. Другие же датируют ее концом августа — сентябрем 1830 года. Последнее предположение более правдоподобно, но не отвечает истине.

При внимательном анализе истории написания «Дмитрия Калинина» можно сделать вывод, что по времени создания эта драматическая повесть относится к июлю — августу 1830 года, то есть к периоду пребывания ее автора на летних каникулах в Чембаре. Для такого заключения имеются весьма веские основания.

В письме из Чембара в начале января 1831 года Е. П. Иванова спрашивала Виссариона Григорьевича: «Скажите мне, что ваша трагедия?»[1] В этом вопросе ясно сказано, что она знала о его сочинении. Откуда она могла узнать? Возможно, из писем самого В. Г. Белинского? Оказывается, нет, ибо после отъезда из Чембара он написал родным лишь два письма, которые относятся ко второй половине сентября, и в них ничего о «Дмитрии Калинине» не говорилось. За последующий период с 24 сентября, как началась холера в Москве, он в Чембар не писал, о чем свидетельствует его корреспонденция Ивановым от 13 января 1831 года. В ней указывалось: «Слава богу! воскликнете вы, получив мои письма, молчал, молчал, молчал — и наконец заговорил! Вы, я думаю, уже кушали жирные блины за упокой моей окаянной души, которая, как, может быть, думаете вы, расталась с своим многогрешным телом... через посредство услужливой госпожи холеры, — этой неутомимой перевозчицы православных с сего света на другой» [XI,-43].

Таким образом, из писем самого В. Г. Белинского Е. П. Иванова не могла получить сведения о драматической повести. А она не только имела основательные представления о ней, но и судила о ее содержании, видя в ней опасные мысли. Об этом она уведомляла юного студента в очередном письме, посланном во второй половине января 1831 года. В частности, Е. П. Иванова предупреждала: «А больше всего желаю вам не приходить в отчаяние от неудачи вашей трагедии, которая произойти может не от недостатка оной, а от необдуманности какой-нибудь или торопливости вашей. Советую вам, Виссарион Григорьевич, не спешить издавать оную, а отдать на

---

[1] Литературное наследство, т. 57, с. 58

рассмотрение людям опытным, каким-нибудь ученым старичкам, а не молодым вашим товарищам, а пуще всего не полагайтесь на собственное об ней мнение, ведь говорят, что сам сочинитель есть самый плохой судья своего произведения. Не полагайте на меня за грубые мои советы, но примите их в знак моего искреннего к вам расположения»[1].

Следовательно, еще до отъезда В. Г. Белинского в Москву Е. Н. Иванова хорошо знала обширный отрывок произведения. Но поскольку самые обличительные строки против крепостного рабства содержатся во второй части, можно предположить, что в Чембаре была написана почти вся повесть. Такой вывод подкрепляется письмом В. Г. Белинского к Ивановым, в котором указывалось, что во время холеры несколько близких к нему семейств образовали небольшой литературный кружок. «Это общество,— сообщал он в Чембар,— окончившееся седьмым заседанием, принесло мне ту пользу, что заставило меня окончить мою трагедию, которая без этого едва ли бы когда-нибудь была написана» [XI, 44]. Здесь В. Г. Белинский подчеркивает, что он окончил трагедию, а не написал ее.

О том, что «Дмитрий Калинин» создавался Белинским в чембарский период, свидетельствует в какой-то мере и часть сохранившегося автографа, который находится в Пушкинском Доме АН СССР. Правда, по своему содержанию он почти не отличается от цензурного экземпляра, за исключением некоторых ошибок и сокращений, допущенных при переписке. Но в рукописи В. Г. Белинского имеются значительные правки и, кроме того, отдельные действующие лица носят другие имена и фамилии. Так, главный герой повести не Дмитрий Калинин, а Владимир Семенович, его друг — не Суровцев, а Волынский, воспитательница Софьи — не Рудина, а просто мамзель. Самое важное разночтение цензурного экземпляра с автографом заключается в том, что в последнем нет обширного примечания к монологу Владимира (Дмитрия).

Все эти отличительные особенности автографа наводят на мысль, что перед нами первый вариант драматической повести. Но в связи с этим невольно возникает вопрос о том, когда Белинский работал над этим вариантом? Если судить по примечанию, которое имеется в

[1] Литературное наследство, т. 57, с. 59.

цензурном экземпляре, то это время должно быть раньше сентября, так как в примечании автор использует оригинальный материал, опубликованный в «Московских ведомостях» за 24 сентября 1830 года. Следовательно, это еще раз в какой-то степени говорит за то, что большую часть «Дмитрия Калинина» В. Г. Белинский написал в Чембаре, то есть в период пребывания на летних каникулах в июле — августе 1830 года.

Наряду с этим надо сказать, что о сохранившейся части автографа драматической повести В. Г. Белинского неоднократно упоминалось в библиографических справочниках. Однако, по чистой случайности, он до сих пор не привлекал внимания исследователей жизни и творчества великого критика, хотя представляет определенный интерес, как уже отмечалось, для уточнения текста произведения.

Так, в академическом издании Полного собрания сочинений В. Г. Белинского Лесинская говорит: «Скоро уж шесть часов. Мне надо съездить на час *места* (курсив мой. — *П. М.*) к сестрице Аграфене Лукьяновне...» Слово «места» здесь не имеет смыслового значения, и, конечно, не мог автор допустить такого оборота речи. Обращаясь к его автографу, читаем: «Скоро шесть часов. Мне надобно съездить на часок к сестрице Аграфене Лукьяновне».

Неверно воспроизводятся в одном из диалогов и слова Дмитрия Калинина. В разговоре с Софьей он восклицает: «Я в состоянии только молчать — и чувствовать!.. Нет, радость сильнее горести!» Содержание второго предложения не раскрывает первого. Слово «горевать» не значит «чувствовать». Видимо, у автора было написано по-другому, и оба эти предложения выражали одну мысль. Сравнивая приведенные слова Дмитрия Калинина с рукописью, убеждаемся, что предположение подтверждается. В автографе написано: «Я в состоянии только молчать — и *лить слезы!* Нет, радость сильнее горести!»

В другом месте Дмитрий, обвиняя барина Лесинского, с гневом произносит слова: «Я почитал этого старика за образец добродетели; думал, что любовь его ко мне бескорыстна, а он — он потому только любил меня, что видел во мне плод своей роковой любви». В таком варианте слово «роковой» не раскрывает основного мнения героя произведения о «барине-сластолюбце». В авто-

графе взято более верное и более сильное определение, а именно — вместо «роковой любви» написано «беззаконной любви».

Можно привести еще несколько искажений, допущенных в публикациях «Дмитрия Калинина» как в академическом, так и других изданиях. На первый взгляд, они не таким существенны, но каждое выражение, каждый оборот речи обращают на себя внимание, и по ним можно судить о литературном мастерстве молодого автора.

Но драме «Дмитрий Калинин» не суждено было увидеть свет. Когда в январе 1831 года В. Г. Белинский отослал ее в Цензурный комитет университета, то участь не только произведения, но и самого автора была предрешена. Цензор А. А. Цветаев в своем донесении сообщал, что в драматической повести нашел множество противно религии, нравственности и Российским законам, в ней автор «декламирует против рабства возмутительным образом для существующего в России крепостного состояния». В соответствии с этим заключением печатание рукописи запретили и наложили на нее арест. Только по стечению обстоятельствам автор остался на свободе, но о нем ежемесячно должны были докладывать начальству.

Так уже с юных лет определилась для В. Г. Белинского терниста тропинка, которая вывела его на широкую дорогу борьбы с русским самодержавием и крепостными порядками России. Искры, зажженные в душе юного Виссариона в Чембаре и Пензе, разгорелись затем в яркое пламя, которое освещало путь лучшим сынам русского общества и звало их на ратные подвиги во имя счастья и свободы народных масс.

СОДЕРЖАНИЕ

Родом из Белыни 3

В провинциальном городке 26

Первые учителя 48

Ученик уездного училища 82

В Пензенской гимназии 121

Снова в Чембаре 155

Последний приезд 171

Петр Федорович Максяшев

В. Г. БЕЛИНСКИЙ В ЧЕМБАРЕ И ПЕНЗЕ

Редактор *Л. Н. Толмириди*
Художник *В. Г. Евграфов*
Технический редактор *Л. В. Андронова*
Корректор *Р. И. Богданова*

ИБ 576

Сдано в набор 24.01.1980 г. Подписано в печать 31.10.1980 г. ФЛ15691. Формат 84×108 1/32. Гарнитура «Литературная». Печать высокая. Усл. печ. л. 10.08. Уч.-изд. л. 10,602. Тираж 25 000. Цена 50 коп. Заказ 1597

Приволжское книжное издательство
Пензенское отделение
Саратов, пл. Революции, 15.

Производственное объединение «Полиграфист» Управления издательств, полиграфии и книжной торговли Саратовского облисполкома. Саратов, пр. Кирова, 27.

50 к.

Саратов
Приволжское книжное издательство
Пензенское отделение
1980